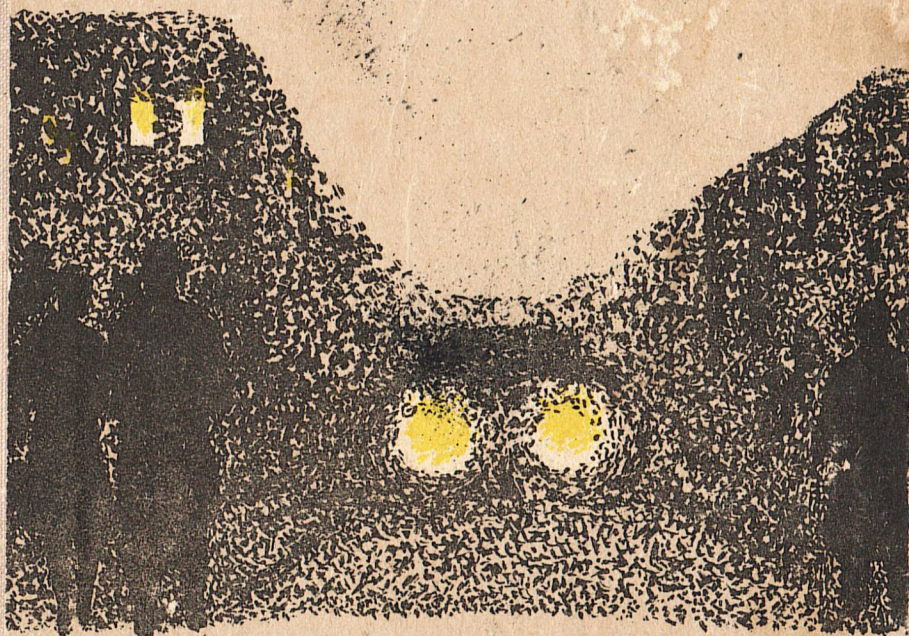

П. ТАРАСЕНКО

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ МИЛИЦИИ

25.11.75
Александр
И.И. Семенов

П. ТАРАСЕНКО

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ МИЛИЦИИ

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1975

34C33(C163)
T—19

П $\frac{0-1-2-4-11-75}{M\ 159(03)-75}$ **11—75**

© Ставропольское книжное издательство, 1975 г.

ОТ АВТОРА

В эту книгу вошли очерки о сотрудниках милиции Ставрополя от ее зарождения и до наших дней, о их подвигах в борьбе с недобитыми белогвардейцами, кулачем, преступниками. В основу повествования мною положены воспоминания участников событий и архивные документы.

Трудно им было, первым милиционерам, подчас вооруженным одним наганом на двоих. Но их идейная убежденность, мужество и самоотверженность были надежной опорой революции. И они упорно шли вперед от победы к победе. Наперекор лишениям, назло всем смертям, на страх врагам трудового народа.

И побеждали. Не могли не победить, потому, что у колыбели советской милиции стояли великий Ленин и его выдающиеся соратники М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский, Г. И. Петровский.

Среди подвигов коммунистов и беспартийных, рядовых великой армии Октября, есть подвиги и первых сотрудников милиции Ставрополя.

В поселке Красномихайловском Благодарненского района тридцать милиционеров во главе с начальником милиции Лихачевым-Любомирским вступили в неравную схватку с бандой, насчитывающей свыше шести-десяти головорезов. Завязался жестокий бой, который длился несколько часов. Бандиты были разбиты.

В приказе № 179 от 11 ноября 1921 года начальник губернской милиции охарактеризовал милиционеров, участвовавших в этом подвиге, как «истинных защитников трудового народа». И для того, чтобы запечатлеть на долгие времена доблестных работников Лихачева-Любомирского, Брацука, Филипенко, Форостьяна, приказывалось «занести (всех) на Красную доску золотыми буквами».

Подлинный героизм в борьбе с бандитами проявили сельские участковые милиционеры. Вот один из наиболее ярких эпизодов этой борьбы. В селе Казинка старшим милиционером служил Руденко. Это был смелый, безгранично преданный Советской власти человек, бывший фронтовик. Его уважали бедняки, ненавидели богатеи. Однажды прибежал соседский мальчик и сообщил:

— В селе бандиты!

Не раздумывая, Руденко быстро оседлал коня и, захватив оружие, помчался к центру села. Внезапно его окружили бандиты, пытаясь взять живым. Но не тут-то было. Алексей Васильевич, несмотря на полученный шашечный удар, смело вступил в схватку с двенадцатью бандитами. Двух из них он зарубил саблей, третьего застрелил, остальные, когда подоспел народ, бежали.

За этот героический подвиг и самоотверженность приказом по губмилиции имя Руденко было занесено на Красную доску золотыми буквами. От лица службы ему объявили благодарность.

Немало замечательных людей из Ставропольской милиции погибло в ожесточенных схватках с бандитами, уголовниками.

В апреле 1921 года начальник Карачаевской милиции Аскербий Карабашев выехал в горный аул Хасаутский для поимки бандитов. Поздно вечером 15 апреля он возвращался в свой отряд, расположенный в Кисловодске. Аскербий не знал, что за ним по пятам крадется шайка бандитов, возглавляемая кулаком Байрамукowym. В местечке Кичи-Балык Карабашев был окружен. На предложение сдаться он ответил стрельбой из маузера. Два бандита были убиты. Но кончились патроны, и работник милиции оказался в руках бандитов.

— Попался, красная сволочь! — злорадствовал главарь. — Сейчас мы тебе покажем, чья власть сильнее.

Всю ночь головорезы издевались над Карабашевым, подвергая его страшным пыткам. Утром 16 апреля бандиты сбросили Аскербия с отвесной скалы...

В схватках с бандитами погибли в 1921 году милиционеры Павел Цымбал, Авраам Погода, Николай Шерстронов, Никифор Шандров...

Таких стойких работников милиции было много. Жизнь их — летопись мужества и беззаветного служе-

ния Родине в особенно нелегкое время — первые годы Советской власти.

В гражданскую войну, в период восстановления народного хозяйства, во время первых социалистических пятилеток, в годы Великой Отечественной войны и теперь, в мирные дни, сотрудники милиции всегда на страже интересов государства, своего народа.

...Этот вечер 10 октября 1972 года был для участкового инспектора Георгиевского ОВД-Владимира Панкратова обычным.

Поужинав, Панкратов быстро собрался и вышел на участок. Как всегда, зашел в штаб, проинструктировал дружинников, познакомил их с оперативной обстановкой в городе, а затем он направился в общежитие СМУ-22.

Здесь он встретил коменданта, который сообщил о том, что несколько минут назад в общежитии устроила скандал группа подвыпивших парней. Хулиганы двинулись в сторону старого кладбища.

— Ладно, учтем, — выслушав коменданта, сказал Панкратов и продолжил обход участка. Вскоре он увидел эту «группу парней» недалеко от улицы Ленина. Они распивали вино. Участковый сделал им замечание и предложил разойтись по домам.

От остальных отделился некий Гуденко и подошел к участковому:

— Видали мы таких, начальничек.

— Прекратите паясничать! — потребовал Панкратов.

Хулиган набросился на участкового, ударил его сзади ножом. Потом последовал еще удар, еще...

Владимир, превозмогая острую боль, выхватил пистолет и сделал выстрел вверх. Бандит и его «дружки» бросились бежать. Участковый попытался задержать преступника, но силы были уже на исходе. Тогда он выстрелил и ранил убежавшего...

За самоотверженные действия и мужество, проявленные при задержании опасного преступника, Указом Президиума Верховного Совета СССР Владимир Павлович был награжден орденом Красной Звезды.

Настоящее мужество проявил в момент задержания опасного вооруженного преступника и участковый инспектор Урупского отдела внутренних дел КЧАО стар-

ший лейтенант милиции Ханбали Ибрагимович Гочияев. Он награжден медалью «За отвагу»...

Высокий патриотизм, готовность к подвигу во имя защиты интересов Отчизны и прав граждан, строгое соблюдение законов, преданность коммунистическим идеалам — неотъемлемые качества работников милиции.

Десятки и сотни мужественных, влюбленных в свою нелегкую милицейскую профессию сотрудников, отдают сегодня все свое умение и жар сердец благородному служению Отчизне и народу. Их сила в опоре на широкие массы общественности. Их авторитет — в постоянной заботе партии и правительства о кадрах милиции.

Одним из ярчайших проявлений такой заботы — принятое в ноябре 1968 года постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о мерах по дальнейшему укреплению органов милиции. Сотни коммунистов и комсомольцев по зову сердца, по направлению партийных, советских и комсомольских органов, по рекомендациям коллективов трудящихся влились в ряды солдат порядка. Новое пополнение работников милиции бережно хранит славные традиции своих старших товарищей.

Если, прочитав эту книгу, ты, дорогой читатель, составишь более полное представление о широте и сложности задач милиции, о многообразии ее важной работы, о повседневном и кропотливом труде солдата порядка, — значит, я достиг своей цели.

Автор.

КОМАНДИР ОТРЯДА МИЛИЦИИ

Утро этого дня было пасмурным. Тучи, казалось, надолго заволокли небо. Но вот подул ветерок, и вскоре на горизонте засияли весенние лучи солнца.

— Пожалуй, можно и без пальто, — сказал Марк Тимофеевич. Привычным движением накинул на плечи пиджак, поправил ордена и медали.

— Никак не сидится тебе, — вздохнула жена.

— Меня там ждут. Сегодня встреча ветеранов с молодежью...

В большом светлом клубе Пятигорского городского отдела внутренних дел шумно. Здесь и молодые работники милиции, и дружинники, и члены оперативных комсомольских отрядов. К ним пришли люди интересной судьбы, комсомольцы двадцатых годов.

Зал притих. На трибуну поднялся Марк Тимофеевич Кувалин. Он говорил медленно, иногда останавливался, припоминая. Это была не подготовленная заранее речь.

Марк Тимофеевич рассказывал собравшимся о тревожных огневых годах, о том, в каких трудных условиях отстаивали первые работники милиции завоевания Октября.

Все внимательно слушали. И перед ними будто оживали картины тех далеких грозных лет.

* * *

В первую мировую войну Марку Кувалину было двадцать. Воевал он храбро. За подвиги его наградили двумя георгиевскими крестами и двумя медалями. Потом были тяжелое ранение, ампутация ноги. Выписался из госпиталя после Февральской революции. Как жить? Двадцать три года и... костыли. Признали инвалидом второй группы и как георгиевскому кавалеру назначили пенсию... 3 рубля!

В 1918 году Кувалину изготовили в Москве протез, и он снова вернулся в строй. Приехал в город Старый Оскол Курской губернии, добровольно вступил в продотряд. Стране, истощенной войной и иностранной военной интервенцией, нужен был хлеб.

Однажды обыскали подворье одного кулака и обнаружили несколько мешков пшеницы. В это время с улицы кто-то крикнул:

— Спасайтесь!

Продотрядовцы схватились за винтовки, но было поздно: дом окружили со всех сторон.

— Ну, большевики, креститесь, пришел вам конец, — прохрипел кулак. — Глядите в последний раз на белый свет. Утром кокнем.

Всех заперли в сарае, к дверям поставили охрану.

— Дело дрянь, — невесело сказал Марк Кувалин.

— Да, погибать не хочется, — отозвался другой. — То ли дело в бою...

В тревоге шло время. Каждый о чем-то думал.

— Надо бежать, — решительно сказал Марк, — иначе всем будет крышка. Здесь должен быть лаз на чердак, через него и махнем.

Разделились на две группы: одна потихоньку, на ощупь искала выход на чердак, другая — наблюдала за охранником. Он сидел на пеньке и курил, задумавшись о чем-то.

Один из продотрядовцев шепотом сообщил: в левом

углу, с тыльной стороны сарая имеется небольшой лаз, через него можно выбраться на чердак, а оттуда — во двор.

Кувалин подал условный знак — залечь и наблюдать за охранником, ждать удобного момента.

Ночью продотрядовцы один за другим бесшумно выбрались из сарая во двор. Чтобы не навлечь беды, решили убрать охранника. За это взялся Марк Кувалин. Он осторожно перелез через плетень, но был обнаружен охранником.

— Стой, — прохрипел бандит.

Кувалин нанес ему молниеносный удар по голове, и тот грузно повалился на землю.

Продотрядовцы поздно ночью огородами ушли к своим...

В феврале 1920 года Марк Тимофеевич Кувалин приезжает в село Новоселицкое Ставропольской губернии. Как одного из активистов, здесь выбирают его членом ревкома и заведующим продовольственным отделом.

Однажды Кувалин возвращался домой. Его окликнул посыльный:

— Вас вызывают в Александровский уездный комитет партии.

— Хорошо, завтра выеду.

Рано утром неказистая лошадка с трудом тянула возок по раскисшей дороге. Словоохотливому деду Максиму наскучило молчание попутчика — двадцатипятилетнего Марка Кувалина, который, несмотря на солнечное утро, то и дело поеживался от озноба в своей кавалерийской бекешке. Его большие запавшие глаза горели лихорадочным блеском.

Дед Максим намотал на передок брички вожжи, окинул сочувствующим взглядом спутника, закурил.

— Да-а-а, — неопределенно протянул он. — Чуть не прибрала тебя курносая. Сколько людей погибло за эту войну — уму непостижимо. Ты, Марк, в район по делу или просто так? Может, в больницу?

— Нет, я уже здоров.

— По тебе видно, — ухмыльнулся дед. — А как нога?

— Ничего, все в норме. Подлечили...

Кувалина приветливо встретил секретарь укома. После крепкого рукопожатия он заботливо усадил его

в кресло и принялся расспрашивать о настроении мужиков в деревне, работе продотряда, коснулся работы милиции, ликвидации банд, состоящих из недобитой белогвардейской сволочи. И тут же, не давая Кувалину опомниться, повел его в отдел милиции (он находился недалеко) посмотреть милицмейских лошадей. Любуясь скакунами, Марк не обратил внимания на появившихся откуда-то милиционеров.

— Ну как? — спросил один из них.

— Хороши, гарцевать можно, — ответил Кувалин.

Возвратившись в кабинет, Кувалин поинтересовался, зачем его вызвали?

— Садись. На глядки вызывал.

— Женить, что ли, собираешься?

— Угадал.

— На ком?

— На Новоселицкой милиции, — серьезно ответил секретарь и тут же спросил:

— Ты читал декрет Ленина о создании рабоче-крестьянской милиции?

Кувалин пожал плечами.

— Вот, почитай! — секретарь подал тоненькую брошюру.

Марк прочел. На последней странице стояла подпись Ленина.

— Понимаешь, какое важное значение придает Владимир Ильич организации милиции?

— Понимаю. А справлюсь ли? — неуверенно про-бормотал Марк. — Дело-то для меня новое, незнакомое.

— Справишься, товарищ Кувалин, ты коммунист. Будешь руководствоваться революционной совестью и пролетарским самосознанием...

Управившись со своими делами, дед Максим вечером заехал за Кувалиным. Он еще издали услышал доносившиеся гиканье, одобрительные возгласы и лошадиный топот. Заглянул во двор и опешил от удивления: по широкой площадке на стройном вороном жеребце носился Марк Кувалин. Круто заломленная папаха чудом удерживалась на голове.

— Чего это он выделяет? — спросил дед у проходившего милиционера.

— Да это ж новоселицкий начальник милиции «пробу» снимает с коня. Вот дает! Вот это начальник!

— Ну и дела-а,— только и проговорил дед Максим.

Марк Кувалин сам подбирал в милицию людей из демобилизованных красноармейцев, участников гражданской войны, местных жителей — честных, стойких.

Приходилось решать вопросы не в кабинете, а прямо на месте. Надо было формировать конные отряды милиции. Молодой коммунист проявлял немало смекалки и умения, разбираясь в людях. Он распознавал в добровольцах тех, кто не пожалеет жизни ради идеи, которой собирался служить, и хорошо видел тех, кто для серьезного дела не подойдет.

Работников милиции вооружили винтовками, револьверами и шашками, изъятыми у кулаков и стражников. У каждого была лошадь. Были и конные тачанки.

В уездном центре шли митинги. Большевики разъясняли людям задачи текущего дня. А задачи были сложными: отстоять только что завоеванную Советскую власть, разбить внутреннего врага — кулачество, спекулянтов, бандитов.

Начальник милиции Кувалин тоже выступал перед народом. Был он горяч, смел. Однажды во время митинга к нему подошел молодой человек и, оглянувшись, сообщил, что на окраине села только что убит активист-агитатор.

— Покажешь, где? — спросил Марк Тимофеевич.

Шагали быстро. По дороге Кувалин обдумывал план предстоящего расследования преступления.

Убитого нашли в одном из глухих переулков. Начальник милиции знал этого человека. Но не знал его врагов.

— Кто видел убийцу? — спросил он собравшихся людей.

На этот вопрос никто не смог ответить. Шум слышали, а видеть не видели. Все попытки Кувалина ухватиться за нить, ведущую к раскрытию преступления, не имели успеха. Долго беседовал он с собравшимися. Наконец, кто-то из них высказал предположение:

— Два дня назад один богатый приглашал к себе в гости этого человека, — житель показал рукой в сторону убитого. — Очень упорно приглашал. Этот богатый живет здесь недалеко. Его фамилия Савичев, зовут Пантелеем.

Это было уже подозрение. Неспроста богатей за-

интересовался активистом. Кувалин вызвал двух милиционеров. Вместе с ними отправился к Савичеву.

Хозяин встретил гостей любезной улыбкой:

— По какому делу пожаловали?

— По делу об убийстве активиста, — прямо сказал начальник милиции.

— Почему ко мне? Обратитесь к власти.

— Мы и есть власть, — ответил Кувалин. — А следы убийства ведут к тебе. Ты приглашал в гости парня? Люди сказали об этом. Они все знают.

— Сохрани бог! — перекрестился Пантелей. — Не убивал я! Такого греха на душу не возьму.

— Врешь! Нам все известно. Это ты убил его. Решил избавиться от красного агитатора? Он ведь здорово был тебе не по нраву, потому что хотел лучшей доли для бедняков. И ты его прикончил.

— Помилуйте, не я это. И кто — не знаю...

День «не знаю», два «не знаю», на третий Савичев признался:

— Это убил Мирон Савостин. Я только присутствовал...

Враги Советской власти старались всячески помешать наладить в селах нормальную жизнь. Шли на подкупы, на шантаж, на убийства.

Кувалин со своим отрядом по несколько суток не слезал с коня, метался по селам, хуторам, очищая их от грабителей, бандитов, от недобитых белогвардейцев и просто воров. Но крупные банды ловко ускользали от возмездия, оставляя после налета голосивших баб с ребятишками, пепелища на месте хат и избитых активистов. На имя Кувалина шли десятки угрожающих анонимок. Но только злее и сосредоточеннее становился от этого командир отряда. Посылал разведчиков на поиски бандитов. Устраивал засады, решительно пресекал антисоветские выступления кулаков. Урывками, но с упорством занимался самообразованием. Ему много нужно было знать, чтобы учить подчиненных, чтобы руководить людьми.

Вечерние сумерки заползли в кабинет. Кувалин отложил в сторону книгу. Чуткий слух уловил приближающийся конский топот.

Вскоре в кабинет вбежал человек. Кувалин еле

узнал в нем своего помощника — за трое суток лицо заросло густой щетиной, из-под фуражки струились грязные ручейки пота.

— Две банды объединились и этой ночью думают перебить актив и милицию, — выпалил прибывший.

Кувалин знал о многочисленности банд, состоящих из уголовников, помещичьих сынков и разной отпетой дряни.

— Данные точные?

— От надежного человека, Марк Тимофеевич.

— Где сейчас бандиты?

— Не знаю, но мне известен точный маршрут их продвижения сюда.

— Поднимайте ребят по боевой тревоге. Вызовите всех наших, кто отдыхает.

Но вскоре пронзительный свист разорвал тишину, и в ту же минуту из-за бугра послышался конский топот.

Всадники с диким гиканьем и воем проскочили окраину, стали быстро растекаться по улицам. Захлопали двери в хатах, раздались крики.

Через несколько минут все работники милиции были в полной боевой готовности.

Завязался бой. Милиционеры находились в здании, стреляли из окон. Их пули прижимали бандитов к земле. Головорезы приближались. Они уже близко.

— Огонь!

Шквал огня ударил по бегущим. Несколько человек упало. Но бандитская лавина продолжала накатываться. Залпы следовали один за другим. Крики, треск винтовочных выстрелов — все смешалось, не разобрать. По кирпичу здания густо цокали пули. Залетали и в оконные проемы. Вот кто-то опрокинулся, схватившись за грудь. А вот совсем молоденький милиционер тихо осел, выронив берданку...

Прошел час, другой. Патроны на исходе!

Начало светать. И Кувалин решил: надо отходить. Но тут случилось непредвиденное. В тот момент, когда Кувалин двигался перебежками в сторону больницы, его схватили несколько бандитов.

Марка Тимофеевича привели на окраину села. Здесь его ждал главарь шайки Бут. Кулак, люто ненавидевший Советскую власть.

— Ну, где оружие, красный милиционер? — спросил он у Кувалина, глядя исподлобья.

— Оружия нет, оно у личного состава, — смело ответил Кувалин.

— Отправьте его к этому, как его...

— Чучману, — подсказал кто-то из бандитов.

— Да, к нему.

Как только Кувалин вошел в здание милиции, захваченное бандитами, сразу же увидел секретаря партийной организации сельсовета Чучмана.

— Как ты сюда попал? — спросил его Марк Тимофеевич.

— Меня еще утром схватили бандиты.

Через некоторое время Чучмана вывели во двор милиции и там изрубили шашками. И вдруг в село влетел конный эскадрон красногвардейцев.

В коротком бою они выбили бандитов. Кувалин был спасен.

В декабре 1923 года Марка Тимофеевича Кувалина назначили начальником Моздокской уездной милиции. Это было смутное время. Всюду разруха, голод. Бандиты останавливали поезда, грабили население, убивали активистов.

Банда Мурашова появилась на станции Терек. Она разграбила товарный поезд. Оперативная группа, возглавляемая Кувалиным, поспешила на место преступления.

Начальник милиции, глядя на своих кое-как одетых работников, на их небогатое вооружение, на обветренные, заострившиеся лица, думал об этих людях с нежностью. Они пошли за ним, хотя он не сулил им легкой жизни, не обещал каких-либо выгод. Марк говорил им правду:

— Будет трудно, товарищи! Служба опасная. Вам придется оставить дома и семьи. Вам не придется пахать землю, о которой вы столько мечтали и которую получили теперь. Но кто же защитит эту землю, ваших жен и детей, новую жизнь вашу, если не вы сами?..

Вскоре отряд прибыл к месту события и вступил в перестрелку с численно превосходящей группой бандитов.

Перестрелка длилась несколько минут. Лошади налетчиков испуганно ржали.

— Бандиты начинают отступать, надо ползком продвигаться вперед, — передал по цепочке Кувалин и двинулся первым.

Особенно отличился в этом бою Василий Орлов, успевший уложить троих бандитов. Вот он встал и громко крикнул:

— Ребята, вперед! — и, пригнувшись, сделал бросок. В тот же миг из кустов ударили одновременно несколько выстрелов. Орлов зашатался и замертво рухнул на землю.

В этой перестрелке еще четверо бандитов были убиты, а трое схвачены. Но Мурашова среди них не оказалось, — скрылся с другими участниками шайки.

В одном из задержанных Кувалин узнал подручного главаря банды. Марк Тимофеевич распорядился ввести его в кабинет. Развязал руки, усадил на табурет.

— Поможешь поймать Семена, — будешь жив, а не поможешь...

Получив точные сведения о местонахождении Мурашова, Кувалин во главе отряда милиции поспешил выехать в село Архангельское.

Когда окружали дом, где ночевал главарь шайки, залаяла собака.

Заспанные хозяин и хозяйка встретили «гостей» хмурыми взглядами.

— Чего надо? Кто?

— Милиция! — последовал ответ.

Вошедшие увидели рядом с печью измятую постель. Значит, услышав лай дворняги, бандит попытался удрать.

— Где Семен? — спросили старика.

— Никакого. Семена я не знаю.

— А постель чья?

Хозяин опустил голову.

С зажженной керосиновой лампой вышли во двор. Когда приблизились к сараю, послышался едва уловимый скрип и шорох. В сарае были ясли. Кто-то, вероятно, поднялся по ним на сennик.

Двое работников милиции остались в сарае, другие начали взбираться наверх. Грохнул выстрел. Пуля просвистела у самого уха одного из милиционеров.

Воспользовавшись замешательством, Семен выбежал со двора — он хорошо знал расположение построек —

и бросился в огороды. За ним — второй бандит. Работники милиции даже не подозревали, что вместе с Муршовым мог быть еще кто-то из его шайки. После двух выстрелов подручный главаря свалился. Семену удалось убежать.

Раненого перевязали, стали допрашивать. Он рассказал, где сейчас могут находиться остальные участники шайки вместе с Семеном. А вскоре было обнаружено бандитское гнездо, куда стаскивалось все награбленное. Самих же «хозяев» логова нашли в ложбине в полукилометре от их логова. Они спокойно грелись у костра.

Работники милиции спешили и, оставив коней, неслышно двинулись к костру.

Вот Кувалин подал знак остановиться. Долго вглядывались в силуэты. Наконец, командир тихо сказал:

— Тот, что справа, Семен.

Работники милиции сомкнули кольцо.

Бандиты, прижавшись друг к другу, видимо, дремали. Неожиданно над ними прогремел выстрел. Головоузоры всполошились, схватились за оружие.

— Руки вверх! Не шевелиться! — громкоскомандовал Кувалин.

— Ух, сволочи, продали все-таки! — крикнул кто-то из бандитов, выхватывая из-за пояса наган. Но он тут же был убит.

К 1925 году бандитизм в уезде был окончательно ликвидирован. Жизнь входила в нормальную колею. И в этом немалая заслуга одного из первых командиров милиции бесстрашного Марка Кувалина.

И ПУЛИ СВИСТЕЛИ...

Закончилась гражданская война, и Прокофий Плескачев возвратился в родное село Винодельное. Вскоре коммунисты избрали его секретарем коммунистической ячейки. Потом он работал заведующим отделением янкульского совхоза. А в начале 1922 года Плескачева вызвали в губком РКП(б).

Обращаясь к нему, секретарь губкома партии Мышкин сказал:

— Как вы знаете, с кадрами милиции на местах у нас неважно. Думаем послать вас для укрепления органов. Как на это смотрите?

— Я всей душой, но... трудная задача.

— Да, трудная. Однако очень нужная. Сдавайте свои дела в совхозе — и в распоряжение начальника губмилиции Апанасенко.

На второй день, сдав дела, Прокофий Плескачев был в кабинете Апанасенко.

— Значит, к нам, на укрепление? — поздоровался с ним Иосиф Родионович. — Это хорошо. Нам такие люди нужны. Пошлем начальником уездной милиции. Только должен предупредить: работа предстоит исключительно тяжелой и опасная. Без преувеличения скажу: пока не выловим всех бандитов, каждый день смерти за плечами будет стоять. Ясно?

— Ясно, — по-военному ответил Плескачев. И, помолчав, совсем другим тоном добавил:

— Несколько лет мы с вами, Иосиф Родионович, рядом со смертью ходили. Неужто сейчас испугаемся?

— Ну что ж, я не сомневался. Значит, будем оформлять.

Началась новая, нелегкая жизнь. Свергнутая буржуазия не сдавалась. Контрреволюция собирала силы, устанавливала связи с белыми офицерами и уголовными элементами. Все было пущено в ход против Советской власти: голод, кулацкие восстания, бандитские налеты, выстрелы из-за угла.

Трудно было вначале молодому начальнику милиции, боевому командиру приспособиться к такой службе. Он привык к открытой схватке с противником, к бешеной сабельной рубке, к битве, в которой жаром пылало сердце, а победа доставалась сильным, смелым и ловким.

Теперь все иначе. На хитрость притаившегося врага следует отвечать еще большей хитростью. И бывает так, что сильный и нетерпеливый погибает от руки слабого, но умеющего выждать...

В селах и на хуторах Курсавки объявилась крупная банда Беззубова. Чуя свой близкий конец, головорезы ничего и никого не жалели на своем пути. Их налеты на хутора и хуторские окраины, вооруженные ограбления и убийства наводили панический ужас среди населения.

Бандиты похищали лошадей и оружие, убивали советских активистов, громили комсомольские ячейки. Главарь банды был человеком жестоким и осторожным. Время шло, а напасть на его след никак не удавалось.

Тревожные сообщения продолжали поступать почти ежедневно: «В Янкулях совершено вооруженное ограбление совхозной кассы». «В Нагутах утром убит чело-

век». В третьем месте — опять новое происшествие...

Сколько еще человеческих жизней находилось под угрозой! Требовались срочные меры для обезвреживания банды.

* * *

Плескачев в раздумье листал тоненькую папку нового «дела». Кроме двух рапортов да нескольких скудных показаний очевидцев, нет ничего, что подсказало бы пути к расследованию. Разве что вот это... Прокофий перечитал наспех исписанный листок. Запись одного из свидетелей — пожилого крестьянина Чугуева.

«Мужик он из себя видный, крупный (речь идет о главаре Беззубове). Говорит мало. Больше плеткой указывает своим сподвижникам, что делать надобно. Не кричал на нас. Не то, что его бандюги. Мы даже подумали, может, обойдется, может, ничего худого не сделают. А тут один из наших местных подкулачников шепнул ему что-то. Главарь аж в лице переменялся. В мою сторону посмотрел и спрашивает так спокойно:

— А что, верно говорят, сын твой коммунист и в Совете работает?

— А кто его знает, — говорю. — Разве нынче сыновья рассказывают, куда они уходят и где работают? Не видали мы с матерью сына, поди, уже несколько месяцев.

— Ишь, так и не видали? Ну что ж, Федя, поучи его уму-разуму. Пусть знает, как детей воспитывать.

Подходит ко мне детина здоровенный.

— Вставай, — говорит, — батя, будем азбуку учить. — И хохочет. — По букварю!

А в руках плеть. Всю спину, сучий сын, исполосовал. Мои ревут — все просят пощадить старика. А тот, старший, стоит и так ему вежливо:

— Ты, Федя, не увлекайся, конечно. Не до смерти, а только для науки. Чтоб сам помнил нас да сыну указал по чужим амбарам шастать.

Другие члены шайки в это время шарили всюду. Даже божницу не пощадили. И там все проверили. Видно, деньги искали. Маленьких детей из люлек выбрасывали, смотрели: не спрятано ли чего в люльке. Вот гады!

Подобное творили и у соседей. Кто сопротивлялся, тех били чем попало. Тащили все ценное...

Как главарь банды выглядел? На правой щеке шрам от уха до челюсти. Сам высокий, плотный. Маузер на боку в деревянной кобуре. На голове — кубанка, кажется».

Плескачев отложил в сторону папку. Он все время думал об этой банде. Уничтожить ее необходимо — это ясно. Но где она? Легко сказать: «Найти и уничтожить». Прокофий вспомнил недавний разговор по телефону с начальником губмилиции.

«Возможно, наши ребята нападут на ее след?...» В это время зазвонил телефон. Передали сообщение о местонахождении банды Беззубова.

Рано утром, когда село еще спало, небольшой отряд, возглавляемый Прокофием Плескачевым, был в пути.

Рассвет наступал медленно. Небо смутно розовело. Роса прозрачными бусинками лежала на неподвижной листве мелких кустарников, траве. Сквозь клочковатый белесый туман проглядывали неясные, расплывчатые очертания холмов и бугров.

Около небольшого селения Водораздел отряд Плескачева встретился со своей разведкой. Это были два сотрудника милиции, переодетые в штатское и снабженные документами уездной кооперации, они ездили по селам и хуторам, нащупывая бандитов и собирая о них нужные сведения.

Разведчики сообщили, что банда Беззубова находится в урочище хутора Веселого и готовится совершить налет на село Нагуты.

Отряд появился неожиданно, но его, видимо, все-таки заметили.

Тишину разорвал первый выстрел, эхом раскатившийся в долине. За ним последовала редкая беспорядочная стрельба, и бандиты обратились в бегство. По ним дружно открыли огонь. Несколько лошадей со всадниками упало. Оставшиеся в живых участники шайки скрылись. Один легкораненый был схвачен.

Как потом выяснилось, главарь шайки Беззубов разбил банду на две самостоятельные группы и строго приказал им в открытый бой с отрядом милиции не вступать, а стараться заманить его в засаду.

Так вот почему так легко далась эта победа!

Настроение у работников милиции испортилось — ведь бандиты в большинстве своем сумели скрыться.

— Нечего расстраиваться, разом ничего не дается. А ниточка у нас теперь имеется, — заявил Плескачев.

Он стоял среди комнаты сухощавый, как всегда невозмутимый, легкий в движениях и внимательным взглядом окидывал по очереди каждого из присутствующих.

— В наших руках теперь есть их соучастник. Надо получше его допросить.

Один из сотрудников привел бандита. Это был рослый, широкоплечий детина с круглым лицом. Глаза у него так и бегали.

Здоровяк заметно нервничал, переступал с ноги на ногу. Допрос вел Плескачев:

— Как твоя фамилия?

— Тенеев. Звать Евлампием.

— Ранение как? Серьезное?

— Да ничего, сойдет. Маленько почерябало...

— Будешь говорить, Тенеев, начистоту или как? Врать начнешь?

— А чего ж говорить? Говорить мне нечего. Стреляя в вас, помог ребятам своим уйти... Все как на ладони ясно.

— Давно разбойничаешь?

— Около года. Прежде-то я крестьянствовал, хозяйство у меня небольшое.

— А как же в банду попал?

Тенеев мялся, вздыхал. Потом нерешительно, тихо, каким-то унылым голосом заговорил:

— Жил я семейной жизнью, крестьянствовал. Так бы и до сего дня дожил, кабы не приехал ко мне давний дружок Митрофан Гусаков. Мы с ним на одной улице росли. Потом он уехал на Дон. А вот когда вернулся... Ну вечером, как водится, встретились. Самогонки выпили. Разговорились. Он стал приглашать в свою компанию, в эту самую... банду. Говорит, жалеть не придется. Все иметь будешь, что захочешь. Заживешь по-пански.

Я подумал, ну и согласился.

Плескачев поднялся со своего места, обошел вокруг стола, приблизился к Тенееву и, разжигая сигарку, пытливо глянул на бандита:

— Значит, так Евлампий... Ты, как я понял, случайно попал к бандитам?

— Выходит, случайно, — дрогнувшим голосом ответил Тенеев.

— Небось и детишки есть?

— Имею.

— Сколько же их?

— Трое. Два мальчика и девочка. Одному семь. Другому — пять, третьей — второй годок пошел.

— Давно их видел?

— Давненько...

Плескачев нащупал слабое место в душе Тенеева и не преминул этим воспользоваться, видя, что заколебался допрашиваемый и понимая, что в его душе уже борются противоречивые чувства. Видимо, пленник совсем не так представлял себе допрос. Явно думал, что на него будут кричать, ему будут угрожать, требовать признания, бить, может, станут и вдруг... этот душевный разговор о детях...

— Если ты, Евлампий, случайно попал к бандитам, если тебя завлекли в банду обманом, то и разговор с тобой особый. Я-то это понимаю и верю тебе, а поверят ли другие? За участие в банде, за вооруженное сопротивление суд вполне может приговорить тебя к расстрелу.

Тенеев вздрогнул, лицо побледнело:

— Жаль детей, да и жинку тоже...

— А тогда давай напрямую. Можно найти смягчающие вину обстоятельства. Ты вот подумай только, Тенеев, сколько горя людям приносят твои дружки, сколько слез! А ведь ты можешь все это прекратить.

По всему было видно, что слова начальника милиции Тенеев воспринял остро, всей душой. Тот самый час возмездия, о котором не мог не думать прежде Тенеев, наступил. И сейчас появилась единственная возможность искупления хотя бы частично своей вины перед народом.

— Скажи, Евлампий, где сейчас бандиты?

Тенеев долго молчал, потом глухо сказал:

— Продать; значит, дружков? Так они ж меня за это прикончат.

— Не прикончат. Мы их надежно спрячем.

Допрашиваемый снова замолчал. На его лице отражалась внутренняя борьба. Наконец, медленно и невнятно Тенеев заговорил:

— Знаю, где Беззубова полюбовница живет — в селе Султанском. Там они и должны осесть, больше нигде им быть.

— А если так, то ты и води нас, — Плескачев глянул на часы. — Пока доберемся, твои кореши спать будут. Самый раз их побеспокоить. Дом она занимает, эта самая полюбовница Беззубова, или что?

— Ага, дом. Капитальный, с высоким забором. Сарай есть. В общем, живет, как купчиха. Собака у нее...

— Ну, так и договоримся, Евлампий: вместе поедem, ты постучишь... Полюбовница-то эта твой голос знает?

— Знает, бывали мы у нее не раз.

— Но, смотри, предупреждаю: если сигнал какой подашь — первая пуля твоя. Понял?

— Что я чумной!

Под вечер отряд выступил из Курсавки. Выступил с сохранением всех мер предосторожности. Противник тоже имел свою разведку. Поэтому решили двигаться не по тракту, а по проселкам и бездорожью.

Впереди отряда ехал Прокофий Плескачев. Это был человек выше среднего роста, с черными густыми волосами. Он мерно покачивался в седле.

Хотя Прокофий не новичок в этих местах, и все-таки ему здесь нравилось. Нравились эти ночи, просторы, пряный запах. Он любил природу. Гражданскую провоевал вместе с Апанасенко. Доводилось не раз бывать и здесь. Привык к ставропольским степям, к их равнине, полюбил их.

В войну его миновали пули. Был он ладно скроенный, веселый мужик, с простым, крепким лицом.

Вскоре отряд круто повернул к селу Султанскому. Плескачев собрал сотрудников и ознакомил с обстановкой. Разбил отряд на три группы и каждой определил задачу. Одной из групп поручил охранять выходы из села. На себя взял самого Беззубова.

На рассвете группа Плескачева подъехала к высокому забору, ограждавшему дом. Прокофий взялся за металлическое кольцо калитки, повернул его, но калитка не поддавалась — заперта изнутри. Во дворе тревожно залаяла собака. И в ту же минуту хлопнула дверь дома, кто-то сбежал с крыльца. Тенеев шепнул:

— Уйдет Беззубов. Он знает лаз: прямо из конюшни калитка.

Плескачев крикнул:

— Взломать ворота! Взять бандитов!

Сам вскочил на коня и поскакал вокруг забора к кошошине. Один за другим прогремели бандитские выстрелы. Прокофий услышал топот копыт и прищипорил своего коня. Выскочил из-за забора и увидел, как по пахоте в сторону степи скачет в нижнем белье всадник. Плескачев стиснул зубы и, вынимая маузер из кобуры, прошептал:

— От меня ты далеко не уйдешь!

Беззубов повернулся в седле и начал отстреливаться...

Плескачев прицелился и выстрелил. Лошадь под бандитом упала. Всадник брякнулся в нескольких метрах впереди нее. Прокофий осадил разгоряченного коня, уперся правой рукой в бок и, глядя на поднимающегося бандита, на лице которого отчетливо был виден глубокий шрам, зло выругался:

— Пришел твой конец, паскуда!

Тем временем подскакал один из милиционеров и доложил:

— Сподвижников его, — кивнул в сторону Беззубова, — задержали. Одного из них, правда, пришлось прикончить. Отстреливался, гадина. Двух товарищей ранил.

Так перестала существовать банда Беззубова. Но это не означало, что в Курсавском уезде наступили мирные дни. Предстояли новые дела, новые трудные походы.

Недобитые головорезы рыскали по селам, хуторам, наводя страх на местных жителей. И носился летучий отряд Плескачева по степям и селам...

Вскоре объявилась новая банда некоего Ганченко. Разбойники долгое время были неуловимы: они находили поддержку у богатеев села...

* * *

Сегодня получены дополнительные сведения, что главарь шайки Ганченко иногда появляется на окраине села Крымгиреевского у своего брата. Нередко устраивает там попойки со своими приближенными.

Через некоторое время Плескачеву стало известно еще, что главарь банды с верными дружками будет сегодня вечером на именинах брата.

Сборы были недолги. Выехали, когда сгустились сумерки. Мчались по пыльной дороге.

Вот и дом, в котором собрались бандиты. Линейку оставили в стороне, сами пошли пешком. Донеслись звуки гармоники и топот пляшущих.

По негласной традиции работников милиции на самое опасное дело первым шел старший по чину и, следовательно, самый опытный.

Обращаясь к начальнику угрозыска, Плескачев тихо сказал:

— Расставить ребят вокруг хаты. Если из окон ползут, ты, значит, их... Понял?

Вход в дом шел через какую-то пристройку в виде сарайчика. Дверь туда оказалась незапертой. Плескачев резко отворил ее и вплотную столкнулся с человеком.

— Только тихо! — сказал Плескачев. — Мы из милиции...

Луч фонарика осветил лицо задержанного. Им оказался кто-то из приглашенных соседей именинника.

Начальник милиции прильнул к щели — да главарь здесь, его он сразу узнал. Рядом с ним — несколько сподручных. Из комнаты тянет сивушный запах. Вместо гармоники теперь были слышны звуки гитары и слова из песни: «Начинаются дни золотые...»

Плескачев с силой рванул дверь, в наступившей тишине раздался его громкий голос:

— Сидеть смирно!

Ганченко рванулся в сторону, впопыхах шаря в своем кармане.

— Не двигайся!

В это время раздался выстрел. Плескачев почувствовал, как теплый воздух обдал его лицо. Пуля ударила в буфет. Звякнули осколки разбитой посуды.

— Сволочь! — сказал Плескачев и выстрелил.

— Сдаюсь! — заорал главарь и поднял обе руки, из одной текла кровь.

— Я — начальник милиции Плескачев. Приказываю сложить оружие! Поднять руки!

Один из бандитов выхватил из кобуры наган. Выстрел Плескачева опередил его. Бандит, выронив оружие, повалился на пол.

Милиционеры бросились к двум бандитам, стоявшим у кровати, ощупали карманы:

— Где оружие?

Один из них попытался было отшутиться:

— Такие игрушки нам ни к чему.

— А это что? — милиционер достал из-под одеяла карабин и револьвер.

В комнату входили с докладами оперативные работники. Разоружение остальных членов банды труда теперь не составило.

Когда работники милиции выезжали в обратный путь, солнце уже пробивало лучи сквозь редящую пелену утреннего тумана. Главарь банды со связанными руками сидел на линейке и смотрел в небо. Потом лицо его исказила гримаса. Он зло проговорил:

— Эх, бита карта!..

* * *

В начале тридцатых годов враги Советской власти, уйдя в глубокое подполье, нередко совершали бандитские вылазки. Прокофий Потапович Плескачев в то время был начальником Петровской милиции. И снова ночи без сна, дни без отдыха. Одеяло на кровати в кабинете лежало несмятым по нескольку суток. Ни одно преступление не оставалось нераскрытым, если над ним работал Плескачев.

...Майский вечер. Вдали сверкает молния. В сельском Совете еще горит свет. Склонившись над столом, заместитель председателя сельсовета Владимир Дудченко что-то пишет. Закончив, устало откинулся на спинку стула. «На сегодня хватит, — решил он. Взглянул на часы. — О! Уже скоро десять, пора идти домой...»

Владимир шел медленно. Свернул на тропинку, ведущую через огороды к дому. Здесь все знакомо. Вдруг сзади ударил выстрел, потом второй...

Недалеко проходила какая-то женщина. Сначала она не поняла, в чем дело, подошла поближе. И сразу же отпрянула. Резкий женский крик разорвал тишину:

— Человека убили!

Стали собираться люди. Кто-то сказал:

— Надо бежать за участковым!

Спустя несколько минут участковый инспектор Осипов звонил дежурному милиции, а тот — Плескачеву.

— Что? Полчаса назад? У каменной стены? Слушай-

те, дежурный, немедленно вызовите агента угрозыска (тогда агентом называли оперативного работника). Пусть берет людей и выезжает на место. Да, да. Я тоже буду, и начальника отделения ОГПУ Воловика предупредите.

Осипов то и дело обращался к собравшимся:

— Граждане, давайте расходиться по домам. А ты, Кузьмич, и ты, Савельевна, оставайтесь сторожить, чтобы близко никто не подходил, потому следы сохранить надо.

Вскоре подъехала оперативная группа. Пули попали Дудченко в грудь и в шею. Не приходя в сознание, он через два часа скончался.

После того, как осмотр места преступления был закончен, Плескачев собрал оперативных работников. У каждого возник один и тот же вопрос: кто убил Дудченко? Чем вызвана кровавая расправа?

Может, это мсть? Может, кто-то, озлобившись, решил свести счеты? Только за что? Дудченко был добродушным, справедливым человеком.

Или же преступление совершено по политическим мотивам?

Именно на этом и остановились Плескачев и начальник ОГПУ Воловик. Они знали Владимира Дудченко как хорошего организатора и опытного хозяина. Он всегда смело выступал с критикой, занимался организацией борьбы с кулачеством, разоблачением бандитизма.

Притаившийся враг мог поднять на него руку, чтобы кого-то запугать, а кому-то напомнить: борьба не закончена, оружие не сложено.

Учитывая, что осмотр места убийства велся в ночное время, оперативные работники решили сделать повторный, более тщательный осмотр. Поэтому, как только рассвело, они вышли к месту происшествия.

Сотрудники уголовного розыска обратили внимание на след — отпечатки обуви большого размера, которые после дождя были слабо выражены. Сняли слепок. След вел от каменного дома через огороды, прямо к месту преступления и уходил обратно в том же направлении, но в огородах терялся.

Интересно, чей след? Кто живет в этом доме?

Мимо работника милиции проходил, опираясь на

палочку, пожилой мужчина. Плескачев подозвал его к себе:

— Нас, батя, интересует, кто живет вот в этом каменном доме?

— Хм, кто живет. Барибин жил. Такой кулачище! Сейчас его нету, помер. Сын остался, может всякую пакость сделать. А работает, кажется, на железной дороге...

Дома самого Барибина не было. Работников милиции встретила его жена. Смотрела хмуро и недружелюбно. Но ни во что не вмешивалась.

Во время обыска было обнаружено несколько стреляных гильз и винтовочных патронов.

— Немедленно задержать Барибина, — отдал распоряжение Плескачев.

Когда Барибина привели на допрос, Плескачев коротко пересказал ему все события, происшедшие в дождливый поздний вечер, напомнил о патронах, найденных при обыске, о тождественности ботинок с отпечатками. Не дослушав до конца, арестованный дрожащим голосом закричал:

— Хватит с меня! Слышите? Хватит!

Барибин вдруг замолчал. Уставившись в пол, он о чем-то напряженно думал. Жилы на его висках набухли. Руки дрожали. Наконец, он поднял глаза:

— Слушайте, начальник. Я во всем виноват. Хотел счета свести с Дудченко. Это он забрал у нас все отцовское хозяйство.

Барибин весь трясся, смотрел на Плескачева злобыми глазами. Потом, немного успокоившись, проговорил:

— Пишите, мне теперь все равно...

* * *

Много лет минуло с той поры. Но героика тех тревожных и далеких дней жива и поныне. Год от года росла и крепла милиция, совершенствовались методы ее работы, мужали люди, которыми руководил бесстрашный начальник Прокофий Потапович Плескачев.

Сейчас его нет в живых. Он умер в декабре 1970 года в семидесятипятилетнем возрасте. А память о нем не угасла. О его благородном, беззаветном отношении к милицейскому труду свидетельствуют награды, полу-

ченные за активную борьбу с уголовной преступностью, за оперативное мастерство и отвагу.

Об этом же говорят и те теплые чувства, которые остались в сердцах его многочисленных друзей — ветеранов партии и милиции, молодых сотрудников органов внутренних дел, перед которыми он не раз выступал со своими воспоминаниями, рассказывал им о славном пути советской милиции, о тех нелегких испытаниях, какие выпали на долю старшего поколения.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Биографии слагаются из действий и помыслов людей.

Бывает: прожитые годы — словно не долетевшие до цели стрелы.

Но есть другая жизнь — вся на переднем крае, где подвиг обычен, где врагов сильнее оружия разит огонь сердца.

О таком нашем современнике и будет рассказ.

* * *

Мы говорим: тяжесть жизни. Но всегда ли представляем себе эту тяжесть?

Александр Макаренко познал ее очень рано.

Умер отец. Трудно было одной матери с тремя малышами вести домашнее хозяйство. Маялась она, за самую черную работу бралась. Но заработанных денег не хватало, чтобы прокормиться с детьми.

— Как-нибудь проживем, мама, не горюй, я уже почти взрослый, — успокаивал ее сын Александр.

Саша трудился не покладая рук, стараясь помочь матери. А в январе 1925 года решил пойти в милицию, попроситься на работу в уголовный розыск. Уж очень нравилась ему эта беспокойная служба. О ней много раз слышал из рассказов своего тестя-чекиста...

В приемной окружного административного отдела — ни души. За дверьми слышится громкий разговор. Потом из кабинета выходит человек в кожанке, с наганом на боку.

— К начальнику можно? Поговорить бы хотел, — робко сказал Макаренко.

— Поговорить? Ну, иди, поговори.

Макаренко приоткрыл дверь. Перед ним сидел суровый на вид человек и разговаривал по телефону:

— Ясно... Я и без вас знаю, что этот напман ворюга! Меня другое интересует: кто вам позволил рукоприкладствовать? Сколько можно говорить: соберите сначала материал, а уж потом обличайте... В ресторане Зукакова? В «Летнем саду»? Так...

Заметив посетителя, начальник жестом приглашает его сесть, продолжая говорить в трубку:

— И что вы сделали? Ну... Хорошо... Так... Что, что? — и рассмеялся. — Уж если на то пошло — не «призиденция», а «презумпция», невиновность, значит. Короче, приезжай, разберемся.

Повесив телефонную трубку, начальник измерил взглядом посетителя:

— Ты чего?

Саша поднялся со стула. Переступил с ноги на ногу:

— Да хотел... Попроситься на работу.

— На работу? — удивился начальник. — А сколько тебе лет?

— Двадцатый идет.

— А с виду такой маленький... Куда пришел-то, знаешь?

— Да. В уголовный розыск, который с ворами борется, с грабителями, — бойко ответил Саша.

Начальник улыбнулся. И лицо его сразу как-то по-добрело:

— А что ты умеешь делать?

— Как что?

— Ну так. С ворами-то умеешь бороться? С контрой?

— Научусь. Буду стараться. Я ведь грамотный. В 1921 году школу трудовую окончил второй ступени. Чуть позже — курсы по молочному хозяйству. Потом в Москву меня послали. В Темирязевскую сельскохозяйственную академию. Но в Москву я не попал — въезд закрыли. Карантин был. Вернулся. Пошел в отдел кустарной промышленности. Секретарем. Года два работал. Туго приходилось. Фунт соли да два фунта муки — вот и вся моя зарплата.

— Не густо. Да и у нас, скажу тебе, миллионером не станешь... Значит, к нам на работу хочешь? Что ж, это похвально. Подойдешь. Хорошо, что грамотный. Как звать-то?

— Александром... Александр Петрович Макаренко.

— А меня Борисом Федоровичем величают. Фамилия — Сутармин. Отец у тебя кто?

— Нету отца. Умер давно. Мать да две малолетних сестренки.

В это время кто-то постучал в дверь. Вошел молодцеватый парень с папкой в руках, обратился к Сутармину:

— Разрешите, Борис Федорович?

— А, Фирсов. Заходи. Знакомься. Этот молодой человек — Александр Петрович Макаренко. Хочет у нас работать.

После рукопожатия Фирсов доложил Сутармину:

— Закончили дело, Борис Федорович. Можно в суд передавать. Телятьев сознался.

— Значит, говоришь, сознался? Молодцы, быстро сработали. Но это еще не все. Его вину доказать нужно.

— Кажется, все в порядке, Борис Федорович, — решительно ответил Фирсов.

— А если без «кажется»?

Фирсов пожал плечами.

— Хорошо, оставь, я изучу... И вот что еще, Фирсов, помоги Макаренко документы оформить, дела покажи, с людьми познакомь. В общем, все как должно быть.

— Все сделаю, Борис Федорович. Разрешите идти?

— Иди. Макаренко к тебе зайдет потом. Я с ним поговорю... Так что, товарищ сотрудник угрозыска, будем, не жалея себя, работать? — Борис Федорович подошел ближе к Александру.

— Да... У меня есть тесть. Он чекист. Много раз рассказывал о Дзержинском, о работе ЧК, об уголовном розыске.

— А если рассказывал, то должен знать, кто имеет право у нас работать. Запомни на всю жизнь: люди с чистыми руками, горячим сердцем и холодным умом. Это Феликс Эдмундович сказал. И еще запомни: прежде всего — справедливость и еще раз справедливость. И главное — не дрейфь. Я тоже не родился инспектором угрозыска. Бухгалтер я по специальности, а вот послали в милицию и пошел. Потому что надо.

Сутармин подошел к шкафу. Выбрав две книжки, подал их Макаренко:

— Это тебе для начала. Залпом, конечно, не осилишь. Посиди, почитай, подумай. Дня не хватит — ночь есть. Уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс. Это, брат, наша азбука!

Сутармин был любимым учителем молодых сотрудников. От него они получали и совет, и поддержку в трудную минуту. С любым вопросом шли к нему. И он никогда не отказывал.

В работу Борис Федорович вкладывал всю душу. Раскрыть преступление он считал не только долгом, но и делом чести. Однажды к дежурному пришел пожилой рабочий с заявлением о краже старого столярного инструмента. Дежурный отказался принять заявление. Но потерпевший попался настойчивый и потребовал, чтобы его пропустили к начальнику.

Когда заявитель ушел, Сутармин вызвал всех работников угрозыска к себе в кабинет. Учинив разнос дежурному, он прочел собравшимся целую лекцию об отношении к нуждам людей и о чести советского уголовного розыска.

— Мне стыдно за вас! — отчитывал Сутармин смущенного дежурного. — Сознаете ли вы, где и в какое время живете? Если бы этот рабочий до революции пришел со своей бедой в сыскное отделение, его попросту выгнали бы, да и не пошел бы он туда. А в свой, советский уголовный розыск он пришел. И что же?... Я не знаю, очень ли дорог ему пропавший инструмент, но нам весьма дорого его мнение о советской милиции, и в частности, об уголовном розыске...

Искать злополучный столярный инструмент Сутар-

мин вызвался сам. Вскоре с помощью людей, знавших столяра, разыскал и вручил инструмент заявителю.

Борису Федоровичу всегда сопутствовали в деле крепкая связь с народом, умение расположить к себе собеседника, широкая оперативная осведомленность и знание особенностей города.

И как бы Сутармин ни был занят, он находил время на практике обучать или, как он выражался, «натаскивать» молодых работников и умению осмотреть место происшествия, и искусству допроса, и стрельбе из оружия, и приемам самозащиты.

* * *

Шли один за другим дни милицейской службы. Дежурство, обучение профессиональным навыкам, затем, через две-три недели, приобщение к оперативной работе: участие в обысках, присутствие на допросах, выезды на место происшествия.

Постепенно Александр Макаренко становился «своим». Он увереннее держался, лучше стал ориентироваться в обстановке.

...Ранним утром Макаренко по тревоге вызвали на работу. В угрозыске он узнал: на Ташле — окраине Ставрополя — совершенно вооруженное ограбление. Преступники скрылись в неизвестном направлении.

На место преступления выехала оперативная группа, в составе которой находился и Макаренко. После тщательного осмотра места преступления было установлено, что ночью в дом, в котором жили два богатых старика, ворвались трое вооруженных молодых парней в масках.

На лай собаки вышел с ружьем сосед. «Что такое? Не случилось чего-нибудь со стариками?» — подумал он и направился к ним.

— Не подходи, стрелять буду! — вдруг донесся чей-то голос, и тут же раздался выстрел.

— Воры! — бабахнув из ружья в ту сторону, где сверкнул снопок огня, сосед быстро ушел домой, не подозревая о том, что тяжело ранил одного из бандитов. По «волчьему закону» грабители не стали брать дружка с собой — пристрелили...

В карманах брюк убитого Макаренко обнаружил несколько боевых патронов к револьверу «наган», за-

вернутых в листок бумаги из ученической тетради. На нем малограмотным почерком была выведена роспись: «Горелин».

Вскоре удалось установить друзей Горелина, которые и совершили ограбление.

На второй день, встретив Александра Макаренко, Сутармин похвалил:

— Молодец, хорошо, правильно действовал во время осмотра места происшествия. Из тебя получится настоящий оперативный работник.

Похвала окрылила Александра. Он стал проявлять больше активности в работе, оперативной смекалки, находчивости и смелости.

Прошло еще немного времени. Наступила весна. К речке Ташле побежали мутные потоки талой воды.

Однажды утром, едва Макаренко появился на работе, его окликнул дежурный:

— Тебя спрашивал Борис Федорович.

Поправив на ходу одежду, Александр шагнул в кабинет Сутармина. Борис Федорович чистил маузер. Ночью он был на операции — пришлось принять навязанную двумя вооруженными бандитами перестрелку.

— А-а, Макаренко, здорово! Я сейчас. Садись, пока отдыхай.

Посмотрев на свет в канал ствола, Борис Федорович удовлетворенно хмыкнул:

— Нет у солдата друга более чуткого, чем оружие. Прояви к нему невниманье — подведет в самую трудную минуту. Зато и любовь твою оценит по достоинству. Выручит и спасет от смерти, если не будешь лениться ухаживать за ним. Так-то... Ну как, освоился? Пора, наверное, за настоящее дело браться, а?

— Пора, — ответил Александр, с волнением чувствуя, что за словами Сутармина кроется нечто конкретное.

— Вот тебе, Макаренко, первое самостоятельное дело, — вручая толстую папку, — сказал Борис Федорович. — Изучи внимательно, обдумай и приходи ко мне со своими предложениями.

Надо ли говорить, с каким волнением приступил Александр к работе. Сюжет такой: сорокалетний продавец мясного магазина Говоров женился на двадцатилетней красавице Кате. Должно быть, не без оснований

он безумно ревновал ее. Однажды «молодые» поехали на подводе в Татарку к родственникам Говорова. В селе этом они так и не появились. Говоров тем же путем вернулся домой. Катю нашли потом в лесу близ проезжей дороги. Она была убита. У Говорова сделали обыск и нашли окровавленную Катину косынку. Его арестовали.

На допросах продавец упорно отрицал свою вину. Свидетели показывали, что в пути Говоров дико приревновал ее к незнакомому молодому человеку, который перекинулся с нею несколькими фразами в тот момент, когда Говоров перед выездом из города отлучился в магазин кое-что купить из гостинцев. После этого они сильно поссорились. Катя слезла с брички и пошла в сторону Татарки, а Говоров резко повернул лошадь и направился в обратный путь. Кто убил его жену, он не знает. Косынка ее испачкана кровью потому, что Катя порезала себе руку, в дорогу она эту косынку не брала. Вот и все.

Прочитав материалы следствия, Макаренко отправился в тюрьму познакомиться с бывшим продавцом. И вот он перед ним: большой, грузный, с тяжелыми длинными руками. На вопросы отвечает неохотно, прячет глаза. Из этой беседы Александр вынес твердое убеждение в виновности Говорова. Но как это доказать? Макаренко решил прежде всего узнать об обстоятельствах поездки Говоровых в гости, надеясь изобличить преступника во лжи и этим принудить к признанию.

Сутармин, немного подумав, согласился с Макаренко.

Через некоторое время Александр снова был в тюрьме. Он терпеливо расспрашивал Говорова о подробностях поездки, точно записывал его показания. При этом иногда, как бы случайно, возвращался к прежним вопросам, а потом сравнивал полученные ответы. Через несколько дней убедился, что он на правильном пути. Говоров заврался, запутался, рассказы его противоречивы. Но Макаренко не подавал вида, что заметил ложь, и невозмутимо продолжал допрос. Наконец продавец заврался настолько, что Александр, как ему казалось, уже мог загнать преступника в угол. И начал с ним разговор начистоту.

Говоров долго молчал, потом тяжело-тяжело вздохнул:

— Признаюсь, заврался я перед вами. Вру, вру, не знаю, что уж говорить. Только Катюку я не убивал... Не уби-ва-ал!— с трудом выдавил он и заплакал навзрыд, по-детски всхлипывая и утирая глаза грязными кулаками.— Не убивал я ее!— повторил он сквозь рыдания.

Александр Макаренко растерянно смотрел на горько плачущего большого, сильного человека. Неужели не он? Все так шло хорошо и вдруг... Не может быть, надо посоветоваться с Борисом Федоровичем.

Выслушав до конца, Сутармин невесело улыбнулся и, как всегда в трудные минуты, стал потихоньку барабанить пальцами по столу.

— Да...— произнес он.— Загадочка. А что, если мы невинного гражданина в тюрьме держим? Каково?..— Но тут же отменил сомнения:

— И все-таки он убийца. Надо еще раз встретиться с ним и самым тщательным образом допросить.

И снова вопрос. Говоров после некоторого запираательства рассказал всю правду:

— На пасху мы с Катериной собрались в гости к моим родственникам. Перед дорогой выпили самогонки. На выезде из города я пошел в магазин, купил племяншам недорогих конфет. Катя оставалась на бричке. В это время проходил молодой парень. Она стала с ним заигрывать, язык чесать. Всю эту картину, стало быть, я видел. Ну и заело. По злобе начал ее называть всякими словами, несколько раз ударил. Она слезла с брички и пошла вверх по дороге в сторону Татарки, а я поехал назад в город. Но потом раздумал, вернулся, догнал Катю, ну и... начал избивать. У нее пошла из носа кровь. Она сорвала с головы косынку, чтоб утереться. Вгорячах я схватил Катю за горло, ну и...

Говоров умолк. Он весь дрожал. Затем вдруг разрыдался. Схватился за голову и, покачиваясь из стороны в сторону, захлебываясь в слезах, запричитал:

— Что я наделал! Что я наделал!..

Когда Говоров немного пришел в себя, Макаренко спросил:

— Для чего брал косынку?

— На память. Я очень любил Катю...

Так закончился первый трудный экзамен молодого сотрудника угрозыска Александра Макаренко. Было еще немало и удач, и ошибок, но с этого случая работа в уголовном розыске стала его профессией.

Специальных школ и училищ, где бы обучали навыкам борьбы с преступностью, в те годы еще не было. Учился Макаренко у старших товарищей, у жизни. У первых коммунистов и комсомольцев угрозыска прошел курс политической закалки и непримиримости к бандитам, насильникам, ворам.

Живой и любознательный ум Александра Макаренко жадно впитывал в себя все, чем сильны были «старички». Молодой сотрудник внимательно присматривался к их работе, прислушивался к беседам с правонарушителями, наблюдал поведение старших во время операций. А потом все это критически преломлялось в его сознании, проверялось на деле.

Работы было много. Трудились зачастую буквально дни и ночи, урывая для сна короткие минуты, порой засыпая прямо на сдвинутых стульях в комнате уголовного розыска, положив под голову вместо подушки следственное дело. Были трудности и с питанием.

Но никто из работников милиции не жаловался, не скулил. Все честно и увлеченно делали свое в общем-то незаметное и нелегкое дело.

Редко удавалось посмотреть кино или сходить в клуб на концерт. Но даже когда шли, каждый раз обязаны были сообщать дежурному о своем местопребывании. Случалось, что работников угрозыска вызывали прямо из кино.

Как-то зимой Александр Макаренко и Василий Фирсов вырвались на вечер в заводской клуб. Но в разгар вечера парней отыскал заведующий клубом и сообщил, что их вызывают на службу. Поспешили туда. Дежурный направил прибывших к Сутармину.

— Вот что, хлопцы, — сказал Борис Федорович, пристально глядя им в глаза, — придется послать вас одних на серьезное дело. Я выезжаю с тремя сотрудниками в район Осетинки — там опять банда Белова объявилась. Здесь остается дежурный наряд. А дело не ждет. Промбазу знаете?

— Знаем.

— Так вот, сегодня ночью на нее будет вооруженный налет. Приедут двое или трое на подводе. На базе один сторож, он проданся налетчикам... Бандиты, уезжая, для вида свяжут его. Пробежитесь незаметно поближе к воротам базы и ждите. Берите налетчиков, когда они будут выезжать с награбленным. Берите так, как я вас учил, — лихим и разумным налетом, чтобы ни один из них не ушел и ни один из вас не пострадал. Стреляйте только при необходимости и наверняка. Ясно? Оружие проверьте.

Макаренко и Фирсов прокрались к воротам базы и замерли за кустами напротив. Долго они ждали, а у ворот — ни души. Время тянулось очень медленно. Казалось, прошла вечность, когда, наконец, появился осторожно крадущийся человек. «Разведчик», — одновременно решили сотрудники угрозыска, невольно хватаясь за оружие.

Макаренко и Фирсов дали возможность налетчикам нагрузиться. И когда те стали выезжать с награбленным, Макаренко, щелкнув курком нагана, крикнул:

— Ложись, сволочи! Сдавайтесь, вы окружены! — и оба почти одновременно выстрелили из наганов вверх.

Один из бандитов бросился бежать, но, предупреденный выстрелом, остановился, поднял руки.

Через несколько минут все было кончено. Три бандита стояли у брички с поднятыми руками, в стороне валялись их револьверы. Рядом с налетчиками стоял и сторож базы со связанными руками...

Теперь кажется нелепым посылать двух работников для ареста вооруженной банды, но в те времена это было в порядке вещей. Конечно, делалось такое не от хорошей жизни. Не хватало людей. Правда, работникам милиции помогали комсомольцы, а то и просто местные жители, с которыми всегда поддерживалась связь. Иначе бы не справиться. Преступность тогда была очень высока.

* * *

В окрестностях Ставрополя, в селах Татарка и Надежда участились кражи. Из сараев стал пропадать скот. Кто-то по ночам взламывал двери и уводил коров, овец, свиней.

Однажды ночью дед Матвей вышел под утро во двор, а у сарая — орудуют несколько человек, все вооруженные. Дед к ним:

— Что вы делаете, люди добрые? Это ж грабеж!

А «добрые люди» ломом по замку, и дверь нараспашку.

— Не дам, последний подсвинок у меня, — бросился дед к сараю.

Путь ему преградил здоровенный детина. Ухмыляется во всю откормленную физиономию и наганом поигрывает:

— Несознательный ты, дед. Мы ж тоже жрать хотим. Надо, стал быть, делиться харчем. А не то...

Толстяк ткнул деда в грудь наганом.

Тем временем остальные застрелили подсвинка, погрузили тушу на повозку и уехали.

Работники милиции знали, что это дело рук банды под предводительством Игната Гармака, который долгое время в станице Новомарьевской заведовал лавкой «Центроспирт», потом проворовался и сбежал, сколотил шайку.

Разыскать грабителей было не так-то просто. Они умело заматали следы. Бандиты находили убежище в кулацких семьях, яростно противившихся упрочению Советской власти.

Однажды вечером к зданию милиции на лошади подскочил верховой. Легко соскочив с коня, он торопливо привязал повод к забору и, не мешкая ни минуты, вбежал по ступенькам крыльца в дежурную комнату.

— Скорей выезжайте! — выпалил молодой парень, глядя на дежурного. — На окраине Новомарьевской в доме Евдокии скрывается главарь банды.

— Кто такая Евдокия? — спросил Макаренко.

— Евдокия-то? Ее у нас все знают как облупленную. Пропавшая девка. Гонит самогонку, продает ее. Чуть не каждый день в ее хате попойки.

Для задержания бандита была послана специальная оперативная группа во главе с Александром Макаренко.

— Смотри, Александр, будьте осторожны, — напутствовал его и оперативных работников Сутармин. — Сам знаешь, всего планом не предусмотреть. Действуй по сложившейся обстановке...

Ночь выдалась темной. Порывистый ветер забирался за воротник. За городом, казалось, темь стояла еще гуще, непрогляднее. Опустился сырой туман, и буквально в двух шагах не видно было ни зги.

Ехали долго, молча. Даже не курили. Только изредка слышалось лошадиное фырканье.

До рассвета прибыли в станицу. Во дворах наперебой горланили петухи да кое-где сонно тявкали потревоженные собаки. Бесшумно окружили хату Евдокии. На стук в двери сначала никто не отзывался, хотя в избе слышались скрип половиц и женский шепот. На повторный стук в сени вышла Евдокия.

— Кто здесь? — робко спросила она. — Кого вам надо?

— Милиция. Откройте! — потребовал Макаренко.

— Делать вам нечего, успокойте людей по ночам, — заворчала хозяйка, но в ее голосе угадывалась тревога. Неохотно открыла дверь, неторопливо зажгла керосиновую лампу.

В избе царил беспорядок. Стол завален остатками пиршества, грязной посудой. Постель на деревянной кровати сбита. От хозяйки тянуло тошнотворным перегаром сивухи. Ее припухшие сонные глаза испуганно бежали. Но вот в них зажегся игривый наглый огонек. Евдокия сняла с плеч шаль. Из-под рубашки обнажились пышные груди. Она села на табурет и вызывающе сказала:

— Приехали производить обыск, так ищите!

Оперативные работники чувствовали, что бандит где-то здесь, в избе. Поэтому они со всей тщательностью и осторожностью осматривали все.

Александр Макаренко направился в чулан. Только открыл дверь, как вдруг кто-то отпрянул. Макаренко, держа палец на спусковом крючке нагана, резко скомандовал:

— Выходи на свет, Гармак!

Выстрелы грохнули почти одновременно. Пуля бандита свистнула возле лица Александра, обжигая горячим воздухом. И тут же, впервые, быть может, промахнувшись, главарь банды начал оседать, валиться на бок.

— Все, я ваш, — еле слышно произнес Гармак. — Пришел мне конец...

* * *

Милицейская служба. Тридцать два года отдал ей Александр Петрович Макаренко. Он участвовал в десятках важных и опасных дел, самозабвенно относился к работе. Александр Петрович находился там, где, как он говорил, «дело крупнее».

Полковник милиции Макаренко прошел путь от агента (так именовали в двадцатые годы инспекторов угрозыска) до начальника крупного коллектива кисловодской милиции. Путь этот отмечен орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды и «Знак Почета», десятками благодарностей и ценных подарков.

В 1955 году коммунист Макаренко вышел в отставку. Но не на покой. Он до сих пор не порывает связей с милицией, ведет большую общественную работу. Александр Петрович рядом с теми, кто корчует уродство старого мира, строит коммунистическое завтра.

ПОДАРИ ЛЮДЯМ СЕРДЦЕ

Сейчас никто не удивится, увидев женщину с погонами работника милиции. Тогда, в тридцатые годы, прохожие оглядывались:

— Баба — милиционер!

И шутку пускали вслед: мол, не нашла другой работы. Некоторые открыто смеялись: «А из нагана-то умеешь стрелять?» Порой даже коллеги заявляли:

— Не буду дежурить с Нюркой! Подчиняться ей!..

Целая жизнь прошла с того дня, как Ткачева пришла работать в Ставропольский отдел милиции. Но и сейчас слышится глуховатый голос, произносящий напутственные слова:

— Главное, Клава, в нашем деле — честность и преданность делу. Чего не знаешь — научим, недопоймешь — растолкуем. А эти два качества должны присутствовать при каждом твоём шаге, при каждом поступке.

Честность, преданность делу. Это не просто слова для Клавдии Васильевны Ткачевой. Это программа ее действий, направление в работе...

— Будешь работать в уголовном розыске. Вот тебе наган. Учись стрелять метко, без промаха.

Клавдия Васильевна училась. Главное же оружие ее — слово, убеждение.

Шли дни, месяцы. Ткачева мужала в работе. В 1935 году она трудится в пятигорской милиции. И снова работа в угрозыске, и снова служба дни и ночи.

Один раз Клавдию Ткачеву вызвал к себе начальник милиции.

— Товарищ Ткачева, вам надо выехать в Ново-Пятигорск. Разыскать там преступника Беседина, — сказал он. — Задание, значит, такое...

Выйдя из кабинета, Клавдия Васильевна стала перебирать в памяти все, что знала об этом преступнике. Опасный вор-скотокрад, в «послужном списке» несколько судимостей. Освободившись из мест заключения, он приехал к матери и устроился на работу.

Первое время поведение и образ жизни Беседина не вызывали подозрений. Люди подумали, что он, хлебнув лиха, исправился. Но они ошиблись, Беседин вскоре оставил работу, сколотил воровскую шайку и возобновил преступную деятельность, ловко ускользал от правосудия.

Долго Ткачева изучала «почерк» Беседина, его биографию, родственные связи. Клавдия Васильевна знала: как бы преступник ни таился, за ним всегда наблюдают десятки глаз честных советских людей.

Собрав по крупицам нужные сведения, Ткачева вечером выехала в Ново-Пятигорск. Одета она была в старенькое платье, за плечами котомка. В то время немало богомольных странниц бродило от двора к двору. «Странница» ни у кого не вызвала подозрений. Клавдия медленно прошла по улице села, выбрала дом победнее, попросилась переночевать.

Встретили ее приветливо, усадили за стол, накормили, уложили спать.

Ткачева несколько дней прожила в этом доме. Она помогала по хозяйству: стряпала, стирала белье, носила воду. Хозяйка довольна была «гостьей». А та приглядывалась к окружающим людям, прислушивалась к

разговорам. И вот, когда шла однажды мимо судачивших женщин, услышала:

— Опять появился этот бандюга. Сейчас отсыпается у своей мамы после ночной «работы». В город бы сообщить. Пусть милиция нагрянет...

Клавдия отнесла в дом ведра и кинулась к бригадмильцу Жукову.

— Скорее пошли! — сказала она. — Беседин под носом разгуливает, а мы тут с тобой сидим!

— Постой, постой! В чем дело? — удивился бригадмилец. — Беседин появился?

— Да, сейчас он у своей матери. Будем брать. Подожди только чуть, я скоро вернусь.

Ткачева сходила за спрятанным оружием и по дороге обдумала план операции. «Жуков останется на улице, а я зайду в хату», — решила она.

Клавдия тихо постучала в дом, где отсиживался Беседин. Никто не ответил. Тогда Ткачева дернула щеколду, и дверь отворилась. В полутемных сенцах выросла фигура женщины.

— Окаянный вас носит! — чертыхнулась она, увидев на пороге «странницу». — Ни минуты покоя нету!

Ткачева притворно запричитала, вошла в сени и негромко потребовала показать, где прячется сын.

Женщина, увидев оружие в руках «странницы», побледнела и слабо махнула рукой в сторону чулана. Клавдия шагнула в темноту, скомандовала:

— Руки вверх!

От неожиданности бандит растерялся и послушно поднял руки. В первый момент он даже не знал, что сказать.

— Странница и... с пистолетом, — наконец злобно произнес он.

Бригадмилец осмотрел карманы задержанного.

— Следуйте вперед! — скомандовала Клавдия Васильевна.

На другой день в кабинете начальника милиции состоялось оперативное совещание. Зачитав приказ о поощрении, начальник пожал Ткачевой руку и сказал:

— Молодец, Клавдия Васильевна! Вы настоящий работник угрозыска, успешно выдержали серьезный экзамен...

А в 1937 году Ткачева ведет борьбу с детской бес-

призорностью и безнадзорностью. Она многим помогает сойти со скользкой дорожки, найти верный путь жизни.

* * *

— Здравствуйте, Клавдия Васильевна!— перед Ткачевой стояла молодая женщина с мужем и дочкой.

— Здравствуйте!— Клавдия Васильевна чуть удивленно смотрит в улыбающееся лицо.

— Не узнали? Маруся я. Маша Лазарева. Спасибо вам за все хорошее, что сделали для меня. Она прикоснулась к руке Клавдии Васильевны, потом легонько пожала ее. И пошли своей дорогой, как бы не желая больше отнимать времени у встреченной женщины.

Глядя вслед, Клавдия Васильевна вдруг вспомнила об этой веснушчатой девушке Марусе.

В один из летних дней Ткачева проходила мимо промтоварной палатки, у которой стояла большая очередь. Она заметила, как одна девушка ощупывала карманы стоявшей впереди женщины. Легкое дрожание рук и излишняя настороженность говорили о ее неопытности в подобных делах. Убедившись, что в чужом кармане ничего нет, девушка отошла.

— Грубо работаешь, красавуля!

Та вздрогнула, а Ткачева с наигранным высокомерием заправского вора, сказала:

— Не тужи. У меня найдутся деньжата.

— Мне бы пожрать,— без всяких обиняков пожаловалась воровка-неудачница.

Так Клавдия Васильевна познакомилась с Марусей, которая явно заслуживала внимания угрозыска.

После сытного обеда Маруся подробно рассказала о себе. Жила с неродной матерью. Когда отец умер, мачеха выгнала ее из дому. С этого момента и началось падение Маруси. В Минеральных Водах на вокзале она познакомилась с какой-то женщиной, которая предложила поехать в Баку.

— В поездке моя благотельница, чтоб ей ни дна ни покрышки,— сквозь слезы вспоминала Маруся,— у спящего пассажира стащила чемодан и передала мне. Поднялся переполох. Она стала убегать, а я с чемоданом за ней. Нас задержали и — прямиком в милицию.

Вскоре и суд состоялся. Меня осудили как за соучастие. Вот и получила срок.

— И теперь решила по-настоящему воровать?

— Какая из меня воровка. Сами видели...

— А все же на карманы целишься?

— Дружки посоветовали. Говорили, что так можно много денег «заработать».

— Что же это за дружки? — спросила Ткачева.

— Да там ребята очень ухарские! Борька и Сережка.

— Если ухарские, неплохо было бы с ними познакомиться.

— Сегодня ночью обещали приехать поездом.

— И ты пойдешь встречать?

— А что я должна делать, когда у меня за душой гроша ломаного нет? С ними я, может быть, немного приоденусь, на человека стану похожа. А там устроюсь работать. В тюрьму я больше не хочу.

— Решила работать, так сейчас устраивайся.

— Говорили мне в тюрьме, как судимых принимают.

— Ну это тебя напугали. Хочешь, устрою?

Маруся недоверчиво посмотрела на Ткачеву и, отодвигаясь на скамейке, спросила:

— А ты что, воруешь и работаешь?

— Хотя бы. Одно другому не мешает.

— Если бы я работала, — глубоко вздохнула Маруся, — никогда не стала бы воровать.

В детской комнате было светло и уютно. За столом сидела женщина-инспектор. При появлении Ткачевой и Маруси, она встала и, протягивая руку, приветливо предложила сесть. Боясь, видно, измять белоснежное покрывало, накинутае на мягкий диван, Маруся продолжала стоять.

— Не стесняйтесь, садитесь, пожалуйста, — добрым голосом вновь предложила инспектор.

— Спасибо, — тихо ответила Маруся и осторожно присела на край дивана. Ее платице, далеко не первой свежести, и сбитые каблуки туфель красноречиво говорили о том, какие трудности испытывает девушка.

— Работать решили? — спросила инспектор.

— Да, — подтвердила Маруся и, достав паспорт, неловко положила его на стол.

Пока инспектор беседовала с Марусей, Ткачева связалась с начальником уголовного розыска.

Когда Клавдия Васильевна вновь появилась в детской комнате в сопровождении мужчины со шпалой на голубых петлицах, Маруся испуганно взглянула на Ткачеву и заплакала.

— Почему вы плачете?— спросил начальник угрозыска.

— Опять в тюрьму!— всхлипывая и размазывая грязным платком катившиеся по веснушчатому лицу слезы, воскликнула девушка.— Вот эта,— она указала на Ткачеву,— заманила, а уж вы, знаю, меня теперь не отпустите...

Клавдия Васильевна положила ей на плечо руки:

— Послушай, Маша, когда мы сидели в сквере, ты проклинала свою случайную попутчицу, из-за которой оказалась в тюрьме.

— Я и сейчас ее проклинаяю,— комкая в руках носовой платок, сказала Маруся.— Если бы не она, разве я...

— А сколько еще таких «приятельниц» и «приятелей» творят свои грязные дела? Вот мы сидим, беседуем, а в это самое время Борис и Сергей, может быть, грабят. Или сбивают с пути такую же, как ты. Можем ли мы, работники милиции, быть безразличными к этому? Конечно, нет. Борис, Сергей и подобные им — это наши общие враги. И ты должна помочь нам их держать.

— А что со мной будет?

— С этим уже все ясно. Тебя устроят работать на фабрику. Жить будешь в общежитии.

— Да? Ой, большое вам спасибо!— воскликнула Маруся.

...Поезд плавно подходил к станции Минеральные Воды. Раздался резкий лязг буферов, и состав остановился. Невдалеке от Ткачевой и Маруси из вагона вышли ожидаемые «гости».

— Вот они,— испуганно прошептала Маруся.

— Все идет как нужно, будь спокойна,— приободрила Клавдия Васильевна оробевшую девушку.

На перроне было немногочисленно. «Переполненная радостью встречи», Маруся кинулась к Борису, но он пренебрежительно оттолкнул ее от себя и, посмотрев на Ткачеву, спросил:

— А это кто?

— Ах, да! Забыла познакомить. Это своя... Вчера в городе достала часики, и мы их загнали.

— Это хорошо.

Около новых «гостей» стояли два больших чемодана. Маруся простодушно поинтересовалась:

— Как видно, удачно съездили?

— Да, квартира подвернулась, — похвастал Сергей.

Борис одернул его:

— Чего язык чешешь?

— Ну свои же...

Ткачева дала условный сигнал товарищам, которые стояли неподалеку. Они вплотную подошли.

— Руки вверх!

Бандиты оцепенели от неожиданности. Затем, видя направленные на них пистолеты, медленно подняли руки.

* * *

С 1938 года Клавдия Васильевна Ткачева находилась на работе председателя Новосредненского сельского Совета Кировского района. А в настоящее время Клавдия Васильевна на пенсии.

Но такие, как Ткачева, и на пенсии остаются в строю. Для нее вся жизнь — это борьба с косностью, рутиной, с бессердечием, со всем тем, что мешает людям спокойно жить и трудиться. Пусть поседели волосы, пусть морщины избороздили лицо, но сердце не хочет знать усталости, сил еще много. Клавдия Васильевна по-прежнему активистка-общественница. Она инспектор детской комнаты на общественных началах станицы Новопавловской Кировского района.

В дни детских сеансов в кинотеатре станицы часто можно видеть такую картину. В тесном кольце детворы стоит эта умудренная жизненным опытом женщина. Она улыбается доброй улыбкой. А со всех сторон слышатся возгласы: «Тетя Клава!.. Тетя Клава!» И вот уже какой-то малыш самозабвенно и доверительно рассказывает об успехах в школе или о домашних делах. Тяга детей к Клавдии Васильевне закономерна: в судьбах многих из них она принимала непосредственное участие.

Подлинная любовь к детям, горячее стремление предотвратить беду, вырастить из каждого ребенка пол-

ноценного советского гражданина освещает беспокойную жизнь энтузиастки. Есть у нее та ненавязчивая душевная теплота, та отзывчивость, что привлекает и детей, и взрослых.

В папке, хранящейся в столе, много писем. Из разных мест пришли они. И в каждом — слова благодарности. Вот одно из таких. «Вы мне, Клавдия Васильевна, как родная мать, пишет Николай Витохин. Никогда не забуду Вашего внимания и участия в моей судьбе. Вы заставили меня поверить в самого себя, сделали человеком, помогли найти правильный путь... Сейчас я работаю на заводе, женился. Очень доволен, что так все хорошо сложилось в жизни...»

Клавдия Васильевна отложила письмо. Задумалась...

Поздним вечером по опустевшим и темным улицам станции Новопавловской Клавдия Васильевна после дежурства возвращалась домой. Проходя мимо крыльца, она обратила внимание на подростка, спящего на скамейке:

— Нашел где ночь коротать! А ну-ка, шагай за мной!

— Тетенька, отпустите меня,— плаксиво тянул он, покорно следуя за женщиной.

— Куда же я тебя отпущу, на ночь глядя?

— От-пу-сти-те...

Можно было, конечно, отвести мальчугана в милицию, но Клавдия Васильевна решила иначе. Она привела его к себе домой, дала полотенце, мыло, приготовила ужин, усадила за стол, накормила.

— Ну, а теперь рассказывай, почему на улице ночуешь.

Рассказ получился сбивчивым, но из него Клавдия Васильевна поняла, что зовут мальчишку Колькой, что ему тринадцать лет, что матери у него нет — умерла, отец женился на другой. Живет Колька с бабушкой, а она старенькая, и ей за ним не усмотреть. Вот Колька и решил жить самостоятельно.

— Будем укладываться спать, Коля,— сказала, наконец, Клавдия Васильевна.

С той памятной ночи Колька стал своим человеком в доме Ткачевых. Многое понял он, бывая в этой семье. Увидел, как относятся к нему, стараются во всем помочь.

Кольку обогрели, дали почувствовать, что он не чужой, посоветовали продолжать учебу в школе, помогли догнать класс. Клавдия Васильевна купила ему недостающие учебники, тетради. Вместе готовили уроки, а когда подходило время обеда, Клавдия Васильевна ласково говорила:

— Садись с нами, Коля...

Шло время. И вот в один из осенних дней Николай Витохин прямо-таки влетел в квартиру Клавдии Васильевны, запыхавшийся, с блестящими от волнения глазами:

— Еду учиться в Краснодарский политехнический... Ребята тут, ждут... забежал попрощаться.

— В политехнический? — на ее лице появилась улыбка.

— Ага...

И, прощаясь, сказал:

— Я обязательно буду писать...

И вот Клавдия Васильевна читает его письмо. Потом подняла усталые глаза. Хорошие, радостные вести.

— Человеком стал! — не скрывая гордости, говорит она.

* * *

Есть встречи, которые — как праздник в жизни. Их ждешь, к ним готовишься, после них чувствуешь себя богаче. Среди бесчисленного множества окружающих нас знакомых и незнакомых немало людей, для которых человечность стала главной чертой личности. Я думаю об этом, когда вспоминаю о Клавдии Васильевне Ткачевой.

Да, самое сильное, самое святое в нас — любовь к людям, детям. Подари человеку доброту сердца, и ты найдешь брата, друга, верного товарища.

Казалось бы, зачем ей, Клавдии Васильевне, человеку, которому нынче под семьдесят, заниматься с «трудными» детьми. Но она просто не может без них.

У нее как бы две семьи. Одна — своя, домашняя, спокойная, муж — старый боевой товарищ. И вторая — из таких вот, как говорят, «непутевых», сошедших с колеи. Об этой «семье» Клавдия Васильевна заботится, быть может, не меньше, чем о своей благополучной. Судьба этих «трудных» — и ее судьба.

Когда началась война, муж Клавдии Васильевны сразу ушел на фронт. И не длинным был его солдатский путь. Пришло извещение: погиб смертью храбрых...

В глазах пошли темные круги — нет в живых! А дети малолетки. Что делать? Стиснула ладонями голову, так и просидела всю ночь у стола перед извещением.

А утром на работу пошла. Надо выстоять, надо детей поднять, надо жить! Какие годы войны пережила, трудно пересказать. Однако не жаловалась, головы не опускала. А в глазах все время светилось неистребимое упорство и влюбленность в жизнь.

И когда встретила Иосифа Ивановича Панченко, он так и сказал ей:

— Ты женщина настоящей гордости и достоинства, на такую всегда можно положиться. Я вот искал...

— Дети у меня, двое, — ответила она тихо.

— Будем растить вместе! У меня тоже двое...

Теперь уже все позади. Две дочери — Светлана и Алла замуж вышли, живут в Домбае и Нальчике, сыновья — Виктор и Борис находятся в разных местах страны, семьями обзавелись.

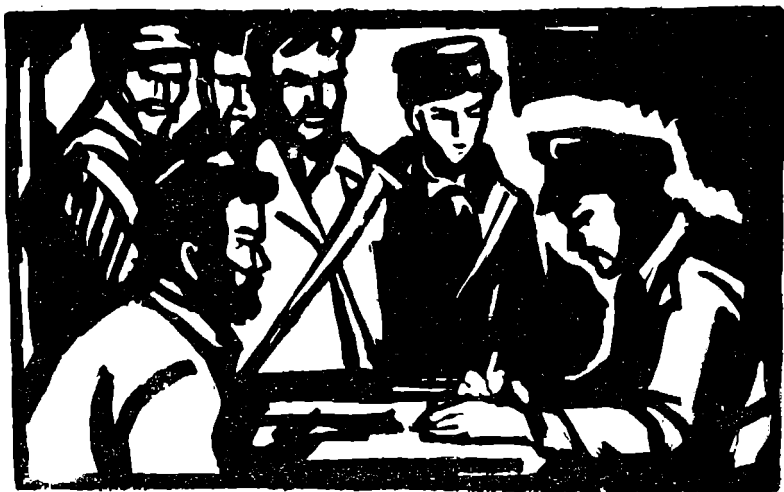
А Клавдия Васильевна продолжает дарить людям тепло своего сердца, щедрость бескорыстной души.

«Зачем вам это? Неужели не боитесь хулиганов, каждый день рискуете». «Что, в милиции не могут найти помощников помоложе?» — подобные вопросы Клавдии Васильевне приходится слышать часто.

И ветеран нестареющей гвардии отвечает:

— Пока жива — живу для людей. Вот когда ничего не смогу сделать для человека, тогда я кончусь.

Темные глаза Клавдии Васильевны светятся доброй улыбкой.

СОЛДАТСКИЙ ПОДВИГ МИЛИЦИИ

Осень, год 1941. Все шире разгораясь, пожарище войны катит на восток, руша и испепеляя на своем пути города, села и деревни... И никто еще не мог предсказать, на каком рубеже этот смерч огня и металла будет остановлен и обращен вспять. В одном голько советские люди были совершенно твердо убеждены: наше дело правое, победа будет за нами!

Народ Страны Советов поднялся на защиту своей Родины. Солдаты Красной Армии и народные ополченцы самоотверженно бились за каждую пядь родной земли.

Ставропольская милиция, как и другие органы государственной власти, быстро перестроила свою работу применительно к военной обстановке, полностью подчинив ее интересам фронта.

В первые же дни войны десятки сотрудников милиции влились в ряды Красной Армии.

«Считаю своим долгом принять непосредственное участие в борьбе против злейшего врага человечества — фашизма. Прошу отправить меня в ряды действующей Красной Армии», — с таким рапортом обратился в политотдел курсант Пятигорской школы милиции Иван Удодов. Аналогичные рапорты подали и другие курсанты.

Около трехсот работников милиции края храбро сражались с врагом в партизанском движении Ставрополя, более двухсот сотрудников участвовало в отряде особого назначения по обороне перевалов Главного Кавказского хребта, многие сотрудники по заданию партийных органов работали в тылу врага.

ФРОНТОВЫМИ ДОРОГАМИ

На передовую пришли поздно вечером. В безоблачном темном небе мерцали звезды. Отдаленные раскаты канонады чем-то напоминали весенний гром.

Бойцы отдельной восьмьдесят первой бригады морской пехоты готовились к переправе через реку Миус в районе Таганрога. Вполголоса перебрасывались короткими фразами.

— Я вот о чем думаю, — сказал курсант милиции Павел Волосов, — учились мы бороться с бандитами, а довелось нам с танками воевать.

— На то мы и рабоче-крестьянская милиция, — отзывался Михаил Ханин, — чтобы народ защищать. Мы ведь и сейчас с бандитами бьемся, с целой армией фашистских бандитов.

— Это точно, — подтвердил Волосов, — будем бить их, гадов...

Началась переправа морских пехотинцев через реку. В это время взметнулись дым и огонь, шлепнулись о землю осколки. Взрывы следовали один за другим. Со свистом пролетел снаряд и гроыхнул за окопами.

Воздух несколько минут гудел от разрывов снарядов и мин.

В первые минуты боя отличились наши земляки — работники милиции Ставрополя — помощник командира взвода старший сержант Иван Удодов и наводчик Василий Киевский. Их восьмидесятидвухмиллиметровые минометы стояли за дамбой, недалеко от реки.

Когда из-за пригорка показались пехота и танки фашистов, Удодов первым открыл огонь. Оба расчета работали без передышки.

К вою и свисту снарядов присоединился грохот разрывающихся мин, застучали пулеметы.

— Огонь! Огонь! — командовал Удодов.

Гитлеровцы затоптались на месте, а затем, словно по команде, залегли. Минута, вторая и, не выдержав губительного огня, они стали пятиться.

Морские пехотинцы сумели остановить противника.

Фашисты снова пошли в наступление. И снова атака захлебнулась...

Едва забрезжил рассвет, шум боя вновь разнесся по реке. Застучали пулеметы, заговорили орудия, заухали минометы. Вокруг рвались снаряды.

Полуоглохшие от грохота бойцы напряженно вслушивались в расположение противника. Только бы не упустить начало новой атаки! А мины все рвались и рвались, трудно уже дышать задымленным воздухом.

Немного стихло. Удодов осмотрелся. Впереди двигались танки, а за ними — вражеские солдаты. Танки развернули башни в сторону наших орудий и минометных точек и открыли беглый огонь.

— Батарея, по пехоте, — громко скомандовал Удодов, — огонь!

Вздрогнули минометы. Еще залп, другой, третий...

Дробно и деловито заработал пулемет.

Потом в дымном воздухе пронеслось раскатистое «Ура-а-а!» Оно нарастало, захватывало всех бойцов.

— Не выдержали, сволочи, — выругался Иван Удодов. — Откатились.

После короткой передышки противник усилил артиллерийский и минометный огонь. Вскоре вновь появились танки. Их было вдвое больше. Они шли развернутым строем. Сзади — пехота.

Более трех часов длился тяжелый бой. Наконец, не выдержав упорного сопротивления наших войск, фашисты отступили. Бойцы морской пехоты переправились через Миус, расширили плацдарм...

* * *

Ночь опустилась над долиной.

Поминутно то там, то здесь слепяще вспыхи-

вают немецкие осветительные ракеты, озаряя вокруг все белым светом.

Мартовские заморозки еще дают о себе знать. Курсант Пятигорской школы милиции Павел Волосов ежится от холода. Он старательно закутался в шинель, и, припав головой к брустверу мелкого окопчика, внимательно смотрит вперед.

Но вот противник перестал освещать передний край.

— Внимательно смотреть! — крикнул Волосов соседу. Тот в свою очередь повторил команду.

Обстрел усиливался. Снаряды рвались у самых окопов. В отвесах разрывов Павел Волосов разглядел впереди какие-то движущиеся тени. Фашисты!..

Гитлеровцы шли крадучись, небольшими группами. Сердце забилось учащенно. Стараясь подавить волнение, Волосов тщательно целился — промаха не будет.

— Огня не открывать! — послышался голос командира. Усилием воли Волосов оторвал палец от спускового крючка.

Гитлеровцы подошли совсем близко. И тогда над окопами пронеслась команда:

— За Родину вперед!

Грянуло могучее «Ура!» Морские пехотинцы бросились в контратаку. С ними бежал Василий Киевский.

Атаку врага отбили.

Василий только теперь почувствовал, что ему жарко, к спине пристала липкая рубашка. Он присел, хотел вытереть лоб шапкой, но ее не оказалось. Наверное, слетела. А может, сшибло пульей? Сильно закружилась голова. Неужели ранен? Так и есть, ранен...

— Врешь, — процедил он, — винтовку из рук не выпущу, буду бить гадов еще сильнее!

К вечеру стихло. Командованию стало ясно: немцы что-то затевают. Надо разузнать, что именно? Срочно была подготовлена группа разведчиков. В нее вошел и наш земляк Павел Волосов.

Уходящим в разведку приказали:

— Установить, что делается в овраге, доложить.

Были на рассвете. Вокруг тишина, только где-то несмело начали подавать голоса птицы. Добрались до того места, где овраг делился надвое. Волосов и с ним двое тронулись по правому оврагу, остальные — по левому.

Немного прошли, смотрит Павел, а навстречу фашист идет. Разведчики затаились, а когда тот был уже совсем рядом, Волосов крикнул:

— Хенде хох!

Немец поднял руки, перетрусил. Смотреть тошно, трясется, точно новорожденный ягненок. «Тьфу», — сплюнул Павел и добавил такое, что даже немец от удивления рот разинул, понял, сволочь.

Допросили его, а он говорит:

— Сейчас в наступление пойдем.

— Ты-то уже отнаступался. Теперь тебе амба, — говорит Волосов. А сам думает, как быть? Возвращаться с «языком» обратно или, уничтожив пленного, выполнить задачу до конца? Нет, нужно немедленно к своим. Бросились назад, но поздно: гитлеровцы начали наступление. Разведчиков заметили и обстреляли. Коротко вскрикнув, опрокинулся навзничь один из разведчиков. Схватившись за грудь, молча упал другой.

Волосов остался один. Куда теперь, одному-то? Что делать? Все словно в сказке: налево пойдешь — каюк, направо — каюк, вперед — опять каюк. Одно остается — незаметно пробираться назад, к своим.

Ловко применяясь к местности, Волосов полз и с ним полз пленный. Вскоре Пáвел достиг своих позиций. Вечером уже многие знали, что Волосов вновь отличился, привел «языка», который потом дал ценные сведения. За это разведчик получил орден Красной Звезды.

А через несколько дней Павел Волосов был смертельно ранен, в тот момент, когда шел за новым «языком». Было это так.

Разведчики получили от командира задачу — разведать оборону противника и захватить при случае «языка». Старшим группы назначили Волосова.

С наступлением темноты наши ребята двинулись к переднему краю. Ползли тихо. Только добрались до долины, в небо взвилась ракета. Притаились разведчики, замерли, почти невозможно их разглядеть.

Однако у проволочного заграждения, подле заброшенного сарайчика, не повезло — фашисты заметили смельчаков. И, переполошившись, открыли такой огонь, что не поднимешь головы. Разведчики отползли в сторону, лежат, ждут. Когда все затихло, перекусили про-

волоку — и к сарайчику. Но опять неудача — немцы вновь открыли сильный огонь. Бросились бойцы в воронку, что зияла рядом с сарайчиком, замерли. До противника — рукой подать. Отдышавшись, устроили со-
вещание:

— Что будем делать?

— Да черт его знает, что нам в таком положении делать.

— Что скажешь, Павел?

— Скажу. Старые люди говорят, бесчестье хуже смерти.

— Как это понимать? — перебили его товарищи. — Говори яснее.

— Надо сидеть до следующей ночи. А в темноте пленного брать.

— Верно, Павел, говоришь. Так и порешим.

Весь день просидели в воронке. Немцы близко. Слышны разговоры, шаги. Одна граната — и нет разведчиков.

Наступила ночь. К сарайчику прошли два немца с термосами.

— Сейчас будут жрать. Вот и момент нагрять на них, — зашептал Волосов.

— Откуда ты, Павел, знаешь, что будут жрать? — потихоньку спросил кто-то из товарищей.

— А у него на такое дело особый нюх, — усмехнулся кто-то.

— Нюх, не нюх, а что к чему, сообразить не трудно. Без этого на войне нельзя, — отшутился Павел. — Я ведь до войны в милиции служил.

Волосова природа наградила редкостной наблюдательностью и цепкой зрительной памятью. Идут, бывало, курсанты милиции строем в баню или на стрельбище, все смотрят, как правило, друг другу в затылок, а он успевал заметить, кто шел навстречу, какой человек был с виду, во что одет, что нес...

К сарайчику бойцы проскользнули неслышно. Волосов рванул двери:

— Хенде хох! Сдавайтесь!

Из сарайчика с поднятыми руками вышли два немца. Куда им было деваться.

На обратном пути враг обнаружил разведчиков и обстрелял. Но наши ребята упруго пробирались к сво-

им. Оставались считанные метры. Ловко применяясь к местности, полз и Павел Волосов. Вдруг ему обожгло руку, потом бедро. Не успел он сообразить в чем дело, как боль пронизала левый бок. Перед глазами поплыли кровавые круги...

* * *

Предраассветная фронтовая тишина. Постепенно смолкают немецкие пулеметы. А наши минометчики с нетерпением ждут команды с наблюдательного пункта: батальонные разведчики с вечера ушли в поиск. Минометному взводу приказано поддерживать их. И вот долгожданное:

— Огонь!

— Десять мин беглым!.. — повторяют команду командиры расчетов.

Ожили пулеметы. Заговорила артиллерия.

Командир минометного взвода лейтенант Александр Смелов радостно крикнул:

— Молодцы, ребята! Так держать!

Но вот замолчал миномет справа. Смелов поспешил к тому месту. Командир расчета лежит мертв, второй номер ранен.

Лейтенант стал готовить миномет к бою, но тут же схватился за грудь и упал. Старший сержант Удодов подбежал к нему, отнес в траншею:

— Врача! Срочно!

Расстегнул на раненом китель. На рубаше расплываются алые пятна: две пули пробили живот. Командир взвода тихо простонал:

— Не надо врача, Ваня. Уложите меня на спину. Хочу еще раз посмотреть на небо.

Лейтенант Смелов умирал. Собрав последние силы, он еле слышно проговорил:

— Принимай взвод, Ваня...

И замолчал.

Слезы застилали глаза старшего сержанта Удодова. Но вдруг он услышал требовательный голос Василия Киевского:

— Командир, немцы лезут. Командуй!

Удодов вскочил. Распорядился, чтобы тело Смелова отнесли в тыл.

Взвод, слушай мою команду!..

Наши части готовились к наступлению. За эти дни командир минометного взвода Иван Удодов осунулся, побледнел, но когда заводил разговор с солдатами, в его темно-серых глазах светился огонек.

Назавтра назначено наступление, а сегодня вечером в небольшом подвальном помещении коммунисты роты на общем партийном собрании принимали кандидатом в члены партии комсомольца Ивана Удодова. Немного волнуясь, он рассказывал собравшимся свою биографию.

— Родился в 1916 году в Ставрополе...

Иван говорил и чувствовал, как с каждым новым словом его покидает непривычная скованность, и будто заново идет он сквозь прожитые годы.

Ему представился родной город, школа, сипягинский пруд, где проводил с ребятами долгие летние дни, забавные игры в войну.

— В 1934 году,— продолжает Удодов,— я окончил школу ФЗО. Был токарем. Потом служба в армии. После демобилизации в 1940 году работал в органах милиции.

Иван представил себе коллектив Шпаковской милиции, вспомнил, как приветливо его там встретили, когда он обратился с просьбой принять на работу.

— Вы решили твердо?— спросил тогда Удодова начальник отделения.

— Да, твердо.

— А вы знаете, что у нас служить трудно?

— Знаю. Но ведь служат другие. Постараюсь и я быть не хуже.

Первые шаги — они у всех робкие. Но Ивану повезло, он попал в дружную милицейскую семью и очень скоро освоился с непривычным делом.

Сколько довелось пережить всякого за время службы в милиции.

Однажды Удодов стоял на посту поздним вечером в Пятигорске (в то время еще курсант школы милиции). Изредка звенел одинокий трамвай или появлялся пешеход. Но вот откуда-то из-за угла показался мужчина с чемоданом в руке. Как-то уж очень странно был одет этот человек. Иван подошел поближе и понял в чем дело: на прохожем было два пальто.

— Гражданин, минуточку, — сказал Удодов.

— Чего еще? — грубо ответил тот и, поставив чемодан на землю, сунул руку под пальто.

От взгляда Ивана не ускользнуло это движение. Он уже был готов отразить удар, когда в воздухе блеснула сталь финки. Мгновение — и нож звонко упал на мостовую. Удодов приказал вору взять чемодан и следовать в милицию. Там выяснилось, что это давно разыскиваемый рецидивист...

— Осенью 1941 года, — рассказывает Удодов, — после неоднократных моих обращений к начальству с просьбой отправить на фронт, меня вместе с товарищами зачисляют в эту часть. Что было дальше, вы знаете.

Присутствующие шумят:

— Достоин быть кандидатом в члены партии!

— Досто-о-ин! До-сто-ин!

Секретарь улыбается:

— Вопрос о принятии Ивана Андреевича Удодова кандидатом в члены ВКП(б) ставлю на голосование. Кто за?

Поднимаются руки. Иван видит это, и какое-то радостное чувство заставляет учащенно биться его сердце.

— Вот ты и коммунист. Поздравляю! — Секретарь крепко жмет Ивану руку.

* * *

Несколько часов подряд не затихал грохот боя в Панасовой балке, недалеко от хутора Грушова под Новороссийском. Враг нес большие потери, но продолжал наступать.

Бронебойщики получили приказ не пропустить фашистские танки с десантом через перевал, за которым раскинулся город.

Михаил Ханин, земляк и однополчанин Удодова лежал в окопчике и смотрел на длинный, тяжелый, немного вроде бы неуклюжий ствол бронебойного ружья и думал об одном: «Только бы сейчас не промахнуть!»

Глаза его сузились в напряженном и остром прищуре, чтобы получше разглядеть подползающие машины. Руки твердо легли на холодный металл.

— Не промахнемся? — тихо спросил Ханина его напарник.

— Не промахнемся! — спокойно ответил Михаил, внимательно посмотрев на напарника.

А вражеские танки приближались с каждой секундой. Ханин уже чувствовал хриплое и надсадное дыхание мотора. Михаил прицелился. Раздался выстрел. Первым выстрелом он перебил гусеницу танка. Машина проползла еще метра два-три, а затем остановилась и заерзала на месте. Ханин выстрелил снова. Танк задымился, обволакиваясь сизым дымом. Потом дым стал валить гуще и гуще, и уже в следующее мгновение над машиной заплясал огонь.

Немало дымящихся машин уже стояло перед позициями морских пехотинцев, а гитлеровцы одержимо рвались вперед. Все новые и новые танки появлялись на горизонте, а за ними, прячась, двигалась пехота. Ханин и его друзья-бронбойщики продолжали бить по танкам, поддерживая выстрелами однополчан.

Но вот гитлеровцы заметили бронбойщика. Одна машина отделилась от темного пригорка и, резко развернувшись, пошла прямо на окопчик Ханина. Над головами бойцов засвистели пули, впереди медленно оседали рыжие столбы земли и дыма, поднятые разрывами снарядов.

— Быстрее, быстрее! — прокричал кто-то из бойцов. — Бей его, бей!

Но Ханин, повернув вспотевшее от напряжения лицо, громко крикнул:

— Подожди, успеем... Подпустим на тридцать метров — будем стрелять!

А вражеский танк стремительно катился на его позицию.

Некоторые бойцы, испугавшись, начали пятиться. И вдруг, перекрывая грохот боя, пронеслось:

— Товарищи! Ни шагу назад! — это был голос Михаила Ханина.

А танк все ближе и ближе. Солдаты бросили в него гранаты, но не причинили вреда. Критическая минута. И тут все увидели, как Ханин поднялся во весь рост, сжимая две противотанковые гранаты. Мгновение, и Михаил оказался рядом с танком. Раздался сильный взрыв. Вражеская машина вздрогнула, застыла на месте, из нее повалил дым...

Сломив сопротивление врага, бойцы двинулись

вперед, ворвались во вторую линию траншей противника и взяли высоту.

Ханин, стиснув до боли зубы, лежал недалеко от вражеского танка. Он был смертельно ранен.

К Михаилу подбежал солдат:

— Что с тобой, друг?

— Отвоевался я...

Это были последние слова отважного солдата, бывшего курсанта милиции Михаила Ханина...

* * *

Бой разгорелся у станицы Небержаевской Краснодарского края. Воспользовавшись замешательством врага, морские пехотинцы поднялись в атаку. Что было дальше, Удодов не видел. В самый разгар наступления неподалеку разорвался вражеский снаряд. Командира взвода минометчиков тяжело ранило...

— Почему минометы прекратили огонь? Почему?! Фашисты обходят нас...

— Больной, успокойтесь. Вам нельзя волноваться, успокойтесь.

Удодов открыл глаза, посмотрел непонимающим взглядом вверх, зажмурился и снова их открыл. Его взору предстало все белое: белый потолок, белые стены, белые простыни...

— Куда я попал? — почти вскрикнул Иван.

— Вы находитесь в госпитале. Ранены. Вам надо лежать спокойно. — До его слуха, как будто издалека, доносился ласковый, заботливый голос. Но он не мог понять: во сне это или наяву. Слегка скосил глаза и только тогда увидел сидящую возле него на стуле женщину в белом халате.

— Ну, вот и отлично. Пришел в себя. Теперь дело быстро на поправку пойдет. — Доктор проверила пульс, внимательно прослушала биение сердца, что-то сказала сестре, потом встала и пошла к другому больному.

Иван Удодов вытащил из-под одеяла руку и стал ощупывать себя. Пошевелил ногами — действуют. С трудом, ослабленным движением потянул руку вверх: вся голова и шея закутаны бинтами. В голове — огромная тяжесть. Малейшее движение вызывало такую боль, что Удодов чуть было снова не потерял сознание.

Он стал припоминать, что же произошло, как он

очутился здесь, на госпитальной койке? Но как ни напрягал память, последних событий восстановить не смог.

Не помнил он, как бойцы батареи заботливо, чтобы не причинить неосторожным движением боль, вынесли его из-под огня. Не помнил и того, как его срочно отправили в госпиталь. Он пришел на некоторое время в сознание лишь на операционном столе, когда хирург пинцетом из-под затылочной части черепа извлек осколок вражеского снаряда. Все это время Удодов был на грани между жизнью и смертью. Но могучий организм выдержал, и постепенно дело пошло на поправку.

Однажды в палату принесли газеты. В одной из них сообщалось, что командир минометного взвода младший лейтенант Иван Удодов награжден орденом Красной Звезды. А вскоре Иван Удодов вновь возвратился на фронт, только в другую часть — в стрелковый полк триста восемнадцатой стрелковой дивизии...

Тот, кто участвовал в новороссийском десанте, навсегда запомнил ночь 10 сентября 1943 года.

Еще рвались снаряды нашей артиллерии, ставившей огневую завесу, еще гудели в воздухе красноезвездные самолеты, сбрасывая бомбы на вражеские укрепления, а десантники уже ворвались в порт Импортный, выскочили на причалы. В числе первых был офицер Удодов.

К рассвету 10 сентября войска десанта заняли все причалы порта, цементный завод «Красный пролетарий», ряд прибрежных зданий.

Запах пороховой гари и взрывчатки мешал дышать. Солдаты яростно отбивали контратаки врага и продолжали наносить ему урон. Когда командир роты был ранен, Удодов принял на себя командование.

16 сентября Новороссийск был освобожден. 9 октября десантники полностью очистили от гитлеровцев Таманский полуостров, а затем и Керченский пролив.

Командование высоко оценило подвиг Ивана Удодова. Он был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. А в декабре 1943 года в числе других смельчаков отважный командир роты лейтенант Удодов получил орден Красного Знамени.

Свой боевой поход Иван Удодов закончил в Чехословакии.

Возвратившись в 1946 году в город Ставрополь в

звании капитана Иван Андреевич Удодов снова пришел работать в органы милиции.

Он был всегда на переднем крае борьбы с теми, кто мешает нашему народу идти вперед, строить светлое будущее. В 1958 году майор милиции Удодов ушел на заслуженный отдых

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

В райкоме партии только что закончилось заседание партийного актива. Никита Абрамович Попов — заместитель начальника Апанасенковского отдела милиции прямо с заседания шел к клубу, куда стекались люди. До сих пор в его ушах звучали слова секретаря: «На нас, коммунистов района, возложена большая задача. Нужно, чтобы земля родного Ставрополя горела под ногами оккупантов. Каждого из нас ждут лишения и опасности...»

Вместе с другими активистами Попов познакомился в райкоме с общим планом партизанской войны в Ставропольском крае, выработанным крайкомом партии. В нем учитывалось все: боевая оснащенность отрядов, их взаимодействие между собой и частями Красной Армии, связь с подпольем, снабжение.

В последние дни Попов все время был на ногах. На его плечи легло множество всевозможных и необычных дел. Райком партии утвердил его командиром партизанского отряда. «Главное теперь, — думал он, — не допустить просчета. Нельзя ошибиться в людях, которые, расставаясь с мирной работой, вливались в отряд. Борьба предстоит жестокая, длительная...»

И все-таки не хотелось верить, что не так далеко шла война, рвались снаряды, сея вокруг смерть и разрушение. Не думал он совсем еще недавно, что и ему доведется стать партизаном.

Вот и клуб. В зале многолюдно. «Пора начинать, все в сборе», — подумал Никита Абрамович и направился на сцену. Постучал карандашом по графину, хотя в зале было и так тихо.

— Товарищи! Положение на фронтах тяжелое, — Попов сделал паузу. — Гитлеровские банды, сконцентрировав на юге значительные силы, устремились на богатые хлеботородные просторы Дона и Кубани, дви-

гаются на Ставрополье. Партия поручила мне организовать партизанский отряд. Есть ли желающие среди вас?

Степенный, лет сорока, мужчина поднялся в задних рядах и пробасил:

— Чего тут гутарить? Записывай, Никита Абрамович!

Люди сгрудились у столика. Среди записавшихся десять работников милиции.

Так родился партизанский отряд «Сергей». Во главе его стал руководитель Апанасенковской милиции Никита Абрамович Попов.

Начались дни тяжелой, полной лишений и опасностей партизанской жизни. Приходилось делать многодневные переходы по бурунам с их сыпучими песками, без воды, под палящими лучами солнца. Но никто не падал духом.

Связавшись с объединенным штабом и через него с регулярными войсками Красной Армии, боевой отряд получил задание: всячески противодействовать продвижению немцев, отвлекать врага, разведывать его силы, уничтожать оккупантов...

Эскадрону Попова приказано занять восточную окраину села Ачикулак и предотвратить возможность выхода немцев во фланг четвертого гвардейского казачьего корпуса.

Спешившись, конники залегли. Едва успели окопаться, как появились фашисты. На партизан наступал целый батальон. Гитлеровцы, опьяненные успехами, обнаглели: они шли во весь рост, рукава закатаны по локоть, с автоматами, прижатыми к животам. Грянул дружный залп, второй, третий. Куда девалась спесь фашистов. Они залегли, поползли назад.

Часа три гитлеровцы молчали. Потом из-за насыпи застрочили их пулеметы, забухали разрывы мин. Вражеские автоматчики еще раз пошли в атаку и опять отхлынули, оставив перед насыпью нескольких убитых.

— Что, получили? — ликовали партизаны.

Закончив операцию, 15 декабря эскадрон Попова двинулся дальше к селу Владимировка. По пути напали на немецкие автомашины. Бой был коротким, но ожесточенным.

В решающий момент партизаны увидели своего

командира, поднявшегося во весь рост. Вскинув над головой руку с гранатой, он крикнул:

— За партию, за Родину — вперед!

Не выдержав упорного натиска партизан, немцы разбежались.

За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, командир боевого отряда «Сергей» был награжден орденом Красного Знамени.

* *

В конце декабря 1942 года подули холодные ветры. То были попутные ветры для партизан-разведчиков Гулака, Володарца и Попко. Они пробирались глухими, безлюдными местами, стараясь быть незамеченными фашистами.

Иван Гулак все еще будто слышал голос командира: «По заданию штаба вы должны немедленно отправиться в Апанасенковский район в тыл гитлеровских оккупантов. Старшим группы назначаю работника милиции товарища Гулака. Ваша задача — разведка сил противника, их дислокация...»

Восьмые сутки находились в пути партизаны-разведчики. Ранним утром они пробирались к Манычу, укрывались в камышах, а с наступлением темноты двигались дальше. Но однажды их обнаружил конный немецкий разъезд.

Завязался неравный бой. Потеряв несколько человек, немцы пришли было в замешательство. Но вскоре к ним прибыло подкрепление. Для партизан создалось критическое положение. И Гулак принял решение: по одному отходить к камышам, прикрывая друг друга огнем.

Свистели пули. Но боевые друзья продолжали сражаться. Убит немецкий офицер, выбыло из строя еще семь всадников. Однако гитлеровцы подходили все ближе и ближе. При перебежке был ранен в ногу Володарец...

— Давай, друг, отходи к камышам, мы прикроем. Встретимся там, — скомандовал Гулак.

А через некоторое время был убит Попко. Иван Гулак остался один против большой группы немецких всадников. Фашисты орали:

— Рус, сдавайся!

— А это не хотите? — гневно ответил бесстрашный партизан и бросил гранату.

Воспользовавшись замешательством врага, Гулак добрался до камыша. Непролазные заросли спасли разведчика от верной гибели.

Раненого друга Гулак в камышах не обнаружил. Решил пробираться сам. Лишь на семнадцатые сутки прибыл к назначенному пункту. Там он узнал, что его боевой товарищ был схвачен карателями и после пыток казнен.

Гулак примкнул к партизанскому отряду, ворвавшемуся в село.

БОИ В ГОРАХ

Лето 1942 года. Немецко-фашистские захватчики наступали на широком фронте. Они заняли Ростов. Тяжелой поступью война приближалась к границам Ставрополя.

Под натиском прорвавшегося на Кавказ врага Советская Армия с боями отходила на новые рубежи обороны. Гитлеровцы яростно рвались к советской нефти, на восток, к Каспийскому морю, и на юг, через Кавказский хребет, рассчитывая подойти к городу Баку одновременно с двух сторон — с севера и с юга.

Для осуществления своих хищнических планов германское командование бросило на Кавказ десятки отборных горнострелковых дивизий, прошедших специальную альпийскую подготовку. Особенно выделялись дивизии «Эдельвейс» и «Белая лилия».

В это время на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии по инициативе краевого комитета партии, под общим руководством бывшего первого секретаря крайкома партии, ныне члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Михаила Андреевича Суслова, создавались партизанские отряды. Один из них — отряд «Мститель» спешно формировался в городе Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск). Командиром его был назначен комиссар военкомата Яков Герасимович Подосиновский, комиссаром — секретарь горкома ВКП(б) Анатолий Харуймович Азисов, начальником штаба — сотрудник областного управления НКВД Василий Митрофанович Такмаков (в послевоенные годы — руково-

дитель Левокумской и Невинномысской милиции).

Комиссар и начальник штаба отряда сами подбирали людей. К ним приходили рабочие шахт, предприятий и учреждений города, сотрудники горкома и обкома партии, облюбокомата, милиции, молодежь.

Пришел на беседу и Геннадий Томилов — семнадцатилетний паренек. Он сидел перед начальником штаба — широкоплечий, коренастый, с загорелым и обветренным лицом. Короткий пиджак распахнут на груди, на ногах — добротные ботинки.

— Подумай, Гена, — говорил Такмаков. — Одно дело рядом с товарищами в саду фрукты собирать, совсем другое — быть в партизанском отряде. Там часто приходится в одиночку, с глазу на глаз встречаться со смертью. Выдержишь? Устоишь?

Геннадий упрямо смотрел на начальника штаба карими глазами:

— Что вы, Василий Митрофанович, уговариваете? Или не доверяете? Если не зачислите в отряд, все равно сам в горы приду. Я очень хорошо их знаю.

Такмаков вздохнул:

— А куда же тебя?

— Мне все равно. Вообще бы... — он запнулся, — в пулеметчики мне.

— Будешь вторым номером у сержанта милиции Михаила Тарасенко. Он хороший пулеметчик.

Ушел Томилов, явился Вася Томашенко:

— Василий Митрофанович, можно я с отцом буду?.. Не знаете его? Секретарем в отделе милиции работает. Томашенко Федор Самойлович.

— Хорошо, зачисляем.

И так день за днем идут и идут люди, готовые на смерть, на муки, даже не думая о том, что это и есть подвиг, героизм.

Через несколько дней была проверена боевая готовность отряда. Плоховато было с вооружением: не хватало гранат, взрывчатки, патронов.

— В дальнейшем будем богатеть за счет трофейного оружия, — сказал комиссар Азисов.

— Правильно, — поддержал его командир отряда Подосиновский. — А самое главное — настроение у людей боевое. Отсиживаться нам недосуг. Нужно действовать. Пусть гитлеровцы сразу почувствуют, что хо-

заява здесь мы Но прежде следует позаботиться о порядке в отряде, укрепить дисциплину. Каждый должен знать свое место и задачи.

— Поэтому вы, Василий Митрофанович,— обращаясь к начальнику штаба Такмакову, сказал Подосиновский,— составьте текст присяги! И еще: надо создать партийную и комсомольскую организации. В отряде много коммунистов и комсомольцев. Это сила. Этим вопросом займется Анатолий Хайрумович. Будем не только воевать, но и вести агитацию среди населения, распространять листовки с текстом Совинформбюро.

В тот же день все партизаны приняли присягу. Они поклялись не щадить жизни ради победы, беспощадно уничтожать гитлеровцев.

День и ночь велась боевая подготовка. Людей распределяли по взводам, учили проводить разведку, стрелять. Комиссар и начальник штаба составили памятку партизану.

Такмаков нередко в часы, свободные от занятий, говорил молодым мстителям:

— Перед боем забудьте обо всем, что есть на душе. Об одном твердо помните — надо победить! И врагов, сколько бы их ни встретилось, всех надо уничтожать.

Числа восьмого августа разведка сообщила, что в некоторых районах области появились немецкие самолеты, которые сбросили парашютистов. Советские части отступали с тяжелыми боями — одни в направлении Нальчика, другие — к Теберде, чтобы потом пройти на Клухорский перевал. Партизаны все еще оставались в городе. К ним, несмотря на создавшуюся серьезную опасность, боец Хачиров доставил из аула Верхняя Мара табун лошадей. Теперь партизаны обрели подвижность и быстрее проводили подготовительные мероприятия.

Действия сводились пока что в основном к тому, чтобы не оставить фашистам имущества и важных объектов. Команда взрывников под руководством оперативного сотрудника лейтенанта милиции Аркадия Дятлова минировала крутые и скалистые участки дорог, пути подхода к важным пунктам, тем самым сдерживая продвижение врага.

Мстители Аркадия Дятлова не только занимались

подрывными работами, но и совершали дерзкие налеты на фашистских парашютистов, вылавливали их и изолировали.

...У самой дороги рос кустарник, переходивший в лес. С бугра, где залегли партизаны, хорошо просматривалась дорога.

— Сигнал к бою — огонь моего пулемета, — предупредил Дятлов.

Когда забрезжил рассвет, из-за поворота вышла большая группа вражеских солдат. Дятлов взял на прицел впереди идущих солдат. Гулко застучал пулемет, и тотчас же его поддержали несколько автоматов. Пули косили метавшиеся фигуры в зеленой форме, и ни один фашист не ушел от меткого огня партизан.

В ночь на 13 августа отряд «Мститель» направился в сторону Теберды к перевальной базе туристов Гончакхур. Одна дорога отсюда вела на Клухорский перевал, другая — в Домбайскую долину, затем на Алибек и Марухский перевал.

Природа будто старалась помочь храбрецам. Сквозь хвою тебердинских сосен на каменистую дорогу падал лунный свет, а в горах стояла первозданная тишина, нарушаемая лишь привычным шумом реки, который помешал бы арьергарду уловить движение приближающегося врага, так как копыта партизанских лошадей были обмотаны тряпьем.

Шли молча, думая каждый о своем. Но когда присаживались для отдыха, вспоминали довоенную жизнь, товарищей-сослуживцев, оставшихся где-то «там далеко».

Но по мере того, как удалялись от города, все чаще и чаще стали говорить не о том, что оставили, а о том, что предстояло встретить впереди. Бывший секретарь отдела милиции, а теперь партизанский пулеметчик Федор Томашенко мечтал о будущих сражениях.

— Скорей бы добраться до фрицев, руки чешутся. Я им покажу такую дорогу на юг, что они и своих никогда не увидят, — говорил он, поглаживая ствол пулемета. — Карачаево-Черкесия наша небольшая, но вражизмам всем хватит — метра по полтора на брата.

Он высокий, широкий в плечах человек большой силы и выносливости мог бы нести свой пулемет безо всякого отдыха до самого утра. Зато второй номер

пулеметного расчета Туманов являл полную противоположность товарищу — низкорослый, худощавый. На крутых подъемах Томашенко шутил:

— Что, выдохся? Садись сверху на пулемет. И тебя донесу.

К месту назначения отряд прибыл утром. Здесь бойцы получили обмундирование, боеприпасы и стали ожидать дальнейших распоряжений.

Тихое августовское утро. Лес Теберды в безмолвии и настороженности. Этим утром начальник штаба отряда Василий Митрофанович Такмаков вместе с комиссаром Азисовым давали отдельным бойцам задания, выбирали для боя позиции.

По извилистой дороге ущелья Гоначхира вверх, на Клухорский перевал, прошли сто воспитанников Евпаторийского детского дома и дети, эвакуированные из Ленинграда, с медицинским персоналом. За ними проследовал артиллерийский полк, который и попросил партизан задержать немцев, пока не будут выведены все раненые и дети.

И вот:

— Внимание, — крикнул начальник штаба Такмаков. Бойцы насторожились. — Разведка только что сообщила о немецких подразделениях, вышедших из Теберды в нашу сторону. Нам необходимо занять берег реки, подпустить фашистов как можно ближе и навязать им бой. Если мы задержим их до темноты, немцы ночью на перевал не пойдут, и дети, а с ними и раненые бойцы, будут спасены!

Вскоре все залегли вдоль берега Гоначхира. Через некоторое время показались немцы. Они продвигались вперед группами по 15—20 человек. Завязался бой. Противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия. Это было труднейшее психологическое испытание: кто окажется сильнее, настойчивее, упорнее, решительнее.

Гитлеровцы рассчитывали, что партизаны не выстоят, попятятся, отступят. А за это время они еще лучше укрепят свои позиции, подтянут резервы, организуют оборону. Но фашисты просчитались. Бойцы, мужественно сражаясь с врагом, отбросили его к реке, взорвали гоначхирский мост.

Со свистом над головой Геннадия Томилова про-

неслось несколько пуль. Длинной очередью ответил наш пулемет.

Геннадий, разглядывая пробитую шляпу (у всех партизан были туристские пехотные шляпы), сокрушенно покачал головой:

— Вот гад, новую вещь испоганил, чтоб ему пусто было!

Совсем рядом цвиркнула пуля, за ней вторая, третья... Бой усиливался.

Находившийся недалеко от Михаила Тарасенко автоматчик вдруг замолк. Оглянувшись, Тарасенко увидел бледное лицо милиционера Ивана Семькина, неловкое положение его тела.

— Что с тобой, друг? Ранен? — подползая, тревожно спросил Михаил.

— Да, ранен, — почти прошептал боец.

— Крепись, дружище. Мы им еще покажем!

Михаил ползком вернулся к пулемету и с яростью нажал гашетку.

Отбита одна, вторая атаки... Много полегло фашистов от его метких выстрелов.

С упрямством затравленного зверя гитлеровцы лезли напролом. Расчет был прост: задавить наших численным превосходством.

Бой разгорался с каждой минутой. От метких пуль Федора Томашенко пал один, второй, третий фашист. Наповал уложил более десяти вражеских солдат Михаил Тарасенко.

Сражение длилось до глубокой ночи. Сохранив свои основные силы, отряд под покровом темноты перешел к Домбаю. Немцы, потеряв около ста человек, несколько дней не отваживались двигаться дальше. А за это время на перевал подоспели наши армейские части.

Не забудется и такой эпизод.

Вместе с командованием 308-го полка партизанский отряд решил выйти в тыл противнику и занять курорт Теберду, чтобы сделать там посадочную площадку для самолетов. Заодно нужно было добыть «языка». Для операции выбрали самых выносливых и мужественных бойцов.

С боем отошли в Аксаутское ущелье, поднялись на гору Каракай. Однако и здесь оказались фашисты.

В этом бою лейтенанта милиции Дятлова постигла

неудача. Когда он отправился к армейским подразделениям, чтобы предупредить их об обстановке и об опасности внезапного налета гитлеровцев, когда стал подниматься по скальной стене к вершине Марухского перевала, гитлеровский снайпер подкараулил его и тяжело ранил.

На следующий день немцы перешли в атаку. Их встретили шквальным огнем. А тут подоспели подразделения 810-го полка. Атака гитлеровцев захлебнулась. Склоны гор были усеяны трупами захватчиков.

Аркадию Дятлову становилось все хуже и хуже. Через некоторое время он скончался. Его похоронили на вершине перевала.

Смертью храбрых погибли лейтенант милиции Владимир Жаров, Виктор Панаев...

Партизанский отряд «Мститель», встретившись с частями 394-й дивизии, по приказу военного командования поднялся по скалистым тропкам на перевал.

Часть партизан влилась в армейские подразделения, а те, кто постарше, были отведены в Сухуми.

«Мститель» с честью справился с поставленной задачей, до конца выполнив свой долг.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТ

«За заслуги в охране общественного порядка и борьбе с преступностью наградить орденом Трудового Красного Знамени подполковника милиции Попова Семена Семеновича — начальника Петровского районного отдела внутренних дел». (Из Указа Президиума Верховного Совета СССР).

Подполковник Попов... Это в официальном разговоре. Но за глаза, между собой, многие подчиненные и особенно те, что прослужили с ним не один год, зовут Семена Семеновича почтительно — Батя.

Мы знакомы давно. Когда-то мне приходилось писать еще о лейтенанте милиции Попове. Это было в 1958 году. И вот снова сижу в его кабинете и со стороны наблюдаю, как и о чем он говорит, как держится с посетителями.

Годы мало изменили Семена Семеновича, разве

только раздали его в плечах. Он по-прежнему прост в обращении с людьми, внимателен к их жалобам и запросам, хотя сама специфика работы у иного служащего милиции безнадежно меняет его характер уже в первые месяцы.

По-моему, у Семена Семеновича еще сохранилась та добрая застенчивость, которая нередко с годами утрачивается. К нему очень подходит формула советских чекистов: «Светлый ум, чистые руки, горячее сердце».

Да, он таков, подполковник милиции Семен Семенович Попов. И в кабинете, и на задании.

С чего начать рассказ об этом человеке, который вырос от участкового инспектора до начальника районного отдела внутренних дел? Пожалуй, со встречи в райкоме комсомола.

I.

Попов и сам не мог толком объяснить, как же так получилось, что он дал согласие. Несколько дней назад, когда его вызвали в райком комсомола и предложили пойти работать в милицию, Семен решил наотрез отказать. С этой мыслью и шел на повторную беседу с секретарем. А вышло наоборот, согласился.

Беседовали они долго и как-то по-домашнему доверительно. Секретарь рассказывал о сложной и почетной службе работников милиции. Говорил, что партия и комсомол пополняют кадры милиции самыми достойными людьми. Попову, недавно демобилизованному солдату, комсомольцу, оказывают большое доверие.

— И стану я каким-нибудь оперативным работником по ловле карманников,— вставил Попов.

— Каким-нибудь, говоришь?— переспросил секретарь.— Намек твой понимаю. Вот, мол, десятилетку закончил, собираюсь поступить в институт, а райком направляет работать в милицию. Так ведь?

Попов молчал.

— Глубоко ошибочное мнение,— продолжал секретарь райкома.— Вот ты сказал «каким-нибудь оперативным работником». Вроде с пренебрежением. Полагаю, что не сразу, не вдруг тебе доверят эту должность. Для начала участковым инспектором поработаешь...

Наконец-таки он решился. Его назначили участковым инспектором.

...Шли первые дни апреля 1951 года. Разворачивались весенние полевые работы. В их разгар комсомолец Семен Попов принимал участок.

«В такое горячее время и председателя колхоза-то не увидишь скоро,— думал он, шагая по дороге.— Много вопросов нужно решить».

Когда до правления богословского колхоза оставалось не больше двух километров, Попова догнала бедарка. Лошадью управляла молодая, веселая девушка.

Заметив в бедарке газеты, журналы и несколько книжек, участковый подумал: «Наверное, книгоноша».

— Садитесь, подвезу,— бойко крикнула она, натягивая поводья.

Некоторое время ехали молча.

— Вы что, к нам в гости, или как? — первой заговорила девушка.

— Нет, на работу.

— Стало быть, за порядком следить будете? Это хорошо. А то у нас много хулиганов да пьяниц развелось, прямо покоя нет от них.

— А вы что же не призовете их к порядку? — спросил участковый.

— Да что мы? Они нас совсем не слушают. «Видали мы таких», — говорят они.

— Очень плохо, что не слушают. А комсомольцы есть на селе?

— А как же, есть. У нас очень большая комсомольская организация.

— Тем лучше. Комсомольцы — народ смелый, активный. Против них ни один хулиган не устоит.

— Вот мы и приехали,— сказала девушка, прервав разговор.— Надо спешить в библиотеку обменять книги, взять новые газеты, журналы, а то теперь заждались мои читатели.

Семен, глядя вслед удаляющейся девушке, размышлял: «Боевая, такая вполне бы могла быть бригадиром».

Нелегкой оказалась работа участкового инспектора. На первых порах Семен Попов испытывал большие трудности. Не хватало опыта, навыков. Были ошибки, промахи, но Попов не опускал руки. Он упорно учил-

ся, присматривался к опытным участковым, выяснял у них все, что было непонятным.

Обстановка не баловала молодого сотрудника милиции. Уже через несколько дней отдел получил сигнал от жителей, что на хуторе должен появиться опасный преступник. Задержать его поручили оперативному работнику и участковому инспектору Попову.

* * *

Ночь плотно окутала землю, когда два сотрудника заметили едва светящийся огонек. Подойдя к избе, осторожно заглянули в окно. Внутри никого, кроме хозяина да девочки лет пяти-шести. Постучав в раму, направились к крыльцу. А через минуту в сенях раздалось шарканье шагов, скрипнула дверь. Хозяин не выразил особенного удовольствия по поводу столь позднего визита незнакомцев, но, когда узнал, что привело их к хутору, вызвался помочь.

— Давно тюрьма плачет по этому злодею, натерпелись от него люди, — произнес он хрипловатым голосом.

Было решено устроить засаду на чердаке сеновала, расположенного рядом с домом.

Время тянулось медленно. Обоих клонило ко сну. Но спать нельзя — проморгаешь преступника. Закопались поглубже в сено, чтобы было теплей, стали шепотом переговариваться.

Участковый инспектор здорово волновался. То и дело ощупывал карман, чтобы убедиться, на месте ли пистолет, выданный накануне.

Оперативный работник решил приободрить товарища:

— Не робей, брат. Когда я в первый раз на задание шел, тоже какое-то волнение было.

Потом стал рассказывать о различных происшествиях из своей милицейской практики. Так и проговорили до самого утра.

— Не придет, — решил оперативный сотрудник. — Зря мы здесь всю ночь проторчали.

Не успел он это проговорить, как дверь в доме открылась. Во дворе появилась хозяйская дочь и — прямо к сеновалу.

— Дяди, — зашептала она, — он у нас. Ночью пришел. Сейчас уходит собирается.

Оставив девочку на сеновале, быстро соскользнули с чердака. Участковый инспектор, пригнувшись, подобрался к окну, а оперативный работник с силой рванул дверь на себя.

— Ни с места! — тут же раздался его громкий голос.

Преступник бросился к окну, но, увидев там Попова, понял, что сопротивляться бесполезно...

С каждым днем рос авторитет молодого участкового. Его уважали за то, что он внимательно относился к заявлениям и жалобам граждан, принимал решительные меры к нарушителям правопорядка. По его инициативе при сельском Совете был организован регулярный прием людей с жалобами, оживилась работа товарищеских судов. Вместе с исполкомом Совета он организовал дежурство сельских активистов и бригадильцев, стал организовывать рейды, проверять бдительность сторожевой охраны.

Десятки, сотни граждан стали товарищами и друзьями Попова в этой тяжелой и благородной службе. Каждый дом гостеприимно распахивал свои двери перед участковым. Не было невозможного — любое дело раскрывал, потому что ему помогали активисты. Его касалось все, что происходило вокруг: как хранится зерно на складах, не обманывают ли колхозников продавцы магазинов, не сел ли за баранку подвыпивший шофер.

Не богата телефонная сеть в распоряжении участкового, не могуч его транспорт, а связь с населением надежная. И разговор в пути с земляком-спутником, и беседа за дружеским столом, и выступление с трибуны клуба, и ночной стук в окно: «Семен Семенович — беда!» — все способствовало тому, чтобы участковый знал обстановку, был готов принять участие в том или ином деле. И ни один сигнал не оставался без ответа.

Его дом был всегда открыт для посетителей — приходи, за советом ли, с горем ли своим, днем или ночью; нужна помощь, Семен Семенович — шинель внакидку и уже на крыльце.

...Постучали в дверь участкового поздно вечером.

— Кто там? — спросила жена.

— Мне участкового! — ответил женский голос.

Попов вышел. Во дворе стояла плачущая колхозница Мария Петровна Марфикова. По ее виду он понял,

что с ее мужем снова беда. Хотел было повернуть в дом, чтобы одеться, но она предупредила:

— Зайдите, Семен Семенович, лучше утром. Муж к тому времени проспится, хоть поговорить с ним можно будет. А сейчас чего уж там,— и она безнадежно махнула рукой.

Рано утром младший лейтенант милиции Попов был уже у Марфиковых. На пороге его встретила Мария Петровна:

— Вот он, полюбуйтеся.

Поперек комнаты лежал человек. Грязные, стоптанные сапоги, армейские брюки галифе, мятый пиджакишко. Тяжелый запах водочного перегара.

Из-за двери выглядывали перепуганные дети. А в глубине комнаты, опустив, как плети, худые в синих узлах руки, в скорбном молчании сидела старуха.

Перешагнув осторожно через пьяного, Попов вошел в комнату, присел на табуретку.

— Мамаша, почему это он так?— негромко спросил участковый.

— Ох, милый,— старуха подняла на Семена Семеновича бесцветные, влажные глаза,— сколько я ему, идола, говорю: брось ты эту сивуху пить, возьмись за ум...

Старуха затянула потуже платок, скрестила на груди руки:

— Уж очень мастеровой он у нас. Золотые руки. Он ведь и маляр, и печник, и плотник, и дом покроет.. Все умеет. Вот и нашла блажь: знает, что нужный человек, без дела не останется. Выгонят в одном месте, позовут в другое.

— Нет, не будет из него толку,— вмешалась в разговор жена и заплакала.— Я уж подала в суд на алименты. Ведь двое детей. Кормить их надо.

Семен Семенович слушал женщин, гладил по голове пятилетнюю девочку и нет-нет да и поглядывал на лежащего на полу «хозяина».

Потом он шел по улице и думал. Думал о том, что давно знает Ивана Ильича, мастерового человека, тихого, покладистого, смирного даже во хмелю. Но плотник опускается все ниже и ниже. Дошло до того, что стал выпивать всю свою зарплату. Работает с перерывами.

Уговоры, вызовы в участок милиции — все, чем мог воздействовать на него участковый инспектор, было испробовано. Дальше клятвенных обещаний не шло. «Зеленый змий» портил человеку жизнь. Попов считал своим прямым долгом выволочь Марфикова из этой трясины, поставить на правильный путь.

Как-то вскоре после посещения дома Марфиковых о поведении его хозяина участковый рассказал колхозникам на собрании. Для одних это сообщение было не новостью, другие слышали о таком впервые. Но мнение народа сводилось к одному: Марфикова надо вытащить на суд общественности. Пусть он перед лицом товарищей отчитается за свое поведение.

* * *

Односельчане долго вспоминали об этом суде. Всыпали пьянчуге по первое число! Опомнился он. И больше к «зеленому змию» ни-ни! Бывших дружков стал обходить стороной. На участкового не в обиде. Наоборот, при встрече с ним говаривал:

— Спасибо, Семенович, преподал ты мне урок на всю жизнь...

Все реже отмечались на участке Попова случаи краж. А его самого по-прежнему можно было видеть и в сельсовете, и в поле, и в домах колхозников.

Появилось новое зло, с которым надо было решительно бороться. Кое-где в селах и хуторах стали увлекаться самогоноварением. «Винокуры» спаивали не только взрослых, таких, как Марфиков, за что брали приличные деньги, но и молодых.

Как заставить «мастеров сивухи» прекратить свое занятие? С этими мыслями в вечернее время Попов зашел в сельмаг и спросил у продавца:

— Много водки продали?

Та не спеша вытерла руки и засмеялась:

— Какая уж тут торговля. Своим горючим обходятся. Да сейчас водки и в продаже-то нет.

Когда участковый переступил порог клуба, там было уже полно народа. Вскоре дверь с грохотом распахнулась и в зал шумной компанией ввалились трое пьяных парней.

— Ну, будет потеха. Валька со своими дружками «на взводе» пожаловал, — невесело произнес кто-то.

Один из парней, нелепо размахивая длинными руками тулупа, вывалился на середину:

— Бывали дни веселые, гулял я, молодец...

Участковый решительно пошел навстречу пьяным.

— Прекратите безобразничать! — голос его прозвучал как команда.

— А ты кто такой? Где хочу, там и гуляю, — покачиваясь и нагло глядя в глаза, заявил Валька.

— Вы мешаете людям, немедленно идите домой!

К Вальке подошли его дружки. Все напряженно следили, чем кончится поединок. Парни продолжали кураться:

— Тоже мне начальник!

— Дай ему, чего смотришь!

Попов почувствовал, что еще немного — и он взорвется.

— Выйдите отсюда! — произнес он тихо и твердо. И все поняли: новый участковый шутить не будет.

В это время в клуб вошли две группы бригадмильцев. Пьяные парни попятились к выходу. Участковый стоял неподвижно, широко расставив ноги и глядя в упор потемневшими от гнева глазами.

На второй день участковый выступил по местному радио с материалом об усилении борьбы с пьянством, а заодно высмеял «мастеров сивухи», рассказал, к каким результатам может привести такое занятие. В подтверждение привел пример с тремя парнями. Об этом же повел разговор в колхозном клубе.

Но не на всех действовало выступление участкового. Наиболее упрямые «винокуры» по-прежнему продолжали изготавливать самогон.

Об одной из самогонщиц — бабке Меланье — участковый узнал от комсомольцев-бригадмильцев.

Старуха встретила Попова угрюмо.

— Ну, Меланья Степановна, — сказал участковый, — знаете ведь, зачем я пришел.

— Нет, милоч, не знаю. Грабить меня никто не грабил. Без разрешения, вроде, тоже никто не проживает.

— Как же не проживает? — в тон ей язвительно сказал Семен Семенович. — Живет голубчик. В погребе.

Лицо у старухи вытянулось. Неужто дознался?

— Вот что, Меланья Степановна, — становясь серьез-

ным, сказал участковый.— Шума не будем делать, а завтра утром, часам к десяти жду вас в сельсовете.

— Как же я его принесу, проклятого!— воскликнула бабка.— Он ведь тяжелый!

— А вы привезите его на санках.

— Везти? Срам-то какой! Все будут знать.

— Вот и хорошо. Пусть знают, да на ус мотают. То же самое и с другими будет.

Утром самогонный аппарат Меланьи Степановны был в сельсовете. В течение недели к нему прибавилось еще несколько. А вскоре принесли и последнюю «самodelку». Теперь Семен Семенович был гвердо уверен, что самогонные аппараты на его участке ликвидированы, а «винокуры» — вывелись.

II.

Вскоре Попова направили в Калининградскую школу милиции. Время учебы пролетело незаметно. И вот он снова в своем дружном коллективе — Шпаковском отделе внутренних дел в должности старшего инспектора уголовного розыска.

Новое дело захватило Попова. У него постепенно вырабатывались необходимые качества оперативного сотрудника — смекалка, острая наблюдательность, профессиональное чутье, хладнокровие.

Любовь к делу, настойчивость и сознание своего служебного долга сопутствовали успеху. Чувствовался непрерывный рост, зрелость. Сотрудники его уважали за умение строить смелые оперативные комбинации, которые помогали в раскрытии преступлений.

* * *

Однажды в дверь дежурной комнаты милиции робко заглянул мужчина, лицо которого было перевязано.

— Смелее, гражданин,— ободрил его дежурный офицер, видя нерешительность мужчины.— Проходите, садитесь, рассказывайте.

— Беда случилась. Меня ограбили вчера.

Поняв, в чем дело, дежурный направил посетителя к сотруднику угрозыска Попову.

— Значит, такое дело,— начал потерпевший.— По профессии я сапожник, фамилия Шопин, Федор Павло-

вич. Вчера вечером после работы шел домой. По пути решил зайти в чайную, где выпил немного водки. Когда вышел из чайной, было уже темно. Огляделся кругом и потопал потихоньку домой. Не успел завернуть за угол дома, как меня остановили двое с ножами.

— Деньги есть, старик?— спросили они у меня фазом.

— Какие там деньги, я с работы иду, нет у меня денег,— отвечаю им.

— Врет, вон часы на руке,— сказал один.

— Снимай!— приказал второй.

Я, конечно, возразил им, говорю, это, мол, память, сын подарил.

— Ах ты старый хрыч, ты еще будешь разговаривать с нами!..

Ну и несколько раз ударили меня по голове. Сняли часы и убежали.

— Так. А вы запомнили их приметы?— спросил старший инспектор уголовного розыска лейтенант Попов.

— Запомнил. Один был высокого роста, худощавый, в фуфайке, на голове шапка-ушанка, на ногах сапоги. А другой меньшего роста, тоже в фуфайке, шапке-ушанке, ботинках.

— Какой марки ваши часы?

— «Победа».

* * *

Приближался рассвет. На востоке загоралась заря, мороз крепчал. Попов и участковый инспектор Стародубцев, на участке которого был совершен грабеж, с ног сбились в поисках преступников. Но все безрезультатно.

«Искать. Терпеливо искать грабителей»,— решил оперативный работник. Через несколько дней в деле появилась запись: «Николай Кулешин нигде не работает, ведет подозрительный образ жизни, часто приходит домой в нетрезвом состоянии». Попов пригласил Кулешина в милицию.

Во время обыска у подозреваемого были обнаружены в кармане брлок наручные часы «Победа».

— Откуда у вас эти часы?— спросил лейтенант Попов.

— Как откуда? Это мои часы, я их недавно купил в магазине.

— Когда точно их купили и в каком магазине?

— Да в этом, как его,— Кулешин растерялся, не зная, что дальше говорить.

Когда предъявили часы Шопину, тот их не признал. Оказались не его. Нужно было установить, чьи все-таки эти часы. Выяснилось, что они принадлежат гражданину Лунину, который не заявил об их краже лишь потому, что ему, как он потом пояснил, было неудобно.

Перевалило далеко за полночь, когда Попов направился домой.

Чуть свет он уже был на ногах.

— Ну, что нового?— спросил Попов у Стародубцева, когда тот зашел в кабинет.

— Есть. Вчера вечером во время занятий в школе рабочей молодежи в класс была брошена бутылка из-под вина. Бросил ее, как мною установлено, Евгений Портенко. Я его задержал. Он сейчас находится в дежурной комнате.

Детальное знакомство с прошлым Евгения Портенко многое дало оперативному работнику. При допросах тот хмуро твердил:

— Я не бросал бутылку. И вы мне это не пришивайте. Где свидетели? Это ваша выдумка.

Когда хулигана увели, участковый инспектор, обращаясь к Попову, сказал:

— Этот парень способен на все. Его отец не выходил из тюрьмы, и сын смотрит туда же. Нигде не работает, пьет, бродяжничает.

— Да, я с вами вполне согласен. Тем более, что у нас на него кое-что есть. И приметы его совпадают с приметами одного из неизвестных, которые сняли часы у Шопина. Но это еще не все. Нужно сейчас установить его связи, друзей.

— Это я сделаю через своих бригадильцев,— сказал Стародубцев и, получив подробное указание, отправился на участок.

На второй день Стародубцеву стало известно, что молодой парень Николай Уваров на днях немного «подзаработал» и пригласил одного из бригадильцев в чайную.

...Шел второй допрос Уварова. Он с опаской пере-

водил взгляд с Попова на объемистое дело, которое лежало на краю стола, вздыхал, ерзал на стуле и все твердил свое:

— Что же я могу вам сказать, если ничего не знаю?

— Куда вы дели часы, снятые с пьяного гражданина?

Уваров вздрогнул:

— Какие часы?

— Не отпирайтесь, Уваров, нам все известно о ваших проделках. Самое лучшее, если вы обо всем чисто-сердечно расскажете.

Уваров молчит, но уже заметно, что колеблется. Волнуясь, он стал рассказывать все, как было.

Однажды его встретил Евгений Портенко и предложил похитить из маслозавода шифер, затем продать его, а вырученные деньги поделить. Сначала Уваров наотрез отказался, но затем согласился...

Когда Уваров закончил рассказывать, Попов спросил:

— А кто еще, кроме вас и Портенко участвовал в краже шифера?

— Виктор Солгалов.

— А часы вы вместе с Портенко с человека сняли?

Уваров отрицательно качнул головой:

— Нет. Это они без меня сделали. Я на это не согласился.

«Кажется, клубок начинает разматываться», — подумал Семен Семенович.

Вскоре Попов получил дополнительные сведения о том, что в квартире Портенко на печке в старом валенке находятся часы марки «Победа» и финский нож.

— Сейчас вы, товарищ Стародубцев, пойдете на квартиру Портенко и произведете у него обыск, — сказал Семен Семенович.

Вызвали Портенко.

— Зря потревожили, гражданин начальник, — произнес он.

Попов пристально посмотрел на Портенко. Знал, что тот будет отрицать участие в совершенном преступлении, что уличить его можно только, предъявив вещественные доказательства. Поэтому, чтобы дожидаться возвращения участкового инспектора с результатами обыска, начал вести с Портенко беседу о его поведе-

нии в общественных местах, почему он не работает.

Прошло полчаса. Портенко обстоятельно отвечал на все вопросы. Но когда услышал: «Расскажите лучше, Портенко, как вы совершили преступление?» — весь напрягся.

— Какое это еще преступление? — стараясь не выдать испуга, спросил он. — Говорю, что не совершал!

В это время в кабинет вошел Стародубцев.

— Все в порядке, — доложил он. — Часы и финский нож обнаружены и изъяты.

— Ну, а теперь что будете говорить, Портенко?

Он потерянно вымолвил:

— Теперь все расскажу.

III.

В 1958 году Семену Семеновичу Попову доверили самостоятельную работу — назначили начальником отделения уголовного розыска Буденновского отдела внутренних дел.

— Мелочей у нас не бывает. Такая служба, — обычно говорил он своим подчиненным.

Возглавив отделение угрозыска, Семен Семенович оставался верным себе. Его работа — это работа с людьми и для людей, забота об их покое. Вместе с оперативными сотрудниками он выезжает по тревоге, будь то день или ночь, жара или же лютая стужа.

Его знания, опыт, совет были незаменимы при решении самых сложных оперативных вопросов.

Ни одно преступление не должно остаться нераскрытым. Таков девиз Попова и его коллег из уголовного розыска. Вот почему был поднят на ноги весь угрозыск, когда однажды осенью глубокой ночью было совершено нападение на сторожа и ограблен магазин в селе Прасковья.

Пожилой охранник, получивший легкие телесные повреждения, к сожалению, не запомнил ни одного из троих грабителей. Единственное, что он знал, — преступники были на машине.

— Марка машины? — спросил сторожа Попов, участвовавший в осмотре места происшествия.

— «Победа» темного цвета. Грабители все молодые...

— М-да, приметы характерные, что и говорить, — иронически заметил Семен Семенович, и тут же стал готовить текст информации об этом ограблении в управление внутренних дел.

В то время никто еще не знал, откуда пожаловали «гости» в Прасковею, каков их дальнейший путь: направились они по трассе Буденновск—Левокумское или Буденновск—Георгиевск, а может, свернули на какую-либо проселочную дорогу?

Ставрополь вызвал дежурного отдела милиции раньше, чем Попов успел составить текст информации о случившемся.

— Запишите телефонограмму, — голос на другом конце провода звучал отчетливо. — Диктую: «Примите меры к розыску автомашины марки-72 синего цвета, номер 35—18, которую угнали из гаража учреждения Левокумского села. О результатах сообщите сразу».

— Так это, возможно, та «Победа», которая и нас интересует!.. Есть новости, Семен Семенович, — дежурный протянул только что полученную телефонограмму вошедшему в комнату Попову.

— Ну что же, — произнес тот, — будем искать синюю «Победу». — Вот текст информации об ограблении магазина, передайте в управление.

Начался поиск. Сотрудники угрозыска разбились на три группы. Одну из них возглавил Попов. Она направилась в сторону Левокумского. С ними находилась и служебно-розыскная собака.

* * *

Утро выдалось погожее. Слегка подмораживало. Се-ребристая лента шоссе уходила до самого горизонта. Оперативные работники внимательно смотрели по сторонам: не видно ли следа съезжающей с шоссе автомашины. В селе Покойном молодой бригадирец сообщил сотрудникам, что примерно за полтора часа до рассвета видел, как по шоссе на большой скорости в сторону Левокумского промчалась «Победа». «Может быть, та самая, которую ищем?» — переглянулись работники милиции.

Было решено: на всем пути обследовать лесополосы, кустарники и перелески, расположенные по сторонам трассы.

Сразу за селом Бургун-Маджары есть съезд влево. Здесь-то сотрудники угрозыска и заметили на твердом песчаном грунте след автомашины. Он вел в сторону лесопосадки. В глубине ее стояла синяя «Победа». Ни людей, ни вещей в машине не было. В кузове беспорядочно валялись этикетки от мужских костюмов и пальто, дамских трикотажных изделий...

Служебно-розыскная собака, взяв след, уверенно пошла в сторону больших кустарников, находившихся около километра от дороги. Овчарка с лаем бросилась разгребать землю под кустом. Вскоре показался тщательно замаскированный узел с вещами.

Но преступников поблизости найти не удалось. Видимо, они ушли, не стали рисковать...

Третью ночь уже томились в засаде сотрудники милиции. Менялись дежурные, но за узлом никто не приходил.

Время перевалило за полночь. Стало зябко, овчарка то и дело вздрагивала от холода.

— Наверно, и эта ночь впустую, — чуть слышно сказал проводник служебно-розыскной собаки Сазонов. И хотел было подняться, как вдруг послышался шорох, треск сучьев. Из-за кустарника показался человек. Подойдя к месту, где находился тайник, он осмотрелся кругом, прислушался и стал разгребать ветки, землю. Шли минуты, больше никто не появлялся.

— Будем брать! — шепнул оперативный сотрудник Сазонову, с трудом удерживавшему овчарку. Собака рванулась из засады и сильными лапами свалила неизвестного и прижала к земле. Тот выхватил нож, но подоспевшие сотрудники милиции обезоружили преступника.

— Что вы здесь искали?

— Хотел соломы взять, саман делать, вот и мешок.

В кармане брюк задержанного сотрудники милиции обнаружили веревку, сходную с той, которой накрест был связан узел с вещами. На руке — совершенно новые часы одной из марок, числящихся в списке похищенных из магазина.

Сомнений не было: перед ними грабитель. Но где же остальные?

Неизвестного доставили в отдел милиции, где в это время находился Попов.

В протоколе допроса появилась запись: «12 ноября прибыл из мест заключения, нигде не работал. Через несколько дней в столовой встретил своих дружков. Выпили изрядно, предложил им ограбить магазин... Приехали в Прасковею, людей на улицах уже не было, в хатах погасили огни. Нам только немного пришлось обождать, пока сторож вздремнет. ...На обратном пути испортился мотор, останавливались несколько раз. А когда свернули с дороги, чтобы отремонтировать, мотор совсем отказал, и мы...»

— Скажите, кто был за рулем «Победы»? — спросил Попов.

У задержанного пересохло во рту, а на лбу выступила испарина. Он глухо выдавил:

— Борис Рязанов, кто же. Он умеет водить машину, работал шофером. За пьянку уволили...

На следующий день задержали Бориса, а вскоре арестовали и третьего участника ограбления магазина — Николая Витохина. У него на квартире была обнаружена часть похищенных из магазина вещей.

IV.

Юркий «газик» без остановок мчался по пыльной степной дороге. Рядом с шофером сидел майор милиции Семен Семенович Попов. Он ехал в Петровский район. До этого майор работал заместителем начальника Кочубеевской милиции. Служебные дела там шли неплохо: все меньше оставалось нераскрытых преступлений, число их шло на убыль.

Что-то его ждет впереди? Ему поручено возглавить коллектив районного отдела внутренних дел. В Кочубеевском Попов ежедневно ощущал помощь начальника отдела. Иной раз до позднего вечера просиживали они вдвоем, разбирая материалы. Теперь самому предстояло руководить, учить людей. Как пойдут дела? Этот вопрос не давал майору покоя всю дорогу...

Приняли молодого, энергичного начальника милиции благожелательно. Понравилась его решительность и в то же время скромность, та особая культура в человеке, которую легче почувствовать, увидеть, чем описать.

Семен Семенович побывал на всех предприятиях,

познакомился с руководителями, с коллективами, с условиями их работы, с теми данными, которые необходимы для его деятельности.

Добровольные народные дружины по охране общественного порядка, товарищеские суды, уличные комитеты были созданы давно. Повидаться с этими помощниками милиции, поговорить с ними, разрешить текущие вопросы, призвать к энергичной работе — этим Попов занялся немедленно по приезде.

Но круг его обязанностей куда шире. К начальнику районного отдела внутренних дел обращаются по самым различным поводам. Поступило заявление от неполадивших друг с другом соседей. Отец пришел пожаловаться на отбившегося от рук сына. Женщина просит образумить пьяницу. В каждую жалобу надо вникнуть, разобраться и непременно помочь тому или другому человеку.

* * *

Официально рабочий день в милиции начинается в девять утра. Но в половине восьмого Семен Семенович Попов уже входит в здание райотдела.

Дежурный офицер Иван Радомских доложил о происшествиях, случившихся за ночь. Начальник отдела, выслушав доклад, не спеша перелистал книгу регистрации происшествий и распоряжений, сделал пометки. Дежурство прошло относительно спокойно. Доставили нескольких пьяниц, один из них до сих пор никак не может протрезвиться. Есть и задержанный за преступление — парень, совершивший кражу в магазине: вытащил кошелек у покупательницы. На допросе заявил, что был не один. Фамилий своих напарников не знает, познакомился с ними на улице.

— Скорей всего хитрит, — бросает Попов, листая протокол допроса. — Хочет свалить вину на мнимых сообщников. Довольно тривиальный прием. Впрочем, стоит проверить и эту версию.

Прошелся по комнатам, посмотрел, в каком состоянии оружие, открыл аптечный ящик и пожурил дежурного за то, что не хватает некоторых медикаментов.

Потом начался прием граждан. Люди по самым разным вопросам обращались к начальнику милиции. И с каждым Попов был внимателен, стараясь вникнуть

в суть дела, которое привело человека к нему. Он не любил формализма, черствости. Своим личным примером Попов воспитывал у подчиненных такие качества, как смелость, чуткость, вежливость и строгая дисциплина.

В милиции нет легких должностей. Здесь все, от рядового до самого высокого начальника, трудятся не покладая рук. Это Семен Семенович понял уже в первые месяцы службы. Вся многолетняя работа убеждала еще в одном: милиция тем сильнее, чем больше людей помогает ей. Казалось бы, не ахти какое открытие. Но одно дело произнести эти слова и совсем другое — повседневно стараться привлечь помощников. И, став начальником милиции, Семен Семенович начинает серию выступлений перед населением.

В районном Доме культуры собралось немало народу. Аудитория довольно разнообразная: от учителей до домашних хозяек...

— Ученик десятого класса Владимир К. шел по улице в нетрезвом состоянии. Скучно ему, видишь ли, начал приставать к девушке, — рассказывает подполковник.

Неожиданно резкий женский голос прервал его рассказ:

— Мой Володька не хулиган!

Зал довольно оживленно отреагировал на эту реплику.

Переждав, пока емохнет шум, Попов продолжил:

— А почему Володя хулиганит? Да потому, что мало занимаются его воспитанием родители. Заступаться они за него умеют — все тут слышали. А их сыну сейчас, пожалуй, нужно не заступничество, а требовательность. Крепко разбаловали его отец с матерью.

Слова подполковника попадают, что называется, не в бровь, а в глаз, и аудитория начинает слушать его с большим вниманием. И тогда от конкретных фактов Семен Семенович переходит к проблемам. Он откровенно говорит о том, что еще не сделано милицией, какая помощь ей требуется.

Разговор удался. Попов сумел вызвать людей на откровенность, пробудить у них интерес, и теперь он знает, что люди продолжают этот разговор, будут обсуждать его предложения в своих коллективах.

Некоторые считают Попова очень строгим человеком. Порой, выходя из его кабинета, кто-то бросает: — Жалости у него нет.

Ну что ж, может, и так. Только подполковник считает, что всепрощение с настоящей гуманностью ничего общего не имеет. За годы работы в органах внутренних дел Семен Семенович научился очень хорошо отличать искреннее раскаяние человека, глубоко переживающего свой поступок, от «крокодиловых» слез лицемера.

Разве может, к примеру, Борис П. считать Попова чрезмерно строгим? Когда-то Борис по чистой случайности оказался соучастником кражи. Если подойти к делу формально, его надо было судить. Но Семен Семенович, изучив материалы следствия, решил по-другому: он отпустил парня.

С тех пор Борис стал часто появляться в кабинете начальника райотдела. Он шел к подполковнику за советом, просто, как приходит порой молодой человек к своему старшему товарищу. И уже давно парень честно трудится и, конечно, дурных историй с ним не случается.

В деятельности милиции все большее место занимает профилактика, предупреждение преступлений. Беседы в рабочих коллективах и встречи с учащимися школ, выступления в печати, по радио, шефство над «трудными» подростками становятся такой же обязательной частью практической деятельности сотрудников милиции, как раскрытие преступлений по «горячим следам» или работа над повышением оперативной осведомленности.

— Иначе и быть не может, — убежденно говорит Семен Семенович. — Сейчас перед нами стоят новые задачи. Помочь человеку стать лучше — вот истинное призвание милиции. Конечно, раскрыть преступление — дело нелегкое, требующее и знаний, и умения, и опыта. Но трижды труднее — предупредить его, не дать человеку утонуть в болоте темных страстей. Опыт показал, что чем ближе мы к народу, тем нам легче. Мы стараемся пресечь мелкие преступления в корне, реагировать на мельчайшие ненормальности. К примеру, если заведующий какого-нибудь магазина присвоил сто рублей государственных денег и нам становится об этом известно, мы тут же принимаем меры, не дожидаясь

того, чтобы он присвоил тысячу. Приходится работать напряженно...

Жизненный опыт Попова, знание своего дела, помогают ему воспитывать личный состав отдела на лучших традициях советского общества и советской милиции. И если в Петровском районе с каждым годом сокращается число тяжких преступлений, давно уже ликвидированы остатки профессиональной преступности, то есть в этом определенная заслуга и начальника отдела внутренних дел.

Каждое утро на его стол ложится сводка происшествий за сутки. Это своего рода барометр состояния общественного порядка в районе. Когда-нибудь эти сводки перестанут составлять, потому что не будет для этого причин. Заветная мечта Семена Семеновича и его товарищей по нелегкой и почетной работе — чтобы ничто не омрачало жизнь людей. Во имя этого не прекращается днем и ночью вахта людей в милицеской форме.

* * *

Домой Попов приходит поздно. Снимет китель, возьмет газету в руки. Потом, смотришь, газета на коленях, а сам задумался... И это называется человек окончил свой рабочий день.

А как же часто в глухие ночи, снежные, морозные, осенне-слякотные вдруг под окном загудит машина. Семен Семенович, не дожидаясь стука в дверь, уже одевается... Через минуту-другую милицеская машина мчится по притихшим улицам города туда, где случилась очередная беда.

ТАКАЯ У НЕГО РАБОТА

В школе шло комсомольское собрание. Не совсем обычное — очень бурное. Разговор как-то ушел от повестки дня, но ни президиум, ни присутствовавший на собрании парторг не прерывали ребят. Речь шла о тяжком преступлении, оборвавшем жизнь молодого человека...

— И вообще, — горячился высокий холеный юноша. — Это безобразие. Скоро на улицу нельзя будет выйти: хулиганье не дает проходу. Куда только милиция смотрит!

— А ты куда смотришь? — раздался спокойный, чуть насмешливый голос.

— Я? — опешил оратор. — Причем тут я?

— Ну да, ты всегда ни при чем, — уже с явной иронией произнес тот же голос.

— Буцевицкий, ты бы не перебивал выступающего, — попросил председательствующий.

— Хорошо. Я подожду, — смиренно согласился Буцевицкий.

В зале вспыхнул смешок. Сконфузившийся, но по-прежнему возмущенный парень шел на свое место.

Буцевицкий был немногословен.

— Ну, первое. Хулиганов не так много, как иным со страху кажется. И на милицию тут сваливать нечего. А мы что? Мы-то что делаем, чтобы помочь ей? Я считаю — так больше нельзя...

В школе вскоре создали отряд юных друзей милиции. Одним из организаторов его был Владимир Буцевицкий. Через некоторое время Буцевицкого приняли в ОКО — оперативный комсомольский отряд. А вскоре Володя стал командиром.

Быть руководителем ответственно и сложно. Это серьезно и трудно еще и потому, что работа отряда полна неожиданностей и риска: прочесывание рощ, обследование подвалов, где скрывались бежавшие из дому мальчишки в поисках «приключений», беседы с подростками-правонарушителями.

По последнему вопросу Буцевицкий всегда много спорил с бывшим командиром отряда. Тот был ярый противник метода убеждения. На одной из планерок комсомольцев он выговаривал Буцевицкому:

— Нельзя быть таким либералом, как ты, Володя. С теми, кто с «улицы», нечего церемониться. Забрал их и — в милицию, без разговоров. А ты все уговариваешь.

— Пойми, — доказывал ему Владимир Буцевицкий, — так нельзя подходить к людям. Не все же среди них преступники.

— Да брось ты! — стоял на своем бывший командир. — Нельзя им доверять.

— Но это же неверно! Мы отталкиваем от себя нечаянно попавших в беду мальчишек. И потом — ведь мы не правосудие. Мы только помогаем задерживать правонарушителей.

— Володя прав, — поддержали его товарищи, члены отряда. Мы тоже так рассуждаем: воспитательная работа в нашем деле — одна из главных задач.

Конечно, проще всего задержать несовершеннолетнего преступника и отправить его в милицию: «Пусть там разбираются». Куда труднее и сложнее «повозиться», выяснить, чем живет подросток, какие у него инте-

ресы, нормальная ли обстановка в семье. Знание характера, склонностей, привычек малолетнего правонарушителя помогает предупредить преступление.

— Кропотливая работа с людьми — вот что важно для нас, — отстаивал свои убеждения в спорах Владимир Буцевицкий.

* * *

Декабрьский снежок весело поскрипывал под каблуками, холод забирался за воротник пальто. Члены оперативного комсомольского отряда патрулировали на одной из тихих окраинных улиц. Шли, не торопясь, наслаждаясь свежим, морозным вечером, сказочным серебристым нарядом отяжелевших от обильного инея деревьев.

А вон на противоположной стороне улицы два каких-то чудака прямо-таки бегут. Торопятся. Видимо, в кино опаздывают. Или, может, на поезд?.. Заметив «оковцев», незнакомцы заспешили пуще прежнего. Почему?

— А ну, за ними! — шепнул Буцевицкий товарищам. И двинулся наперерез тем двоим.

— Стойте, ребята. Разговор есть, — решил выиграть время Владимир.

В ответ — злобная ругань. Один из убежавших выхватил нож. Подоспевшие комсомольцы надели разом, скрутили обоих. А вскоре доставили в Пятигорский отдел внутренних дел.

— Спасибо вам, хлопцы! — сердечно поблагодарил майор милиции Петр Тимофеевич Стаин. — Опасных преступников вы схватили. На их счету — несколько грабежей. Оперативные работники отдела вышли на след, а вы их немного опередили.

Все больше и больше нравилась Владимиру его не легкая, но очень нужная людям общественная работа. Он стал внештатным сотрудником городского отдела внутренних дел. А потом его пригласили в горком комсомола и сказали:

— В милиции такие, как ты, очень нужны. Пойдешь?

— Пойду, — ответил Владимир.

И началась у него работа. Оказалась она гораздо труднее, чем предполагалась раньше. Но служба нра-

вилась. Вскоре о Владимире заговорили в коллективе, как о лучшем постовом милиционере. В его личном деле появились первые благодарности.

* * *

Который день оперативное совещание начиналось одним и тем же сообщением: «Неизвестный преступник вечером нападает на граждан... Грабит... Есть предположение, что он же совершает кражи...» Далее — длинный перечень отобранных у потерпевших вещей: «Часы «Слава» мужские в анодированном корпусе, часы «Заря» женские, золотые; 15 рублей денег», «Приемник полупроводниковый ВЭФ-12...»

На ребят из угрозыска смотреть жалко: хмурые, неразговорчивые. Курят вдвое больше, чем обычно. Устали. А главное — вот это тяжелое, давящее чувство вины перед товарищами. Перед людьми. Грабитель действовал в одиночку. Осторожно. Задержать его не удавалось. И от этого не по себе было и Владимиру, хотя он был лишь постовым, а не оперативным сотрудником...

Апрель разыгрался вовсю. Солнце не скупилось на тепло. Город радовался весне. И эта радость постепенно развеяла, разогнала тревожные мысли постового. Вот и общежитие. Девчонки мыли окна, звонко смеялись.

Внизу стоял смуглый парень с транзистором.

— Концерт по заявкам, — улыбнулся Буцевицкий.

А из приемника лилась музыка. Бодрая, полная силы, она гармонировала с яркими весенними красками, с приветливыми улыбками.

— Импортный? — дружески обратился к парню Владимир.

— А тебе что? — насупился тот. И вдруг, спохватившись, поспешно добавил:

— Наш. «Рига».

— А где покупал? — заинтересовался Буцевицкий.

— Я? — парень неожиданно растерялся, — по случаю достал...

И тут пронеслось в мыслях: «Полупроводниковый ВЭФ-12... Не тот ли самый транзистор?»

— Слушай, друг, — попросил Владимир. — Может, и мне достанешь?

В глазах у смуглолицего мелькнула недобрая улыбка:

— Что ж, попробую. Только дело магарычовое.

— Понимаю. А где искать-то тебя?

— Где искать?... — И парень рванул в сторону.

Раздумывать некогда, постовой бросился следом. Вот он уже в нескольких метрах от убегающего. Тот устремился к первопопавшейся калитке. Пытается открыть ее. Не вышло. Пробует перелезть через забор...

— Стой!

Короткая схватка — и преступник задержан.

На следствии он сознался в совершенных грабежах и кражах. Бдительность молодого постового помогла обезвредить опасного преступника...

Как способного работника Владимира Буцевицкого выдвинули на более сложный участок — инспектором отделения борьбы с хищениями социалистической собственности.

Работа по предотвращению и раскрытию замаскированных преступлений требует от оперативного сотрудника не только высокого мастерства, но и терпения, настойчивости, принципиальности. Все эти качества присущи Владимиру Буцевицкому.

Новое дело захватило его. Он дежурил ночами, старался выезжать на все происшествия. Владимир никогда не стеснялся спрашивать у старших товарищей о непонятном ему. Но никакие консультации опытных работников не смогли заменить систематической учебы: лекции по конкретной экономике, занятия по бухгалтерскому учету. А еще он заочно учился в юридическом институте. Учеба крепко помогала ему в работе.

...Следы. Они где-то здесь: в кипе вот этих счетов, накладных, квитанций. А попробуй — отыщи.

Который день уже, а Буцевицкий нового ничего начальнику отдела сообщить не может. Задание ясное: установить, кто изготавливает поддельные документы на автомашины частных лиц. Очень конкретное задание, но дело пока ни с места. Правда, есть одна зацепка: Пятигорская ГАИ поставила на учет машину, купленную в Астрахани неким Тенищевым. Документы на нее оказались Буцевицкому подозрительными.

Снова инспектор перебирает бумаги, внимательно, до боли в глазах всматриваясь в каждую. Погрузив-

шись в работу, он не заметил, как вошел эксперт:

— Сидишь?

— Угу, — буркнул Владимир.

— Ну, посиди, посиди. А то с завтрашнего дня набегаешься.

— Неужели?

— Вот видишь, — удовлетворенно констатировал эксперт, — уже вскочил. — И оставив шутливый тон, добавил: — Ты оказался прав. Счет на имя Тенищева, выписанный астраханским комиссионным магазином, — липа. Печать — поддельная. Вот данные экспертизы.

— Значит, запрашивать Астрахань?

— Конечно.

Из Астрахани сообщили: покупатель по фамилии Тенищев автомашины в данном магазине не приобретал.

Так начал распутываться клубок. Выяснилось, что Тенищев купил кузов машины у слесаря автопарка Совкова. Тот, в свою очередь, взял его на работе, как списанный. Документы подделал он же, Совков...

— Можно передавать в суд, — коротко сказал начальник, выслушав заключение Буцевицкого по этим материалам.

* * *

Немало дел прошло через руки инспектора ОБХСС Владимира Петровича Буцевицкого.

Однажды утром в дверь его кабинета постучали.

— Войдите, — сказал он.

В кабинет вошла женщина. По всему чувствовалось, что она нервничает, но полна решимости рассказать обо всем, что ее волнует:

— Могу я видеть оперативного сотрудника Буцевицкого?

— Он перед вами. Присаживайтесь. Чем могу помочь?

— Значит, по назначению попала, — начала она. — Знаете, не нравится мне наша соседка Рябова.

— Чем же это она вам не нравится? — с улыбкой спросил Владимир Петрович. Вопрос этот он задал не случайно. Ему не раз по долгу своей службы приходилось слышать жалобы на соседей. Не всегда они соответствовали действительности, часто являлись причиной

квартирных склок, ссор из-за пустяков и различных обид, и все они нуждались в самой тщательной проверке.

— Наша соседка нигде не работает, — продолжила рассказ женщина. — А на что живет, непонятно. Настоящая паразитка. И, если уж на то пошло, темными делами она, по-моему, занимается.

Посетительница на минуту замолчала, потом, посмотрев по сторонам, как будто чего-то опасаясь, под села поближе:

— Позавчера откуда-то приехала и привезла много ходового товара. Снова будет сплавлять на рынке из-под полы.

— А что это за товар? — поинтересовался инспектор.

— В основном шерстяные кофты, костюмы и джемперы.

Инспектор записал все, поблагодарил женщину. Затем обо всем доложил начальнику отдела. Тот выслушал молча:

— Ну, а как вы сами находите?

— По всем признакам спекулянтка, — ответил Буцевицкий.

— Необходимы веские доказательства не только купли, но и перепродажи промышленных товаров. Нужно установить наличие наживы или цели наживы. Вот вам и следует тщательно разобраться, особенно внимательно посмотрите, нет ли у Рябовой сообщников.

Начальник дал Буцевицкому еще несколько советов и пожелал ему успеха.

Владимир Петрович еще раз перечитал свои записи, составил предварительный план действий по изобличению спекулянтки.

Чем глубже велась проверка, тем больше появлялось данных о Рябовой, больше проливалось света на ее «деятельность».

Воскресный день. На рынке Минеральных Вод шла бойкая торговля. Здесь «работала» и Рябова. Встретив девушку или молодую женщину, она предлагала им яркие, модные кофты, гипюр. Цена была «по договоренности». Все это она делала очень осторожно, как говорят, с оглядкой.

За «деятельностью» Рябовой стали наблюдать. Установливались покупатели.

Ее не стали задерживать даже тогда, когда она появилась с очередной «выкладкой». Было решено повременить до того, как она поедет снова в Москву.

...В комнату вошла средних лет женщина невысокого роста, прилично одетая. На пальцах ее ухоженных рук блестели золотые кольца.

— Садитесь, — пригласил оперативный работник, указывая на стул. — Вас одну задержали на вокзале?

— Да, — ответила Рябова, тяжело вздыхая.

— Давно занимаетесь спекуляцией?

— Как вам не стыдно! — возмутилась женщина. — Какая я спекулянтка. Я поехала в Москву, чтобы купить себе кримпленовое платье, а знакомые и родственники дают деньги: купи то, купи другое. Ну, я и решила по пути захватить — сделать людям хорошее, а вышло совсем по-другому, — и она, закрыв лицо ладонями, начала тихо рыдать.

— Успокойтесь, — сказал Буцевицкий, — разберемся. Мы невиновных к ответственности не привлекаем.

Но Рябова не успокоилась. На последующие вопросы отвечала грубо, требовала немедленного освобождения и возврата вещей, угрожала пожаловаться «большому начальнику».

Убедившись, что от нее сейчас больше ничего не добьешься, Буцевицкий решил отложить допрос. Оставшись один, он стал обдумывать дальнейший ход расследования.

«Значит так, — рассуждал работник ОБХСС. — Она везла вещи. Вещи находились в двух чемоданах и узлах. Одна она не могла справиться с таким солидным грузом. Ее должен был кто-нибудь встречать. А кто?»

С этой мыслью Буцевицкий направился на почтамт, где проверил, не поступала ли кому-нибудь телеграмма от Рябовой. Вскоре он нашел то, что искал. Перед ним лежала расписка некой Савостиной о получении телеграммы из Москвы от Рябовой.

Уточнив, кто такая Савостина, Буцевицкий снова вызвал Рябову. Та продолжала отпираться.

— Значит, вы говорите, что вас никто на вокзале не встречал?

— Я вам уже несколько раз отвечала: «Нет».

— А кто такая Савостина? Кем она вам доводится?
— Что-то незнакомая фамилия. Савостина, Савостина... Не припомню, нет.

— Вы хорошо помните эту фамилию, Рябова! Хватит юлить! Это вы посылали Савостиной телеграмму из Москвы?

Рябова поняла, что ее изобличили. Не видя смысла заператься, она рассказала, что только в этом году четыре раза ездила в Москву, покупала там промышленные товары повышенного спроса, а затем перепродавала их на рынке в Минеральных Водах по спекулятивным ценам.

— А почему не в Пятигорске продавали?

— Не так наглядно.

Потом она заявила, что изъятые у нее промтовары, принадлежат не ей, а Савостиной Галине Савельевне, проживающей с ней по соседству по улице Аджиевского, 387.

— Непонятно, почему изъятые у вас товары принадлежат Савостиной? Может быть, объясните?

— Все потому, что у меня нет своих денег. Савостина давала мне деньги, а я ездила в Москву, привозила промтовары, а потом вместе их продавали. Выручку делили пополам.

— Какую сумму давала вам Савостина на поездку?

— Разную. И по три тысячи рублей, и по пять, и больше...

На следующий день на допросе у Буцевицкого сидела Савостина, она упорно отрицала какую-либо связь с Рябовой.

— Да, живем на одной улице, иногда встречаемся. Вот и все наше знакомство.

— Деньги на покупку товаров Рябовой давали?

— Что еще за новость? Какие деньги? — сделав удивленный вид, ответила Савостина. — Как можно давать свои деньги чужому человеку, да и зачем это? Если мне нужны вещи, я бы сама съездила за ними.

— Вы где работаете?

— Нигде. Вот уже третий год не могу работать.

— Почему?

— Радикулит замучил.

— Значит, вы утверждаете, что денег не давали?

— Не давала.

— Может быть, вспомните, какую получали от Рябовой телеграмму? Или о чем сами ей телеграфировали?

— Никому я телеграмму не посылала и ни от кого не получала.

Буцевицкий достал расписку Савостиной:

— Вот посмотрите — ваша роспись?

Савостина взглянула на свою роспись:

— Вроде моя...

— А точнее?

Савостина посмотрела на сотрудника ОБХСС грустными глазами и тихо, почти шепотом, сказала:

— Это я расписывалась.

* * *

Много забот у коммуниста Владимира Петровича Буцевицкого и его коллег. И главная из них — организация профилактической работы. Широко и многообразен круг вопросов, входящих в емкое понятие — профилактика. Тут беседы и лекции на тему охраны социалистической собственности, помощь в создании спецдружин, инструктаж общественников, сообщения в советские и партийные органы о неблагополучии на том или ином участке, оказание помощи руководителям хозяйств в подборе и расстановке кадров на материально-ответственные должности.

В практику работы Буцевицкого прочно вошли массовые рейды по борьбе с хищениями и бесхозяйственностью.

Понятно, одному не управиться со всеми делами. Помогают постоянный и деловой контакт с другими службами милиции, тесная связь с народом, общественными организациями, внештатными сотрудниками милиции.

Вот и сегодня в клубе «Курортпродторга» собрались люди разных профессий и возрастов. С большим вниманием слушают они очередную беседу Буцевицкого:

— Вы Онищенко, продавщицу, знали?

— Знали! — слышится из зала.

— И сколько она зарабатывала, тоже, наверное, знали? Словом, не такие громадные суммы зарабатывала. А мы вот копнули, а у нее дома — золотые кольца, браслеты, дорогие отрезы, часы. И денег на книжке — тысячи. Откуда, спрашиваем, такое? Молчит.

Потом создалась: народ обманывала. Ваши трудовые рубли, товарищи, присваивала!

Гудит возмущенный зал, а Владимир Петрович, дав успокоиться людям, продолжает:

— Зачем, спрашиваю, вы обкрадываете людей? А она плачет: на черный день, говорит, копила.

— Она к себе мужчин в дом водит да пьянствует вместе с ними! — крикнул кто-то.

Буцевицкий видит перед собой десятки лиц. Эти люди верят ему, и в рядах слушателей сидит немало его будущих помощников.

Проникать в глубину, смотреть в корень — отличительная черта Буцевицкого и его товарищей по работе. Они мыслят широко и объемно, стараются дойти до первопричины преступления, подмечать главное в этом.

* * *

У человека за спиной трудовая дорога, длиною в десять лет! О таких, как Владимир Петрович Буцевицкий, говорят: покой им только снится. Он по-настоящему влюблен в свою всегда беспокойную милицмейскую службу. А без такой влюбленности на переднем крае борьбы за радость и счастье мирных трудовых дней сражаться нельзя.

ТРЕВОЖНАЯ СЛУЖБА

В уголовном розыске день за днем собираются сведения и о серьезных преступлениях, и о мелких, незначительных происшествиях. Иногда, чтобы найти и обезвредить опасного преступника, требуются дни, недели, порой месяцы напряженного труда.

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ

В конторе автотракторной колонны № 4, расположенной на хуторе Вязники Шпаковского района, выдавали зарплату. Около кассы медленно двигалась цепочка людей. Шелестели ассигнации, позвякивала мелочь, щелкали костяшки счетов. Миловидная кассирша, кокетливым движением поправлявшая модную прическу, просовывала в окошечко ведомость и произносила:

— Следующий! Фамилия?

На исходе дня помещение кассы опустело. Кассирша с беспокойством заглянула в сейф, где еще грудились туго перетянутые пачки денег. А ведь надвигалась ночь.

Скрипнула дверь. Вошел молодой мужчина. Вразвалку проследовал к барьеру. Приблизив лицо к окошечку, он с наигранной бесшабашностью осведомился:

— А мне сколько там причитается?

— Сколько заработали,— в тон ему ответила кассирша и взяла со стола ведомость.

Пересчитывая деньги, мужчина то и дело косился на приоткрытый сейф, внимательно обшаривая его цепким взглядом.

Посетитель ушел. А в сердце кассирши закралась тревога. Может, тому причиной этот мужчина? Что-то недоброе сквозило в его поведении...

В наступившей тиши дежурной комнаты милиции раздался звонок:

— Взломан сейф!

Через несколько минут поднятая по тревоге оперативная группа в составе начальника отдела внутренних дел подполковника Еремина, оперативных работников капитанов Шеховцова и Стародубцева, следователя Жукова уже входила на территорию автотракторной колонны, где было совершено ограбление кассы.

Перед прибывшими предстала картина: с внутренней двери кассы замок был сорван, на полу лежал сейф с вывороченной дверцей. Взломщик похитил крупную сумму.

— «Медвежатник? — удивленно пронеслось в голове начальника милиции.— Вторая половина двадцатого века, и вдруг такое?»

Подполковник Еремин хорошо понимал, что, имея дело с «медвежатником», нельзя терять буквально ни минуты, потому что такого рода преступники относятся к разряду самых опасных.

Касса находилась в небольшой комнатухе конторы. Две двери и маленькое окошко, через которое выдавали деньги,— вот и все помещение. Скрупулезно, с присущей только работникам милиции педантичностью, осматривали они место происшествия и заносили в протокол каждую, на первый взгляд, незначительную мелочь, которая в дальнейшем могла послу-

жить основанием для версии или же вдруг привести к раскрытию преступления.

Обращало на себя внимание всех членов оперативной группы то обстоятельство, что в коридоре и помещении конторы, где размещалась касса, стоял резкий запах одеколона. Не исключалось, что преступник специально побрызгал одеколоном, чтобы служебно-розыскная собака не могла взять след.

На сейфе просматривались следы грязно-масляных пятен. «В перчатках орудовал», — подумал подполковник. Он рассеянно забарабанил рукой о середину развороченного сейфа. Невесело произнес:

— Если бы ты, уважаемый сейф, мог говорить...

— Квалифицированно сработано, — констатировал начальник отделения угрозыска капитан Шеховцов.

— Да, — согласился подполковник Еремин. — Судя по тому, как взломщик уверенно действовал, можно предположить, что он хорошо знаком с расположением кассы.

В разговоре с женщиной-сторожем Кривенко выяснил дополнительные обстоятельства ограбления.

— С вечера, — сказала она, — я несколько раз проверяла двери конторы. Все было хорошо, ничего худого не замечалось. Потом через сколько, не помню, опять стала проверять. Глядь — двери почему-то приоткрыты. Зашла туда, и сразу ударило в нос, будто одеколоном. Пошла дальше и увидела на полу перевернутый сейф. Меня так и кольнуло — что-то неладное тут. И я бегом к вагончику, где двое ребят-шоферов спали. Говорю им: «Беда, кассу обокрали. Надо сообщить в милицию». Один из них, фамилия его Лапшин, согласился. Уж очень он возмущался случившимся...

— Вот как! — оживился подполковник. — Не исключена возможность, что орудовали местные воры. Надо выяснить, товарищ Шеховцов, кто из водительского состава ранее привлекался за кражи к уголовной ответственности. Заодно проверить и тех двоих, которые находились в момент кражи на территории колонны.

— А может, товарищ подполковник, к этому причастен кто-то из прикомандированных шоферов?

— Не исключена и такая версия.

— Итак, ясно одно, товарищи, — Еремин посмотрел на коллег, преступник хорошо знаком с территорией

автотракторной колонны и помещением кассы. Далее,— подполковник чиркнул спичкой прикуривая,— судя по тому, как вор бесцеремонно ломал замок на двери и сейф, не боясь шумом привлечь сторожа, налицо еще один довод: преступник знал, что во время ночного дежурства ночной сторож не очень бдительно несет службу...

— Дмитрий Николаевич,— прервали Еремина,— привезли кассиршу.

Перед оперативными сотрудниками стояла бледная перепуганная женщина.

— Сколько денег было в сейфе?— повернулся к ней подполковник.

— Шестнадцать тысяч семьсот пятьдесят шесть рублей.

— Почему не сдали в банк?

— Понимаете... В общем, не успела,— с трудом говорила кассирша.— Думала, остальное раздам сегодня утром...

Задолго до рассвета подполковник Еремин обстоятельно доложил заместителю начальника управления внутренних дел Жижину об ограблении кассы и о ходе расследования этого серьезного преступления.

— Еще раз детально изучите место происшествия,— сказал Жижин.— Проведите работу среди водительского состава конторы. Оповестите все соседние органы милиции, а также общественность хутора. Медлить с этим нельзя, надо действовать. Желаю успеха!

* * *

— Поиск продолжаем,— Еремин оглядел членов опергруппы.— Начнем его снова с места происшествия, тем более, что осмотр мы вели в ночное время. Разобьемся по группам и будем производить дополнительный осмотр места преступления и всей территории конторы, а также отрабатывать версии, беседовать с хуторянами. Группы пополнить за счет участковых инспекторов, милиционеров. У кого будет что-то новое, прошу докладывать незамедлительно...

Повторный осмотр места происшествия, территории конторы и прилегающей к ней местности подходил к концу. Перед тем как уехать, старший инспектор уголовного розыска Владимир Стародубцев решил еще

раз пройти по предполагаемому следу преступника. Он неторопливо пошел от двери конторы вдоль забора, присел на корточки и стал внимательно рассматривать землю под забором.

Квадрат за квадратом внимательно ощупывал он глазами бурую землю. Но ничего не заметил подозрительного. Он вздохнул, поднялся, разминая затекшие ноги.

Затем подошел к деревянной будке, служившей туалетом, и тут неподалеку обнаружил небольшой лесник — монтировку от машины. Стародубцев осмотрел ее. Так и есть — ранее была в работе. А как она попала сюда? Случайно или преступник после «работы» бросил ее сюда?

Монтировку предъявили для опознания слесарям и водителям машин. Все в один голос заявили, что ее хозяин — шофер новой автомашины «Татра». Тот на допросе пояснил:

— Да, монтировка моя. Но я ее вместе с машиной недавно передал Николаю Лапшину.

Пока шло выяснение, кому принадлежит монтировка, один из работников милиции Николай Коневской так же, как и другие его товарищи, действовал путем личного сыска. Он ходил по двору автохозяйства, обшаривал закоулки, разгребал мусор в бурьяне. Дошел до пустыря, раскинувшегося за двором автохозяйства, примерно в трехстах метрах. Здесь тоже вроде бы ничего заслуживающего внимания. Собрался было идти дальше, как вдруг взгляд его задержался на куче труб разного диаметра. Из отверстия одной из них торчала какая-то промасленная тряпка. «Наверное, кто-то из шоферов вытирал руки», — подумал Коневской. Вытащил. Оказалось, что это не тряпка, а рабочие рукавицы. «По всей вероятности грузчик бросил их за ненадобностью. А возможно...»

Он заглянул в трубу и увидел там пачки новеньких денег и обрывки газеты...

Сообщение Коневского взволновало всех членов оперативной группы. Но кто это сделал? Ответ на такой вопрос могли дать рукавицы и обрывки газеты.

При опознании рукавиц рабочие сошлись на одном мнении, что они принадлежат Лапшину.

Опять он — Николай Лапшин...

К тому времени оперативной группе стало все известно о Лапшине: в прошлом дважды судимый за кражу и грабеж. Часто выпивал. Поддерживал связь с людьми своего пошиба.

Подозреваемого задержали, а в вагончике, где он жил, сделали обыск. В тумбочке и под койкой валялись пустые флаконы из-под одеколона. Здесь же была обнаружена и газета «Ставропольская правда» с оторванным углом. Когда к ней присоединили обрывки, найденные в трубе, то они совпали.

\
 * * *

— Будете говорить или в молчанку поиграем? — строго спросил Стародубцев. — Ведь против вас очень много улик.

Лапшин поминутно смахивал со лба капли пота и облизывал пересохшие губы. Немного успокоившись, он стал рассказывать:

— Сам я из Благодарного. Сюда был прикомандирован. Вот уже около месяца, как здесь... Когда получал деньги, видел, что в сейфе было еще много пачек. Выдавать к вечеру прекратили. Деньги оставили в конторе под охраной пожилой женщины.

Откуда я все это знал? Наблюдал за работой кассира... А чтобы отвести от себя подозрение, согласился по просьбе сторожа сообщить в милицию о краже...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

День старшего инспектора уголовного розыска Советского районного отдела внутренних дел Алексея Михайловича Жабкина начался как обычно. С утра его вызвал начальник милиции:

— Ну, что нового, Алексей Михайлович?

— Пока ничего, — вздохнув, ответил Жабкин.

— Выходит, плохо мы с вами работаем, Алексей Михайлович, — сказал начальник. — Еще одна кража.

Капитан Жабкин не возражал. Он и сам знал, что работа в последнее время как-то не клеилась. Десять дней назад была совершена кража из магазина № 12. Преступники взломали потолок и похитили много ценных вещей. За одно прихватили несколько бутылок водки «Столичной».

А вскоре был ограблен магазин в селе Стародубском. Затем — кража из магазина № 22. И вот вчера из магазина № 17 снова похитили промтовары и водку.

Что и говорить, итог неутешительный: четыре кражи, и ни одна из них не раскрыта.

Жабкин интуитивно чувствовал, что все преступления совершили одни и те же люди. Рождались десятки самых различных версий. Но в ходе расследования ни одна из них не подтвердилась. Казалось, сотрудник угрозыска зашел в тупик. И вот первая крохотная ниточка. В селе Нины местные жители видели, как двое неизвестных ночью пытались проникнуть в магазин. Сторож выстрелил из ружья, и злоумышленники скрылись на велосипедах.

Много времени понадобилось потратить капитану на расследование, однако напасть на след преступников на этот раз не удалось.

Однажды утром Жабкин по привычке спросил дежурного, какие новости и услышал:

— На твоём участке машина сбила пьяного велосипедиста.

Через некоторое время Жабкин узнал все подробности несчастного случая. Как рассказал задержанный шофер, ночью по дороге в село Нины ехали двое на велосипедах. Когда его машина выскочила из-за поворота, один из велосипедистов, не успев свернуть в сторону, налетел на борт. Второй уехал, не оказав помощи пострадавшему. Это обстоятельство насторожило капитана. Чтобы проверить свои предположения и выяснить личность велосипедиста, Жабкин отправился в больницу, куда был доставлен сбитый велосипедист.

Потерпевшим был рабочий Ивлев. Дежурная сестра сообщила, что он получил легкие повреждения и примерно через неделю будет выписан. Однако капитан решил поговорить с велосипедистом немедленно.

Разговор получился короткий и почти бесполезный. Ивлев, ссылаясь на боль, охал, стонал и твердил одно и то же: не помню, не знаю. Выяснилось лишь, что накануне вечером он изрядно выпил у какой-то знакомой.

Там же в больнице, через сестру Жабкин узнал домашний адрес потерпевшего и отправился к нему на квартиру. Жена Ивлева, услышав, что муж в больнице, начала плакать и поносить его за его легкомысленность.

Как бы мимоходом капитан спросил:

— Где ваш муж пил вечером?

— Не знаю, — ответила женщина.

Разговор не клеился, и сотрудник уголовного розыска, извинившись за беспокойство, ушел.

Утром следующего дня Жабкин поехал на место работы Ивлева. Там он узнал, что у Ивлева есть знакомая женщина по фамилии Пашенко, к которой он часто заходит. К сожалению, никто не знал ее адреса. Пришлось обратиться в паспортный стол.

В тот же день капитан направился к знакомой Ивлева.

Хозяйка, как сначала показалось Жабкину, была гостеприимна. Но когда старший инспектор угрозыска представился, Пашенко нахмурила брови. Ответила односложно:

— Ну, был у меня. Ну, пили... Что? Штрафовать? Ну, оштрафуйте меня.

— Зачем вы отпустили его ночью одного? — спросил капитан.

— Разве я думала, что так получится? — в свою очередь задала вопрос женщина.

«Значит, об аварии уже знает», — понял Жабкин и осуждающе заметил:

— Не поили бы вы его, ничего бы не случилось такого.

— А я и не поила. Они сами приносили, — оживилась Пашенко.

— Кто это — они сами? С кем он был?

— Какой-то чернявый приходил с ним...

— Что они приносили с собой?

— Кажется, «Столичную». И до этого приходили с водкой. Тоже «Столичная».

Расследуя дело, Жабкин установил, что Ивлев был трижды судим. Причем последнее преступление он совершил с неким Некрасовым.

На первом же допросе Ивлев с невозмутимым видом заявил:

— Я покупал водку в магазине № 5.

— Когда покупали?

— В понедельник, утром, — не моргнув глазом, ответил тот.

Ивлев к тому же назвал имя Валерия Кравцова, с

которым выпивал в тот вечер на квартире у своей знакомой Пашенко.

Капитан заинтересовался личностью Кравцова. Оказалось, что тот носит двойную фамилию и является тем самым Некрасовым, с которым Ивлев совершил последнее преступление. Жабкин решил задержать Валерия. Но выяснилось, что день назад Некрасов-Кравцов спешно выехал в неизвестном направлении.

«Так вот почему Ивлев столь уверенно назвал своего друга, — думал Жабкин. — Знал, что тот уже скрылся. Теперь ему остается одно: в случае чего принять на себя последнюю кражу, остальные повиснут в «воздухе»».

На втором допросе Ивлев снова упорно стоял на своем.

— Значит, вы покупали «Столичную» в понедельник и ни в какой другой день?

— Да, в понедельник, и ни в какой другой.

Капитан встал из-за стола и негромко сказал:

— По понедельникам магазин № 5 не работает: выходной.

Ивлев поднял голову и бессмысленно посмотрел в глаза капитана, словно не понимая, что ему говорят.

— Да, в понедельник не работает...

Ивлев почувствовал, что отпираться бесполезно и, приняв на себя всю вину, рассказал о последней краже.

Но Жабкин знал, что это лишь уловка опытного преступника. И пошел дальше. Решил сделать обыск на квартире Ивлева. В сарае в ящике под картофелем и в небольшом стоге сена удалось найти часть вещей и пять бутылок водки, похищенных из магазинов.

Капитан допросил жену Ивлева, которая под тяжестью улик созналась в том, что она знала о кражах. Выяснилось и другое: жена Ивлева являлась соучастницей всех краж, она сбывала ворованное и делила деньги между членами воровской шайки.

На допросе Жабкин узнал у нее, что когда ее мужа сбила машина, Некрасов-Кравцов скрылся, поскольку на место происшествия могла выехать милиция, а на его велосипеде находился «инструмент» для взлома.

На третий день задержали на рынке в Георгиевске и Некрасова-Кравцова в тот момент, когда он сбывал краденые вещи...

Службе в уголовном розыске Алексей Михайлович Жабкин, в прошлом участник Великой Отечественной войны, отдал много лет. Он — детектив в лучшем смысле этого слова, то есть человек, на которого возлагается самое тяжелое бремя в работе милиции — раскрытие преступлений.

Когда капитан милиции Жабкин рассказывает о своей работе, он — удивительное дело! — никогда не употребляет таких слов как «вдруг», «неожиданно», «внезапно». Он говорит как-то буднично, незамысловато, и обычная его характеристика трудного дела звучит так: «Много пришлось поработать...» Более яркой, более красочной оценки любому расследованному делу он не дает. И самыми значительными удачами своими, о которых рассказывает много и охотно, считает те случаи, когда ему удалось предотвратить преступление.

...Их было двое, закадычных дружков. Рослый парень Валентин К. и скорый на выдумки Николай Г. Этих молодых людей часто видели вместе. То в ресторане с девицами, то бесцельно слоняющимися по вечерним улицам Зеленокумска. Развлечения требовали денег.

— Есть идея, — сказал как-то Валентин приятелю в минуту финансовых затруднений. — Я знаю одного старика. Живет бобылем, а добра в доме полно. Вот бы потрясти его!

— Вообще, идея стоящая, — ухватился за это предложение Николай. — А ну, рассказывай, что там...

Несколько дней спустя после этого разговора Николай получил повестку в милицию. Недоумевая, зачем он там понадобился, Николай стал перебирать в памяти свои грехи. Нет, как будто ничего не натворил. И Николай отправился к назначенному часу в милицию.

И вот он и Валентин сидят перед сотрудником угрозыска Жабкиным. Припертые фактами, они признаются, что собирались ограбить квартиру.

— Подумали ли вы, к каким последствиям приведет то, что вы намеревались совершить? — ведет разговор Алексей Михайлович. — В тюрьму бы попали. Пятно на всю жизнь. Как потом людям в глаза смотреть?..

Долго продолжалась эта беседа. Парни просили простить их, дали слово, что никогда больше не допустят ничего подобного. Поняли, наконец, от какой беды их уберегли.

Чтобы предотвратить преступление, от работника милиции требуются широкие и прочные связи с общественностью. У коммуниста Жабкина, как и у многих других оперативных работников, связь эта давняя. В своей работе он часто опирается на людей, которые всегда поддерживают его, помогают бороться с преступниками. Но если капитан видит, что человек случайно оступился, нуждается в помощи, то всегда протянет ему крепкую мужскую руку.

Профилактика правонарушений и борьба с преступностью — его повседневная, будничная работа. Она менее романтична, но наиболее тонкий и сложный вариант в деятельности милиции.

КОНЕЦ КОСОМУ

Долго Матвей Сычев петлял далекими тропами, подобно пугливому зайцу забирался на день в заросли мамаевских лесов, вздрагивал от треска обломанного ветром сучка или шелеста травы. Ему и кличку такую дали — Косой.

А ночью подкрадывался к окраине Ставрополя или прилегающим к нему селам, крепко зажав в руке оружие, которое готов был без колебаний пустить в ход.

Работникам милиции на все их предложения явиться с повинной, он неизменно писал: «За мной лучше не гоняйтесь. Напрасный труд...»

И вот снова тревожное сообщение: в одном из переулков окраины Ставрополя двое неизвестных ограбили женщину, возвращавшуюся с ночной смены. На крик подоспел постовой милиционер. Один из грабителей скрылся где-то на пустыре, а второй бросился бежать по улице. Милиционер устремился за ним. В первом часу ночи пойманный был доставлен в уголовный розыск. Он оказался Владимиром Беляевым. Из его показаний следовало, что под угрозой некоего Сычева Владимир стал участником воровской шайки и, как он сообщил, этой ночью пошел с Сычевым «на дело».

В словах Беляева чувствовалась правда. По-видимому, он был жертвой провокации матерого бандита.

Угрозыск навел справки о Беляеве на заводе и в общезнании. Ничего плохого о нем сказать не могли. Работал хорошо. Правда, последнее время стал отрываться от коллектива, приходил домой иногда навеселе, но на это не обратили внимания. А между тем Сычев продолжал «обрабатывать» Владимира. Беляев рассказывал оперативным работникам, что Сычев имеет пистолет «Вальтер», подсказал, где тот живет.

Была создана оперативная группа во главе со старшим инспектором отдела уголовного розыска УВД Евгением Акимовичем Ляховым. В деталях обсудили план ареста Сычева.

Установили наблюдение. Стрелка часов приближалась уже к десяти. Ляхову хорошо было видно, как Сычев показался из ворот дома, но, пройдя метров сорок по улице, остановился, постоял немного и вернулся назад. Потом минут через десять снова вышел из дома и сел у порога.

Ляхов не спускал глаз с Сычева и думал о том, как взять этого бандита. И вот возник новый вариант.

Узнав, что недалеко от Сычева живет продавец магазина Приходько, Ляхов решительно направился к нему мимо сычевского двора. Поравнявшись с усадьбой Сычева, Евгений Акимович стал равнодушно рассматривать дома, затем повернулся и «увидел» хозяина усадьбы.

— Земляк, скажи, пожалуйста, где тут живет продавец магазина Приходько?

Сычев поднял голову, посмотрел на Ляхова и нехотя буркнул:

— Там дальше.

— А ты покажи, где это там.

Сычев поднялся и стал показывать, где живет продавец. Ляхов еще ближе подошел к Сычеву и спросил:

— Случаем, нет ли спичек закурить?

— Спичек нет, не курю.

— Послушай, может быть, в доме есть спички, вынеси, если можно. Курить дюже хочу.

Евгений Акимович подошел еще ближе.

— На, закуривай! — он протянул ему спички.

Воспользовавшись близостью, Ляхов в одно мгно-

вание скрутил преступника. Подскочили остальные работники милиции.

Сычев прохрипел:

— Чего вам от меня нужно?

По условленному сигналу подошла автомашина, в которую посадили задержанного.

— Где вы были эту ночь? — задал вопрос Ляхов.

— А вам какое дело? — зло обронил Сычев. — Дома был. Спал. А если не верите, спросите у матери.

Доставленный в милицию Сычев ни в чем себя виновным не признавал, пистолет сдать отказался, заявляя, что у него нет никакого оружия.

Оставалось самое трудное — найти пистолет и изобличить Сычева в грабеже. Обыск на дому у него ничего положительного не дал.

«Что же делать?» — подумал Евгений Акимович. И тут у него созрел новый план — проверить пристройки к дому: кухню, сарай.

Через несколько минут, проверяя сарай, работники милиции с южной стороны его, под крышей, обнаружили кожаную кобуру, в которой оказался пистолет.

Надо было видеть, какой злобой исказилось лицо Сычева.

Ляхов еще раньше, осмотрев пистолет, обнаружил, что в обойме нет двух патронов. Где они? Когда последний раз стрелял Сычев?

...Автомашина мчалась к управлению внутренних дел. В голове у Евгения Акимовича мелькали всякие мысли, догадки, предположения: нет ли здесь какой связи с недавним убийством милиционера? Ведь тот был убит из пистолета «Вальтер».

Стали работать и в этом направлении. Оперативная группа провела дело очень осторожно. Прежде всего Сычеву разъяснили, что оружие будет подвергнуто тщательной проверке с целью установления, не применялось ли оно в других преступлениях.

Через два часа Сычев сам вызвался на допрос. Нервы не выдержали. Он сообразил, что чистосердечное признание смягчит его участь. В кабинете Евгения Акимовича Ляхова он расплакался и с грубой откровенностью рассказал о грабеже и других преступлениях, об убийстве милиционера.

* * *

Бегут годы.

С горечью и болью расстался Ляхов с уголовным розыском, уйдя на заслуженный отдых. Что поделаешь? Всеу есть предел. На смену ветеранам милиции пришли молодые, инициативные работники уголовного розыска, готовые подражать бесстрашию, героизму своих старших товарищей.

ЗАЧИСЛЕН НАВЕЧНО

Поезд мчался к предгорьям Кавказа. Прислонившись к окну, Борис Коломийцев смотрел в широкую даль полей. Вот они, родные с детства места. Здесь он родился и вырос. В этих краях прошли его школьные годы. Теперь после службы в Советской Армии Борис возвращался в Ессентуки.

Только сейчас он впервые по-настоящему задумался о своем будущем. Вспомнил напутственные слова командира:

— Где бы вам ни пришлось работать, помните, что присягу на верность Родине советский человек дает один раз и навсегда. Вот и продолжайте считать себя в строю. Тогда легче будет и трудности побороть, и найти верных друзей, и прожить с пользой.

А потом добавил:

— Образования у вас маловато. Учитесь. Без знаний сейчас нельзя...

Добрые слова долго помнятся.

Первая встреча Бориса с офицером милиции Григорием Ивановичем Воронкиным, может, так и осталась бы мимолетным эпизодом, не повтори Воронкин почти точь-в-точь напутственные слова командира.

— Пойдешь к нам, в милицию,— говорил Воронкин,— перестраиваться придется немного. Ты охранял морские границы, будешь охранять общественный порядок. Только аттестат зрелости милиционеру нужен обязательно. Учиться можно в вечерней школе.

Григорий Иванович говорил неторопливо, без малейшего нажима. Будто думал вслух.

Борис, выслушав его, уже повернулся, собираясь уйти, чтобы никогда, наверное, не встретиться с этим человеком — офицером милиции, но неожиданно для самого себя замедлил шаги, задумался.

— А ты, Борис, не торопись с ответом. Подумай хорошенько. Работа у нас, нечего скрывать, не мед. Но ведь мы ведем бой за человеческое в человеке...

Коломийцев думал долго. Потом снова встретился с командиром подразделения Воронкиным, чтобы сказать о овоем согласии.

Так комсомолец Борис Коломийцев стал постовым милиционером Ессентукского городского отдела внутренних дел.

Сегодня его первое дежурство, поэтому ему хотелось быть особенно подтянутым. Кончилась стажировка, началась самостоятельная служба. «Итак, что день грядущий мне готовит?»

Борис был разочарован. Ничего особенного. Дежурство подходило к концу, а что-то интересного так и не произошло на его посту. Вон уже и сменщик идет. Но что это? Коломийцев резко повернулся. Скрежеща тормозами, на перекрестке стоял самосвал с щебнем, а наперерез ему мчался «Москвич».

Водитель «Москвича» вцепился в «баранку» и гнал машину очертя голову. Коломийцев как-то даже не сразу сообразил, что за рулем сидел или отчаянный лихач, или же человек, удирающий от погони.

Постовой еще раздумывал над тем, что только что могло случиться, когда шофер самосвала, побелевший от волнения, закричал:

— Чего же ты смотришь? Уйдет!

Лихач не ушел. Коломийцев на попутной машине догнал его за поворотом улицы.

— Нарушение правил? — нахально ухмыляясь, переспросил вертлявый брюнет. — А где свидетели?

Борис сжал губы. Взмахнул рукой. Брюнет испуганно отскочил в сторону. Но рука постового застыла у козырька:

— Прошу следовать со мной!

— А может, обойдемся? Я в долгу не останусь, — промямлил лихач и осекся, взглянув на Коломийцева.

— Молодец, товарищ Коломийцев, — похвалил его начальник милиции. И добавил уже менее официально: — Предупредите командира подразделения что уходите в вечернюю школу сдавать экзамены...

Коломийцев учился милицейскому делу на ходу, помогали старшие товарищи по работе, поддерживало сознание, что служба очень необходима людям. По крупицам накапливалось умение, оттачивалось мастерство.

Служил Борис на совесть. Хулиганам, спекулянтам, правонарушителям разных калибров не было от него пощады.

* * *

Стояла поздняя осень. Постовой Коломийцев возвращался домой по тихой, безлюдной улице. До его слуха донесся крик. Кто-то звал на помощь. Милиционер привалил шагу.

Заметив постового, молодой мужчина спешно отошел от девушки и подался прочь.

— Что произошло? — спросил милиционер.

— Он хотел снять часы.

Коломийцев бросился за преступником.

— Не рискуйте! — умоляюще крикнула ему вслед девушка. — У него нож...

Но это не остановило постового. Он быстро догнал грабителя:

— Стой!

Преступник не послушался. Коломийцев сделал рывок и преградил дорогу.

— Прошу пройти в милицию.

— А ты что за птица? — процедил тот сквозь зубы.

— Я постовой.

У грабителя злое, пышущее ненавистью лицо. Рука скользнула в карман. Коломийцев готов к такому «сюрпризу».

— Не подходи! — грозит грабитель. — Дай уйти спокойно.

Но Коломийцев не думал отступать:

— Бросьте нож!..

У преступника не выдержали нервы. Он бросил нож. Криво ухмыльнулся:

— Ладно...

Короткий обыск: нет ли еще оружия, и команда:

— Идите вперед...

Молодому парню, изрядно хвадившему хмельного, хотелось повеселиться. Он с бутылкой в руках ввалился в универмаг. Возмущенные покупатели попытались образумить нарушителя порядка, а когда слово не помогло, выставили его за дверь. Но здесь пьяница, потеряв человеческий облик, бросился к женщине с ребенком, толкнул ее.

— Что вы делаете? — крикнула она.

— Ах, так...

Но руку, с зажатой бутылкой, перехватил постовой. Перепуганная женщина облегченно вздохнула.

Но тревога не миновала. Озверевший хулиган — косая сажень в плечах — набросился на постового. Коломийцеву пришлось бы туго, не будь он самбистом. Отработанным приемом Борис выбил у нападавшего бутылку, скрутил ему руки.

За смелость, проявленную при задержании злого дебошира, Коломийцеву объявили благодарность.

* * *

В кабинет начальника милиции вошел паренек:

— Василий Адаменко. Прибыл для прохождения практики.

Начальник окинул новичка внимательным взглядом. Подумал: «Ладно скроен парень, ничего не скажешь, а каков в деле — посмотрим».

— Будете под началом сержанта Коломийцева, — промолвил он вслух. — У него есть чему поучиться. Остальное зависит от вас.

Коломийцев! Новичку была знакома такая фамилия. Это ведь он, Борис Федорович Коломийцев, рискуя жизнью, обезоружил бандитов. Это о нем идет молва как о бесстрашном, мужественном милиционере. Так вот кто будет его наставником...

Шло время, и Василия Адаменко перестали считать новичком. И все же первые шаги милицейской службы, уроки, преподанные Коломийцевым, он запомнил на всю жизнь.

— Главное, — любил повторять Коломийцев, — забудь слово «мелочи». В нашем деле порой через «мелочи» до корня добираешься.

И другое запомнил Василий: Коломийцев ни разу не задержал невинного человека. Он распознавал правонарушителей по, казалось бы, неуловимым признакам. Нет, не зря его называли грозой уголовников и хулиганов. Беспощадность к злу — отличительная черта постового. Но он был еще и чутким к честным людям, чужая беда никогда не оставляла его равнодушным.

В 1963 году в жизни Бориса Федоровича произошли важные события. Его, одного из лучших работников милиции, избрали депутатом городского Совета. А немного позже портрет Коломийцева появился на городской Доске почета.

Товарищи горячо поздравляли Бориса и тогда, когда за безупречную службу отличника милиции выдвинули на должность участкового инспектора.

Конечно, новые обязанности сложнее и ответственней, чем у постового. Милиционеру, стоящему на посту, в сущности не обязательно смотреть за порядком во дворах, вмешиваться в работу управляющих домами. Теперь иное дело. Что бы ни произошло на участке -- Коломийцев за все в ответе. А на участке — более пяти тысяч человек. Надо знать все. Здесь нужен глаз да глаз.

Коломийцев идет по городу. Нетороплив его шаг, а от пронизательного хозяйского взгляда участкового ничто не ускользает.

Вот на противоположной стороне улицы промелькнуло чем-то привлекавшее к себе внимание лицо мужчины. В сознаний участкового инспектора машинально возникла мысль:

«А ведь этот человек здесь впервые. Посмотрим, что ему надо».

Конечно, он, блюститель общественного порядка, наделен большими правами. Но просто так подойти к человеку и спросить документы нельзя. Можно ни за что обидеть. Тут нужен такт. И Борис Федорович в каждом случае находит нужный ход... Вот они уже лицом к лицу с неизвестным:

— Вы кого-то разыскиваете?..

И вскоре неизвестный, оказавшийся «беспаспортным» чужаком в городе, уже в кабинете участкового инспектора. Дрожащим голосом он просит:

— Слышь, начальник, отпусти. Что я тебе сделал? Ну забыл документы...

Следует обыск. Участковый в присутствии приглашенных понятых выкладывает на стол более двадцати предметов, подготовленных «ничего не сделавшим» задержанным для спекуляции.

А наутро звонок:

— Коломийцев? Поздравляем! Ты знаешь, кого задержал?

— Думаю, спекулянта.

— Это верно. Кроме того, это еще и убийца! Тебе поощрение из краевого управления внутренних дел...

* * *

Накапливался опыт на новой работе, рос авторитет. Слова «наш участковый» у жителей города стали синонимом слова «справедливый». «Наш участковый сказал». «Сходи посоветуйся с нашим участковым». «Вот пожалуюсь нашему участковому», — говорили о нем.

И шли к участковому, к своему депутату, несли ему горести и обиды. В милицию ведь человек редко приходит с улыбкой на лице, чаще всего — со слезами, с жалобами. Борис Федорович в меру сил старался помочь таким, поддержать и ободрить людей в несчастье.

Неблагополучно в семье Р. Муж пропивает зарплату, бьет жену, детей, а она молчит, стыдясь огласки. И Коломийцев, узнав об этом, не ожидая официального заявления, идет в дом, на работу к Р. Беседует, уговаривает, предупреждает. И не раз, и не два — до тех пор, пока в семье не восстанавливается мир и согласие...

Племянницу не прописывают к престарелой тетке. Надо помочь, похлопотать — немощному человеку без ухода очень трудно...

Отбился от рук Валерка Дятлов. Отец умер, мать с утра до вечера на работе. Засосет парня дурная компания — вся жизнь пойдет кувырком. У участкового — новая забота...

Немало места в работе участкового занимали — профилактические мероприятия. Борис Федорович — уже не по одному разу проводил беседы в коллективах трудящихся, в школе, отчитывался перед населением. И работу общественных организаций — добровольные народные дружины, товарищеские суды, уличные и домовые комитеты — направлял на предупреждение правонарушений.

Кипучее течение милицейских будней целиком захватило Коломийцева. Он с головой окунулся в беспокойную работу участкового. Даже самый близкий и добрый друг — жена нет-нет да и скажет, покачав головой:

— Ты уж скоро и о семье своей забудешь.

Борис обнимет Эмму Васильевну за плечи и, будто боясь, что его кто-нибудь подслушает, ответит полупшепотом:

— А вот о своей семье я помню каждую минуту...

Трудна служба участкового. Но коммунист Коломийцев не жаловался на свою судьбу, потому что сердцем чувствовал, как нужна людям его работа.

Он, помня слова командира: «Без знаний сейчас нельзя», находил время и для учебы. Закончил десятый класс. Поступил в Саратовскую школу милиции. Много читал. Книги Тургенева, Толстого, Пушкина, Горького, Шолохова занимали почетное место в его личной библиотеке. Любит он музыку и песни, увлекается шахматами.

Еще была у него характерная черта, которая нравилась всем: вежливость, корректность, даже какая-то застенчивость в обращении с товарищами, а посетителями.

— У нас Борис Федорович считался самым вежливым из всех работников милиции, — рассказывал начальник отдела.

Талант у Коломийцева был работать с людьми.

Так и шла служба участкового инспектора Бориса Федоровича до этого июльского утра 1965 года. Накануне Коломийцев был командирован с товарищами в Благодарненский район, оберегал урожай. Утром шел по улице совхоза «Каменнобалковский», и ему сообщили, что некий Калмыков грозит убить жену и сына. Не раздумывая, Коломийцев поспешил к небольшому дому, окруженному группой встревоженных людей.

— Там бандит, — с опаской поглядывая на окна дома, говорили работнику милиции. — Осторожно, он с ружьем.

Коломийцев уже знал, что Калмыков — вор-рецидивист. Он вооружен, пьян и не остановится ни перед чем. Значит, надо брать его немедленно. И Коломийцев решительно направился к дому, на ходу расстегивая кобуру.

Он рванул дверь, за которой скрывался разбушевавшийся бандит. Она не подалась.

— Отопри, Калмыков!

— Уходи, убью! — послышалось в ответ.

— Я из милиции!

— Все равно не пущу. Стрелять буду!

Борис Федорович хорошо понимал, что промедление в подобной ситуации может обернуться непоправимым. Поэтому медлить было нельзя. За дверью слышался детский плач.

— Брось ружье! — крикнул Коломийцев и быстро оглянулся: нет ли поблизости людей, кого мог бы задеть выстрел бандита.

На предложение участкового преступник разразился ругательствами.

«Применение оружия является крайней мерой» — помнил Борис Федорович слова Устава. Никогда за все время службы он не хватался зря за пистолет, хотя в этом порой была острая необходимость. Но сейчас, видя, как вооруженный, к тому же озлобленный бандит ведет себя, громко скомандовал:

— Бросай оружие, выходи!! — и выстрелил вверх.

А бандит продолжал куражиться...

Конечно, Коломийцев имел право на предосторожность. Но отступать было нельзя, ведь все ждут от него помощи. Он обязан выполнить свой служебный долг до конца. Об этом и в присяге говорится: «...Я буду

добросовестно выполнять все возложенные на меня обязанности, не щадя своих сил, а в случае необходимости и самой жизни...»

— Топор! — коротко бросил участковый.

Несколько сильных ударов по замку, и дверь открылась.

— Где ты? Выходи, брось дурить! — крикнул Коломийцев.

Из глубины помещения в ответ грохнул ружейный выстрел. Участковый попытался было удержаться на ногах, но покачнулся и тихо опустился на землю, прижимая руку к груди...

Коммунист Коломийцев погиб на посту, спасая других, когда ему не было и тридцати двух. Солдат порядка до последнего своего дыхания нес службу во имя счастья и благополучия советских людей.

* * *

Бандит не ушел. Его обнаружили на окраине поселка. Чувствуя безвыходность — застрелился. Подлец вычеркнул себя из жизни, страшась суда людского. Он знал, что пощады ему не будет!

* * *

Уже минуло десять лет с тех пор, как не стало Бориса Федоровича Коломийцева. Но о нем помнят многие хорошие люди города. Берегут светлую память и сотрудники Ессентукского городского отдела внутренних дел. Здесь в Ленинской комнате на самом видном месте висит портрет Коломийцева. Под ним приказ министра внутренних дел СССР о зачислении Коломийцева навечно в списки личного состава отдела. На всех сборах, строевых смотрах и торжественных собраниях его называют первым, и в тишине взволнованно звучит ответ правофлангового:

— Погиб при исполнении служебных обязанностей!

Суровеют лица сотрудников и крепнет их стремление продолжить дело своего товарища до конца.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Следователь милиции. Как он работает? Ему помогают милиционеры и участковые инспектора, оперативные работники и криминалисты. Поэтому, когда за кражу был задержан некто Борис Лынников и на нем обнаружили краденные брюки, когда возникло подозрение, не тот ли это человек, который совершал кражи из квартир, вора решили представить следователю Куцубину.

Тот или не тот?

Чтобы ответить на этот вопрос, Куцубин вызвал подозреваемого на допрос. А что такое допрос? В сущности, поединок, в котором успех решают ум, терпение, выдержка. Со стороны это выглядит не столь уж эффективно. Стол. За столом — двое. По одну сторону — молодой сотрудник в погонах лейтенанта, по другую наглый, циничный парень.

Куцубину повезло. Лынников запирался недолго. Он понял, что это ни к чему не приведет. Милиция располагала вескими уликами.

— Вот вы сознались, Лынных, что совершали кражи. Но ведь воровали вы не в одиночку? Скажите, кто ваш напарник?

— С чего вы взяли, что у меня был напарник? — сделал тот удивленное лицо. — Я был один.

— Но ведь свидетели видели вас вдвоем. Кто второй?

Задержанный молчит. Кузубин отсылает его в камеру.

Был или не был второй?

А служба розыска тем временем продолжает действовать по заданию следователя. Вскоре задерживается и второй преступник.

Не будем перечислять все перипетии следствия, рассказывать о том, как следователь установил, где находятся спрятанные преступниками ворованные вещи. Скажем только: вина задержанных была полностью доказана. Больше того, значительную часть украденных вещей удалось возвратить владельцам.

* * *

Следователем Николай Кузубин стал не сразу. Мальчишкой он хотел летать, бредил небом. Потом увлекся другим: с волнением читал книги, смотрел фильмы о людях романтических профессий — чекистах, сотрудниках уголовного розыска. Они владели его воображением — всевидящие, умные, бесстрашные.

Николай не раз с интересом читал, как быстро, умело тот или другой следователь раскрывал самые запутанные хитросплетения. Ум и благородство, принципиальность героев вызывали у него не только восхищение, но и чувство хорошей зависти.

Ведь бывает же так, вроде бы ничего неизвестно, а следователь уже ухватился за путеводную нить. Небольшая деталь — а в ней ключ к разоблачению преступника или, наоборот, к установлению невиновности человека. У Льва Шейнина, в его рассказе «Пара туфель» долго не могли изобличить врача, подозревавшегося в убийстве жены. Тогда следователь неожиданно предъявил подозреваемому пару туфель убитой. Психологический эффект был настолько силен, что преступник, думавший, что он сделал все, чтобы замести следы, рассказал правду...

Однако путь к осуществлению мечты был еще долгим.

Семья Куцубиных жила трудно. В 1942 году в их дом пришло извещение о том, что отец погиб. Мать слегла. А детей шестеро — мал-мала меньше. Троиш, в том числе и Николай, отдали в детдом. Там он находился до шестнадцати лет.

Потом учеба в Георгиевском техникуме механизации. После окончания трудился механизатором в колхозе имени Чапаева Шпаковского района.

Затем служба в Советской Армии. И снова работа. Сначала слесарничал на заводе поршневых колец, потом стал мастером. Работа ему нравилась — хорошие товарищи, хорошая зарплата. Но мечта не покидала его. В свободное от работы время Николай готовился в юридический институт. Настойчиво, упорно — университетский порог высокий. Преодолеl его. С жаром взялся за учебу. Каждый день лекции, семинары, библиотека. А затем — сессии.

Знания впитывал в себя, как губка. Друзья шутили: ты, наверное, и не выходишь из библиотеки. Он только улыбался. Учение доставляло ему радость, рождало жажду деятельности.

И вот закончен Харьковский юридический институт. Направление получил в Ставрополь.

Вскоре Николай Куцубин стоял в кабинете начальника городского отдела внутренних дел.

Полковник милиции Пашков окинул вошедшего внимательным взглядом:

— Кем хотели бы работать?

— Следователем, — откровенно признался вчерашний студент. Это моя давняя мечта.

— М-да, — задумчиво произнес полковник, глядя на Николая, и вдруг улыбнулся. — Давняя, говорите? Это хорошо. Тогда так и быть назначаем вас следователем. Практика-то есть?

— Готовили нас по широкому профилю. Теорию изучили, а вот практики — никакой.

— Ну, ничего, это дело наживное...

Так Николай Куцубин, выражаясь языком официальным, приступил к исполнению своих служебных обязанностей.

Прошло более трех лет. Если сосчитать, сколько

ему за это время пришлось расследовать уголовных дел, цифра получится довольно внушительная. Но разве в цифре суть? Главное — с каждой последней точкой, поставленной в очередном «томе», Николай Николаевич накапливал драгоценные крупинки того, что называется профессиональным опытом.

* * *

В городе подряд было совершенно несколько грабежей. Работники милиции сбились с ног в поисках преступников, но тщетно. Грабители оставались на свободе. Их след не был найден.

И вот однажды в дежурной комнате отдела внутренних дел зазвенел тревожный звонок.

— Милиция? Меня только что ограбили! — кричал чей-то взволнованный мужской голос. — Где? На улице Транспортной, в районе завода «Металлоизделий».

— Сейчас же выезжаем, ждите, — ответил дежурный.

На место происшествия выехала оперативная группа, в ее составе был и следователь Куцубин.

— Как? Где? Кто? — расспрашивал следователь пострадавшего.

— После работы я возвращался домой, — прерывисто отвечал потерпевший. — На улице Транспортной меня встретили двое неизвестных и потребовали деньги. Один из них держал в руке пистолет. Забрав деньги и шерстяной шарф в клетку, они скрылись.

— Сможете опознать их? — спросил Куцубин.

— Смогу. Один, который забрал деньги, такой... высокий, худой, в пальто, на голове — меховая шапка. Второй — пониже, поприместнее.

— Поехали с нами! — следователь усадил потерпевшего в машину.

Проехали немного улиц. Грабителей не видно. И вдруг у Куцубина мелькнула мысль:

— Сворачивай к железнодорожному вокзалу, — сказал он водителю.

Мчится машина вниз по проспекту Карла Маркса. Следователь и оперативный работник не пропускают ни одного перекрестка, сворачивая в тот или иной тупик, освещая его яркими фарами машины, зорко всматриваются в затемненные уголки. Никого из подозреваемых.

«Волга» резко затормозила около вокзала. У входа стоят двое молодых людей. Потерпевший прильнул к стеклу:

— Они!

Оперативный работник выскочил почти на ходу, и сразу же — в сторону грабителей. Те кинулись бежать. Куцубин бросился в погоню за высоким, который бежал напрямик через газоны. Догнал, повалил и привычным приемом скрутил руки грабителю.

По дороге к машине задержанный несколько раз пытался упасть, намереваясь что-то выбросить. Куцубин, который все время был начеку, заметил неладное и, присмотревшись, увидел в кустах что-то похожее на платок. Это был, оказывается, тот самый шарф в клеточку, о каком говорил ограбленный.

Утром перед Куцубиным сидел долговязый парень. На столе следователя лежали протокол задержания и заявление потерпевшего. Грабитель держался нагло, самоуверенно, считал, что обнаруженная у него при обыске часть денег (налетчики поделили добычу пополам) — это не доказательство. Можно сказать: «мой» или «нашел».

— Так вы отрицаете, что принимали участие в грабеже на улице Транспортной?

— Не пришивайте мне чужих дел! — нахально ответил Игорь Салов, рабочий завода «Электроавтоматика», как стало известно. Никакого грабежа я не знаю.

— А что за шарф вы пытались выбросить?

— Какой? — удивился Салов.

— Вот этот, — и следователь положил перед задержанным шерстяной шарф в клеточку.

— Откуда я знаю, что это за шарф? Может быть, вы специально принесли его сюда и подсовываете мне.

— Ну-ну, специально! Этот шарф принадлежит человеку, которого два неизвестных опрабили на улице Транспортной, в районе завода «Металлоизделий». Одним из них были вы.

— Никого я не грабил, ничего не знаю.

— Хорошо. У вас есть время подумать, а потом мы продолжим разговор.

Куцубин, конечно, был уверен, что к событию, происшедшему прошлой ночью, Салов имел самое прямое отношение. Однако это нужно было доказать.

В общем-то это не было уж настолько неосуществимым: шарф — доказательство важное. Кроме того, грабителя опознает потерпевший. Но кто был вторым? Следователь понимал, что Салов может сдать только под тяжестью неопровержимых улик. А искать их придется ему. И главное — нужно найти как можно быстрее сообщника Салова.

События развивались приблизительно так, как и предвидел Куцубин. Он успешно провел опознание, во время обыска на квартире Салова было обнаружено две меховых шапки, транзистор «ВЭФ-12», три пары кожаных перчаток, двое наручных часов. Все это «приобретено» в результате ограбления нескольких граждан.

На очередном допросе Салов, уличенный неопровержимыми вещественными доказательствами и свидетельскими показаниями, вынужден был сознаться в грабеже и ранее совершенных преступлениях.

Но Куцубину никак не удавалось установить, кто же был второй, тот приземистый молодчик, который ходил еще на свободе? Пока не был задержан сообщник Салова, не могло быть и речи об окончании уголовного дела. Все это не давало покоя следователю.

Беседы с Саловым не приносили никаких результатов. Он упрямо утверждал, что никого не знает и не понимает, чего от него хочет следователь, какого еще «друга» разыскивают.

— Вы мне, групповое нападение не шейте, — нагло улыбаясь, отвечал он Куцубину. — Я «работал» один...

Следователь перебрал десятки вариантов, снова и снова опрашивал людей, однако должного результата не достиг. Но вот однажды, снова беседуя с парнем, которого ограбили на Транспортной, Куцубин услышал от него:

— Когда они подошли ко мне, этот высокий сказал другому, приземистому: «Быстрее, Блоха, чего смотришь...»

Ага, своего напарника Салов назвал по кличке. Это уже кое-что значило. Весьма и весьма тоненькая, но все же ниточка. Она может вывести на верный путь.

Следователь побывал в отделении уголовного розыска. Ему сказали, что «Блоха» — Андрей Кизилев.

И вот следователь допрашивает второго участника преступления:

— Фамилия, имя, отчество?

— Кизилов Андрей Петрович.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят четвертый.

— Где работаете?

— Временно не работаю.

— Рассказывайте все, что было в тот вечер на Транспортной улице.

Кизилов сначала отпибался: не был-де он с Саловым и вообще сидел весь вечер дома.

— Все это чепуха. Мы сейчас же проверим и опровергнем ваши утверждения... Будете говорить правду?

— Я уже сказал.

Так же, как и у Салова, на квартире Кизилова в подвальном помещении обнаружили ворованные вещи. Был найден и самодельный пистолет.

После очной ставки с потерпевшим Кизилов явно сник. Но сдался не сразу. Куцубину пришлось с ним еще много повозиться, методично используя одну улику за другой.

Наконец, виновный понял: круг замкнулся. И во всем признался.

* * *

Сложна работа следователя. А еще сложнее она становится тогда, когда тебе поручается дело по несовершеннолетним. Следователь всегда должен быть во всеоружии знания закона и жизни. Он должен быть терпелив и спокоен, но не равнодушен.

Почему подростки Игорь Салов и Андрей Кизилов совершали преступления? В чем причина? Кто виновен в том, что произошло?

В этих вопросах Куцубин попытался разобраться, как говорится, во всех деталях. Он много беседовал со своими подследственными на свободную тему. Говорил с их родителями, соседями.

Игорь Салов мечтал о шикарной жизни: «Вот бы денег побольше! Эх, жизнь пошла бы!» С этого «вот бы» обычно начинались, этим и заканчивались его мечты, и «насушная» забота: где достать денег? Эта забота и привела парня к преступлениям.

За несколько дней до совершения первого грабежа Игорь с компанией договорились ехать за город. А денег не было. Как быть? Занять не у кого. Всем знакомым давно задолжал. Получки в этом месяце не предвидится: «болел» и не работал. «Что же делать? — думал Игорь. — Опять унижаться перед матерью? Да и не даст ведь. А если и даст, то мало да еще будет долго ныть, что денег и так не хватает...»

Игорь жил в хорошей трудовой семье. Мать — потомственная работница, отец — квалифицированный токарь-универсал. Человек, имя которого с уважением называют на предприятии. Родители вырастили хорошую дочь, которая окончила институт, работает преподавателем, сама уже имеет семью.

Игорь — младший. Он рос в другое время, чем его сестра. Не знал трудностей войны, не знал, что такое «нету», «нельзя», «запрещено». Для него все было можно. Его рождение было большой радостью в семье. На малыша едва не молились. Предупреждалось каждое его желание. Еще бы — ведь Игорек маленький! Для него было все приготовлено, заранее сделано, ему всегда оставался самый лакомый кусочек. Родители хотели, чтобы сын ни в чем не нуждался, чтобы рос счастливым. «Мы переживали, хватили горя в войну, пусть хоть сын этого не знает».

А мальчик воспринимал заботы родителей по своему: все для него! Так жить было очень удобно и легко. Дома у него не было никаких забот, никаких обязанностей. Все свободное время он болтался по улице, просиживал в кино. Безделье, лень одолели. Лень было вовремя встать с постели, опрятно одеться, умыться. Не хотелось выполнять даже самую пустяковую, незначительную просьбу матери. Не хотелось учиться. Не хотелось и работать, когда бросил школу. Зато хотелось иметь много «легких» денег. Дважды за год он уже увольнялся «по собственному желанию» после продолжительных прогулов. Работал Игорь на заводе не очень прилежно. Под любым предлогом отлынивал от обязанностей, за что его окончательно уволили.

Деньги теперь были у Игоря всегда. Откуда? Занимался грабежом. Правда, деньги приходилось прятать, чтобы мать ни о чем не узнала. Но она все-таки о чем-то догадывалась, тревожилась, а однажды наткнулась

случайно на деньги, забытые на столе, под книгой, стала допытываться: «Откуда они у тебя?» Игорь изворачивался, лгал, объяснял, что это «казенные». Мать верила и не верила.

Игорь зачастил в рестораны, ездил за город с веселой компанией. У него появилось множество дружков, которые были не прочь пожить за счет Игоря, покутить на его деньги. Но скоро этой легкой жизни пришел конец. Игорь был задержан.

— Почему ваш сын стал на такой путь? — спрашивал Куцубин родителей Игоря. — В чем причина, что парень из хорошей семьи совершал преступления?

Матери и отцу было очень трудно осмыслить происшедшее. Они в недоумении разводили руками и все повторяли:

— Кажется, правильно воспитывали, ни в чем не отказывали...

Вот именно, ни в чем не отказывали. Но ничего и не требовали! Они, по существу, не знали, чем их сын живет, чем интересуется, с кем дружит, каков его внутренний мир?

Зато посторонний человек, матерый преступник Миронов сразу понял, что это за паренек; быстро распознал его слабые струнки и сыграл на них, втянув неустойчивого парня в свое грязное дело.

А Андрей Кизиллов? Чем он отличался от Игоря? Почти ничем. Жил празднично. Не работал, не учился. Когда у него спрашивали: «Почему?», он отвечал: «Еще успеется, надо нагуляться вдоволь».

Разве не знали мать и отец Андрея, что их сын зачастую приходил домой поздно вечером, а то и совсем не являлся ночевать. Знали! Знали они и о том, что в доме лишних денег не было, а от сына часто пахло водкой, не выводились у него и дорогостоящие папиросы.

А когда его спрашивал отец, почему Андрей так поздно приходит и на какие деньги выпивает, тот обычно отвечал: гулял, дескать, с девушкой, а угостили товарищи. И на этом кончался «неприятный разговор».

Родители Андрея не сделали даже попытки заглянуть поглубже в душу своего единственного сына, выяснить: кто его товарищи, откуда деньги? И вот финиш — суд!

...Работа следователя. В ней всего много — и беспокойства, и напряженных раздумий, и педагогических усилий. С какими только людьми не приходилось сталкиваться! Здесь и опасный бандит, озлобленный на всех и вся, и мелкий, с трусливой душой ворюшка, и убийца, упорно отрицающий свою вину, и впервые оступившийся молодой человек. И в каждом характере надо разобраться до конца, к каждому необходимо подобрать свой, определенный ключ.

— Как вы добиваетесь признания у преступников?

— А я никогда не добиваюсь этого, — отвечает Куцубин. — Ведь одного признания недостаточно для доказательства. Есть аргументы повесомей: следы преступления, спрятанные вещи, свидетельские показания и так далее. Да мало ли их в арсенале следователя? Для меня важно, когда я могу убедить подозреваемого, что он совершил отвратительный поступок. А наказание он понесет потому, что так требует справедливость... Самую большую ошибку допускает тот следователь, — говорит Куцубин, — который пытается предстать в глазах задержанного «своим парнем», когда для получения признания он пускает в ход такие запрещенные приемы, как обещание помилования, освобождения. Я же всегда предупреждаю, что наказание будет «по заслугам». Стараюсь, чтобы преступник почувствовал ответственность за совершенное. Но и воюю за то, чтобы он, если молодой, задумался о будущем, чтобы понял, что жизнь не кончена и еще все впереди. А заключение должно стать для него суровой школой, чтоб он никогда не возвратился на преступный путь.

В кабинете следователя Куцубина бывают не только преступники. Вот входит улыбающаяся женщина:

— Спасибо вам, Николай Николаевич! Другим человеком муж стал: не пьет, не скандалит, хочет работу идти искать.

— Пусть ко мне зайдет, я помогу устроиться.

— Да он тут, за дверью. Стесняется...

— Абраменко! — зовет Куцубин. — Заходите, чего там стоять.

Появляется молодой широкоплечий мужчина, здоровается, мнет в руках шапку.

— Отбыл срок. Хочу работать. И потяжелее!..

Следователь — всегда воспитатель. И как же нужно любить людей, верить в то хорошее, что заложено в них, чтобы не разучиться приветливо и дружески улыбаться окружающим, не ожесточиться душой!

Но Куцубина не упрекнешь в излишней доброте. Он бывает и жестким, не терпит и не прощает лжи, не спешит утешить плачущих родителей, проглядевших своих детей. Он хочет, чтобы и они, и преступники испили горькую чашу до дна, задумались над случившимся, сделали для себя выводы.

Преступление должно быть раскрыто, преступники — понести заслуженное наказание. Это — главное для Куцубина. Но не менее важно для него и заставить провинившегося взглянуть на себя со стороны. Поэтому-то каждый допрос — это бой с подсудственным за него самого, за то настоящее, что еще осталось в его душе.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

За самоотверженные действия и мужество, проявленные при задержании опасного преступника, Указом Президиума Верховного Совета СССР шофер-милиционер Адыге-Хабльского отдела внутренних дел старший сержант милиции Рамазан Мурзабекович Хапсироков награжден орденом Красной Звезды.

Скупые, лаконичные строки Указа. Но за этими словами — напряженный, каждодневный труд и риск человека красивой души.

Служил Рамазан Хапсироков в армии артиллеристом. Был он молод, горяч, настойчив и смел.

И до того ему нравилась солдатская жизнь, с такой любовью отдавался он учению, так быстро постигал все трудности службы, что даже бывалые солдаты-сверхсрочники говорили:

— Это настоящий воин.

Не раз и не два объявляли ему благодарность за отличную боевую и политическую подготовку.

— Служу Советскому Союзу! — четко отвечал он на благодарность командования.

И вот демобилизация. Жизнь открыла перед физически крепким, статным и красивым парнем десятки дорог. Рамазан выбрал службу в милиции. Почему? Хотелось быть там, где и трудно и опасно.

* * *

В одно время участились кражи из квартир. Преступник был опытный и, видимо, неплохо знал район.

— Кто-нибудь явно из своих, местных. Вернулся после отбытия наказания и теперь честным трудом не хочет жить, — говорили старые опытные милиционеры.

— Выходит, надо хорошо знать, кто живет на участке, — размышлял комсомолец Хапсироков. — С общественниками нужно обсудить этот вопрос. Им подчас все известно, кто чем занимается. Да и с участковым не мешает поговорить...

В один из дней было совершено сразу две кражи из квартир.

Вечером инструктаж проводил инспектор-дежурный. Коротко сообщив о происшедшем, он напомнил милиционерам о бдительности, назвал приметы преступников.

И вот Рамазан на посту. Свет уличного фонаря выхватывает из тьмы рой крупных снежинок. Они красиво искрятся и медленно опускаются на снежный пушистый ковер. Вдруг из-за угла выскочила «Победа». Едва машина попала в полосу света, как сосед водителя наклонился вниз, точно хотел прикурить. Милиционер успел разглядеть пассажира. Он был похож на того, о котором шла речь на разводе.

Рамазану сделалось жарко — вот он, преступник! Остановив машину и зайдя с правой стороны, Хапсироков потребовал документы у водителя, а сам внимательно оглядел пассажира. Сзади оказался еще один человек. Рядом с ним Рамазан заметил бутылки водки и какие-то свертки.

«Как же поступить? Их двое, а вдруг и шофер с ними заодно? Э, да чего там, смелее надо действовать, смелее!» — подбодрил себя милиционер и потребовал документы у пассажиров.

— Какие еще там документы? В чем вы нас подозреваете? Это безобразие! — возмущался один из них. Мы честные люди, будем жаловаться!

Оба предъявить документы отказались.

Тогда Хапсироков, расстегнув кобуру пистолета и не отдавая документы шоферу, твердо скомандовал:

— Сидеть спокойно! При малейшем движении — стреляю. Шофер, поезжайте в отдел милиции, здесь недалеко.

Рамазан сел на заднее сиденье, внимательно следя за каждым движением неизвестных. Машина тронулась...

К утру большую часть похищенного работники милиции нашли в ауле Эркен-Халк, кое-что преступники успели продать.

* * *

И снова покатились день за днем, месяц за месяцем, обычная служба: дежурства, патрулирование, засады.

Чего только не случилось? Пятнадцать лет — не пятнадцать дней. Однако нелегко и непросто рассказывать о милицеских буднях. Они порой однообразны, скучны даже. Но солдатские будни и пятнадцатилетняя служба в милиции закалили и сделали Рамазана человеком волевым, цельным, хорошо разбирающимся в том, что такое жизнь и как непросто налаживается в ней порядок.

...Стоял погожий летний день. Припекало июльское солнце. Всей грудью вдыхая чистый терпкий воздух, Рамазан легко шагал по участку. На душе было тепло и приятно. Сегодня на разводе за проявленную бдительность в поимке опасного преступника ему объявлена благодарность.

И вдруг за спиной услышал чей-то зычный голос: — Товарищ сержант! Рамазан Мурзабекович!

Хапсироков обернулся на оклик. Перед ним остановился стройный смуглолицый парень в белой сорочке. Рядом стояла девушка с букетом роз.

— Не узнали? — смутился парень.

— Как не узнать, Рашид, — ответил сержант.

— Так и есть, — обрадовался молодой человек. И поспешил объяснить:

— Сегодня у Марины день рождения. Так вы не обижайте нас. Просим, приходите в пять вечера. Самым дорогим гостем будете...

— Ладно, ладно,— остановил парня Рамазан Мурзабекович.— Спасибо за приглашение, обязательно приду.

Счастливая пара скрылась в магазине, а сержант Хапсироков продолжал обход своего маршрута. Как всегда, шел он размеренным неторопливым шагом и вспоминал первую встречу с Рашидом.

Прошлым летом вот так же нес он службу на этой улице. Вдруг из открытого окна донесся шум и выкрик:

— Зарежу!

Послышался женский перепуганный голос:

— Люди, помогите!

Милиционер бросился на крики. Только открыл дверь, как прямо над ним взметнулась рука с опасной бритвой. Злой, взъерошенный парень рывкнул:

— Не подходи, зарежу!

И верно, от пьяного всего можно было ожидать. Но сержант хладнокровно и внушительно приказал:

— Брось бритву! С этим ведь не шутят.

Было это сказано с такой уверенностью и так твердо, что парень сразу как-то обмяк. Через несколько минут он стал объясняться:

— Они сами меня до этого довели. Не люди, а...

— Но ведь ты и сам хорош! С бритвой на всех бросаешься,— заметил Хапсироков. Уложил бритву в футляр. Потом предложил:

— Ну, а теперь давай рассказывай, из-за чего сырбор.

Выяснилось, что Рашид недавно женился. Перешел жить к родным жены и с первых же дней не нашел общего языка с тестем. Тот стал упрекать, что зять, дескать, мало зарабатывает, какой-то нелюдимый... Рашид тоже не сумел найти в себе силы воли, чтобы подняться выше мелочных обид и «с горя» начал прикладываться к рюмке. Если трезвый он молча переносил обиды, пьяный — начинал буяннить. И вот результат...

Много горьких, обидных, но справедливых слов пришлось выслушать тогда Рашиду от сержанта. Не

меньше их было высказано и в адрес тестя Рашида.

— Человек вы почтенного возраста, большую жизнь прожили, — говорил Рамазан Мурзабекович, — и не мне вас учить. А вот, как видите, приходится вами заниматься. На работе, я знаю, вы уважаемый человек, а вот дома... Разжигаете страсти. Как-то нехорошо получается. Наоборот, надо оказать всяческую помощь молодым.

— Ладно, этого больше не будет, — твердо сказал тесть. — Даю слово. Больше вам не придется заниматься нашей семьей.

Но и после этого Халсироков не один раз бывал в том доме или заходил к соседям, интересовался, как складывается жизнь у Рашида. Правда, не сразу все уладилось, но все же к молодым возвратились любовь и согласие.

* * *

Выйдя на улицу, сержант направился к автостанции. Только вошел внутрь — к нему женщина с ребенком, вся в слезах:

— Чемодан пропал... Такой... в чехле.

— Как? Когда?

Всхлипывая, она стала рассказывать о случившемся.

— Рядом со мной в помещении автостанции сидела молодая, прилично одетая женщина. Много говорила о себе, о своей работе садовода-огородника. Я ей доверилась, попросила присмотреть за ребенком и вещами, а сама пошла в магазин купить печенье. Вернулась — ни ее, ни чемодана. Разве можно было подумать...

— Успокойтесь, вашего обидчика все равно найдем, — уверенно сказал сержант и приступил к розыску воровки.

Он побывал в одном магазине, другом, в сквере. Преступницы нигде обнаружить не удалось. Куда же она исчезла? Уехать не могла — автобусы Черкесск — Сахарный завод и Эрсакон — Черкесск будут нескоро. Возможно, пошла на центральную дорогу — Черкесск — Ставрополь? По ней чаще ходят автобусы, такси. Можно уехать и на попутной.

Прежде чем отправиться к дороге Черкесск — Ставрополь, он мысленно поставил себя на место преступницы, постарался продумать, предугадать каждый ее шаг: как воровка входит в автостанцию, как огляды-

вается — не наблюдают ли за ней, как выбирает свою жертву. Подсаживается, заводит разговоры, входит в доверие, потом ищет момент, чтобы унести чемодан. Взяв его, она быстро уходит. Куда? Через весь центр не потащится: могут задержать, да и неизвестно, стоит ли рисковать, ценные ли вещи в нем. Значит, осматривать добычу воровка будет где-нибудь подальше от станции. Может быть, на выезде из аула...

Вскоре сержант Хапсироков мчался на мотоцикле. Рамазан внимательно смотрел и вперед, и по сторонам. Вот впереди, на обочине дороги, вблизи от перекрестка показалась женщина. Она сидела у зеленого куста, угнувшись, что-то рассматривала.

Сержант сбавил газ, смотрит: точь-в-точь по описанию потерпевшей и очевидцев — она, воровка!

Так и есть, снимает чехол, пытается открыть замки...

— Гражданка, чем занимаетесь? — спросил подъехавший на тихом ходу Хапсироков.

Она подняла голову. Некоторая пауза, потом еле выдавила:

— Да вот... никак... чемодан...

— Чей он?

— М-мой.

— А что в нем?

— П-продукты, хотела поесть.

— Проедете, гражданка, в милицию. Здесь совсем недалеко. Там и чемодан откроем.

Узнав о задержании воровки с чемоданом, потерпевшая не знала как и благодарить сержанта Рамазана Хапсирокова.

А у него снова дела. Привычные, простые и в то же время необыкновенные. Только сам он ничего необыкновенного в них не видит. Ведь весь смысл его службы в том и состоит, чтобы вовремя отвести от человека беду, возвратить ему радость, а порой сохранить жизнь.

* * *

В последнее время старший сержант Хапсироков стал работать шофером-милиционером. Пьяный ли где скандалит, задебоширил ли кто — несется туда «уазик» Хапсирокова. А если и нет звонков о помощи, машина все равно объезжает центр аула: все ли в порядке?

...Сослуживцы Рамазана Мурзабековича Хапсиро-

кова говорят, что у него настоящий милицкий характер. Он не может пройти мимо нарушений порядка. Обязательно вмешается. И вместе с тем — это спокойный, выдержанный человек, с крепкими нервами, завидной смелостью.

Его примерная служба не раз отмечалась в приказах районного отдела и управления внутренних дел области.

С первых дней работы коммуниста Рамазана Мурзабековича отличали верность присяге, дисциплинированность, высокая бдительность, добросовестность. Все эти качества особенно проявились в тот вечер...

* * *

Рабочий день Хапсироков закончил поздно. Как обычно, перед уходом домой, спросил дежурного:

— Можно идти домой?

— Конечно! До завтра. Хорошего отдыха, тебе Рамазан Мурзабекович, — попрощался с ним дежурный.

Старший сержант спокойно шел по улице. Дома наверняка старшая дочь Фарида готовит уроки. Младшая, пятилетняя Леночка, спит, а жена все еще хлопочет по хозяйству... Тут внезапно:

— Драка! Человека убивают!..

Не раздумывая, Хапсироков побежал вдоль Первомайской улицы. Вскоре он увидел дерущихся людей. Наметанным взглядом определил сразу, кто представляет наибольшую опасность — крепко сложенный мужчина с перекошенным от ярости лицом.

— Убью! — дико кричал потерявший над собой контроль пьяный бандит.

Хапсироков схватил его. Тот изловчился и молниеносно занес нож над грудью милиционера. Однако старший сержант успел уклониться, и удар ножа пришелся по левой руке. Потом оба упали, клубком покатались по земле. Снова на старшего сержанта навалился верзила. Удары сыплются один за другим. Острой болью обожгло ногу. Усилием воли Хапсироков отгонял какой-то туман, застилавший глаза, цепкие пальцы не разжимались. «Только бы не упустить», — думал Рамазан и еще крепче сжимал теперь запястья бандита. Преступник рванулся, стараясь освободиться от рук Хапсирокова.

— Нет, не уйдешь!..

Вскоре к старшему сержанту на подмогу прибыли его товарищи. И только тогда последние силы покинули его. В тяжелом состоянии Хапсирокова увезли в больницу.

После операции Рамазан произнес первые слова:

— А того задержали?

— Задержали.

Потом он хотел сделать движение ногой, и... мелькнула страшная догадка:

— Как же теперь?

Хирург тяжело вздохнул:

— Ничего не могли сделать. Одно из ранений пришлось в бедро. Гангрена. Ногу пришлось ампутировать...

* * *

Недавно по служебным делам мне довелось быть в Черкесске. При встрече с начальником областного управления внутренних дел полковником Александром Федоровичем Барановым я поинтересовался здоровьем Хапсирокова.

— Рамазан Мурзабекович, — сказал полковник, — чувствует себя хорошо. В конце 1973 года Хапсироков вернулся в свой милицкий коллектив. Он снова в строю.

ЛИХАЧУ НАВСТРЕЧУ

Наш автобус, в котором я ехал в служебную командировку в Изобильный, поломался на полпути. Водитель объявил, что придется подождать с часок, пока он не исправит поломку.

Что делать? Возможно, ждать придется не час, а больше? Так можно и не успеть к сроку. И я решил добираться на попутной.

Мне повезло — вскоре я и еще один попутчик оказались в кабине грузовика. Здесь было тепло и уютно. А каково тому, кто мокнет под дождем, который вдруг разразился?

Мы поравнялись со стоявшим на обочине стариком. Я вопросительно глянул на шофера. Но он даже не сделал попытки притормозить.

— Мне не жалко, — оправдывался водитель, — только ведь кабина рассчитана на троих, а старик был бы четвертым. Ну, а вдруг хозяин?

— Какой «хозяин»?

— Мальцев, госавтоинспектор. Николай Ильич не прощает нарушений, строгий. Оно и понятно: без зоркого глаза порядка на дорогах не будет.

Свой служебный долг Мальцев исполнял исправно — это я знал. Слышал о нем в краевой госавтоинспекции немало лестного. И в тоне шофера чувствовалось уважение к хозяину дорог. Ловко объезжая выбоины, он помолчал, а как только выдалась ровная дорога, продолжил:

— В его работе всякое бывало. Вот какой случай вышел зимой. Хотите расскажу?

...К вечеру еще пуще разыгралась метель. Николай Ильич из Новотроицкого возвращался домой. Впереди увидел два ярких шара, которые быстро двигались на него. Остановив свой «газон», решил проверить. Доносился натужный гул моторов. «С чего бы? Дорога ровная, на асфальте — ни снежинки, все ветром сдуло. Не иначе, как перегруз», — подумал инспектор и жезлом приказал шоферу остановить машину. Так и есть, около тонны лишнего груза. Водитель — человек пожилой, серьезный — смущенно предъявил права. Мальцев посмотрел на них — без единого прокола. Потом перевел взгляд на шофера:

— Как же так?

— Простите, товарищ капитан. За всю свою двадцатипятилетнюю работу ни одного прокола, одни благодарности. Начальство упросило, груз срочный. В такую метель, говорят, все инспекторы ГАИ по домам сидят. Проскочишь, говорят, незаметно. А я и послушал, старый дурак, — в голосе шофера слышалось даже некоторое удовлетворение тем, что ему не удалось «проскочить незаметно». И на инспектора он поглядывал одобрительно. Всякое, мол, про вашего брата рассказывают. А вы вон какие.

Как поступить с этим человеком? Конечно, у госавтоинспектора права большие, и если подходить формально, за такой проступок он мог наказать шофера. Только зачем? Чтобы крепче запомнилось? Но по всему видно, что старый автомобилист случайно попал впросак. Николай Ильич приложил руку к ушанке:

— Счастливого пути, отец, — и отдал шоферу документы.

Не успел старый водитель завести мотор, как показалась еще одна машина. По прыгавшему свету фар Мальцев определил, что она идет с бешеной скоростью, и шофер, по-видимому, нетрезвый. Капитан вышел на дорогу, дал сигнал остановиться. Защищали тормоза, машина — это оказался самосвал — сбавила скорость. Полагая, что шофер решил объехать стоявший грузовик и остановиться впереди, госавтоинспектор вскочил на подножку. Однако миновав машину, самосвал опять начал набирать ход.

Что делать? Можно спрыгнуть, пока еще не велика скорость, потом будет поздно. Но Николай Ильич отбросил прочь эту мысль и принялся стучать кулаком в кабину.

«Не слышат, наверное» — решил он. В кузове что-то каталось и дребезжало. Капитан вцепился обеими руками в борт, подтянулся. Пальцы обжигал холодный металл, они прилипали к борту, и он ругнул себя за то, что, возвратив старому шоферу документы, не надел тут же перчатки, и они остались лежать в кармане полушубка. Попробуй теперь, стоя на подножке, под этим дьявольским ветром натянуть их на руки!

Налетел шквал ветра, и он с трудом удержался на подножке. А вскоре капитан находился между кабиной и кузовом самосвала — там имеется небольшое расстояние. В него Мальцев и втиснулся боком. Еле отдышался.

Над головой все также свистела и завывала пурга, но за кабиной можно было все-таки укрыться от ветра. Только нельзя же сидеть в этой щели и дожидаться, куда тебя привезут обнаглевшие лихачи. Мальцев уже не сомневался, что имел дело с преступниками. Надо было предпринимать что-то. Но что? Как остановить самосвал?

Сзади засветились фары попутной машины. «Не старик ли?» — мелькнуло в голове. А свет ближе, ближе. «Верно, старик и есть, — узнал капитан. — Вот молодчина». Мальцев поднял вверх правую руку, помахал ею несколько раз.

Старик, видимо, догадался, в чем дело, и прибавил скорость. Грузовик мигнул раз, другой: попросил обгон и обогнал.

Прошло несколько минут. Впереди показался грузовик старика. Он стоял посреди дороги — на пути

самосвала. Посигналил, посигналил самосвал, да так и остановился. Из его кабины вылезли изрядно выпившие трое мужчин.

Как потом выяснилось, эти молодчики совершили кражу из квартиры села Московского...

Когда шофер закончил свой рассказ, я спросил у него, удивляясь его осведомленности:

— А откуда известны такие подробности?

— Земля слухом полнится, — уклончиво ответил водитель. — Хотя чего скрывать: с общественными помощниками он всегда запросто делится новостями. И это хорошо. Честным шоферам легче сообразить потом, как быть в той или другой обстановке. Ну мы и оказываем Николаю Ильичу посильную помощь. Одному трудно углядеть за порядком на всех дорогах района.

...Дождь с силой хлестал по смотровому стеклу. Вести машину стало трудно, шоферу было не до разговоров. Благополучно миновав крутой поворот, возле которого виднелась яма, мы остановились около «ЗИЛа». Человек в милицейской форме что-то внушал шоферу.

— Исправите тормоза, получите права, — донеслось до нас. — В талоне за нарушение правил безопасности движения сделаю прокол.

Мальцев (это был он), увидев нас, поздоровался. Сняв тяжелый мокрый плащ, втиснулся в кабину — закурили.

— Ваш! — капитан кивнул в сторону «ЗИЛа». — Свалился бы в яму. Себе — увечье, если не смерть, и государству материальный ущерб. Укор тебе, Борис, как общественному инспектору. Неисправная машина на линии — это и твоя вина. Когда проводил контрольную проверку технического состояния автотранспорта?

— Николай Ильич, честное слово, не было времени, — начал оправдываться Борис. Он еще не завел мотор.

— Давай договоримся, это замечание будет первым и последним...

Мальцев повернулся ко мне, поясняя в чем дело, сказал:

— Это у нас тут с ним свои заботы, общественные. Приходится иногда о делах говорить вот так, прямо на ходу... Минуточку, — капитан выскочил из кабины. —

Я сейчас. Надо закончить все-таки с этим нерадивым,— Николай Ильич кивнул в сторону шофера «ЗИЛа». — Нужно немного подождать, пока он «прокачает» тормоза...

— Никому спуска не дает,— сказал с уважением Борис. — А беспокойный — страсть.

— Вот и все,— произнес Мальцев, подходя к нам. — Можно ехать. Кстати, и дождь перестал. Да вы пересаживайтесь в мой «вездеход»,— улыбаясь сказал мне Николай Ильич, показывая на выдавший виды мотоцикл.

Когда мы въехали в город и потом покатали по улице, госавтоинспектор по-прежнему нес службу. Он несколько раз останавливал свой мотоцикл, чтобы проверить у того или иного шофера документы, правильно ли они оформлены, как работает рулевое управление...

«Вот уж беспокойный»,— подумал я. И мне захотелось больше узнать о нем, об этом неугомонном госавтоинспекторе.

* * *

Капитан Мальцев — не новичок в милиции. Служит более двадцати лет. В послужном списке Николая Ильича не одна благодарность. Он награжден значком «Отличник милиции». Его безукоризненная служба — яркий пример для молодых сотрудников. Толковый, грамотный и культурный офицер, мастер своего дела.

Охраняя покой людей, их безопасность, жизнь, он всегда тверд, решителен. И он же — верный помощник тому, у кого случилась беда.

...«ГАЗ-51» мчался по улице с недозволенной скоростью, петляя из стороны в сторону. Вот он въехал на левую половину дороги, потом — на правую, снова на левую и... сбил пожилую женщину. Преступник слегка притормозил. Но затем, как бы опомнившись, быстро набрал скорость и скрылся за поворотом.

Сообщение о происшествии застало Мальцева в кабинете. Отложив другие дела, он вместе с оперативной группой прибыл на место события.

— Может быть, вы запомнили какие-либо особенности автомашины? — спросил одного из свидетелей.

— Понимаете, все так неожиданно и быстро произошло,— объясняет тот,— что я ничего не заметил.

Могу только твердо сказать, что это был «газон».

«М-да, не густо,— размышлял Мальцев.— Но все равно надо искать».

После осмотра места происшествия он приступил к обследованию всех хозяйств города. Необходимо было проверить возвращение машин, их состояние.

«А может быть, автомобиль проходящий? Направить наряд для преследования? Поздно. Прошло уже много времени. Надо ориентировать соседние органы внутренних дел, а пока все силы сосредоточить в городе, закончить обследование хозяйств в районе. Необходимо побеседовать с водителями, возможно, видевшими эту машину, найти людей, которые смогут сообщить дополнительные данные»,— думал капитан.

Через некоторое время Николай Ильич получил сведения: «Около заправочной станции видели «ГАЗ-51». Поведение водителя странное: машину остановил позади стоящего на дороге автомобиля, едва не столкнувшись с ним. Затем сдал назад. Обогнул автомашину и быстро поехал в сторону Новоалександровска. Первые две цифры номера — «27», во второй паре есть четверка или семерка».

— 27? — это уже много. Но чей автомобиль? Одно ясно: он не местный.

«Ставрополь! Сообщите принадлежность автомобиля «ГАЗ-51». Первые две цифры 27, во второй паре цифр четверка или семерка»,— запросили из Изобильного.

Ответ получили быстро: «Принятые меры розыска не дали результатов. Ведем проверку через соседние органы внутренних дел...»

Мальцев на этом не успокоился и вместе с внештатными сотрудниками продолжал поиск. Проверили не один десяток автохозяйств, но ничего заслуживающего внимания не обнаружили.

В этот день Николай Ильич побывал и в Рыздвяном, и в Новотроицкой. Дальше его путь лежал в станицу Кармалиновскую. В двух километрах от нее капитан увидел стоящий автомобиль. Около него люди. Инспектор подошел к машине «ГАЗ-51».

— Здравствуйте, товарищи! Что случилось?

Перед капитаном стояли два солидных, хорошо одетых человека. От них несло винным перегаром.

- Ваш автомобиль? Предъявите документы.
- Нет у нас документов!
- Тогда вам придется поехать с нами в милицию.
- Вы не имеете права нас задерживать! Да мы...

Но с помощью общественности «путешественников» все же доставили в отдел милиции, где после некоторого запирательства, оба сознались в том, что были пьяны и поэтому... «случайно» сбили женщину. Машина и лихачи оказались из Башанты Калмыцкой АССР.

* * *

Николай Ильич делает основную ставку на добровольных помощников. Число активистов из года в год растет. В 1972 году общественных автоинспекторов было 150, а в 1973 — более двухсот. Имеется семь внештатных сотрудников ГАИ.

Конечно, без своих общественных соратников он не смог бы справиться с порученным ему делом. Шутка сказать, в одном Изобильном более трех тысяч автомашин!..

В нашей беседе Николай Ильич вспомнил первые годы своей работы в этом районе. Было все: и лихачи, и пьяницы за рулем, и нарушения безопасности движения. Тогда Мальцев пришел к выводу, что надо строже спрашивать с руководителей автохозяйств за воспитательную работу с водителями. Он взял на заметку нарушения, которые допускали шоферы. Побывав в парткомах, встретился с руководством автохозяйств района.

Вместе обсудили план мероприятий. Здесь были лекции, индивидуальные беседы с людьми, демонстрация кинофильмов, были и коллективные выезды на места происшествий с подробным анализом случившегося.

А сколько машин использовалось не по назначению! Едет, бывало, вечером Мальцев, а грузовики у шоферских домов стоят. Придет к такому шоферу сосед, просит дровишек и уголька привезти или кирпич да песок. Николай Ильич и здесь навел порядок. Не один раз пришлось говорить с руководителями автохозяйств.

«Отработал шофер часы — машину в гараж», — это требование теперь и в городе, и в районе выполняется неукоснительно.

Среди энтузиастов, отдававших свое личное время для общего дела, было немало таких, кто впоследствии составил ядро актива Мальцева: Будель, Лашков, Земцев и немало других. Они сумели увлечь за собой молодежь, совместно с коммунистами и комсомольцами автохозяйств способствовали созданию нетерпимого отношения к лихачам, пьяницам, аварийщикам.

Коммуниста Мальцева знают и как хорошего агитатора. Он выступает перед населением на собраниях в клубах, школах, по местному радио и в районной газете.

...Инспектор поднял жезл, и десятки взглядов скрестились, как в фокусе, на высокой по-военному подтянутой фигуре... В любое время суток он стоит на посту, делая свое обычное дело. Для него главное — на дорогах должно быть спокойно.

ПО ЗАПУТАННОМУ СЛЕДУ

Совершено тяжкое преступление. Преступник хитер и ловок. Позабывшись об алиби, он чувствует себя в безопасности. На поиск его направлена оперативная группа работников милиции...

Факты, которые легли в основу этого повествования, не выдуманы. Все описанное действительно происходило в Благодарненском районе около двадцати лет назад.

С тех пор многое изменилось. Изменились и сотрудники, участвовавшие в раскрытии названного преступления. Они окрепли, стали многоопытнее. Выросло их профессиональное мастерство, в результате ими раскрыт не один десяток сложных преступлений. Но каждый до сего времени помнит это серьезное, запутанное дело.

Александр Сергеевич Александров в настоящее время в звании полковника возглавляет оперативно-

технический отдел краевого управления внутренних дел, подполковник Виктор Васильевич Тарасов работает заместителем начальника управления уголовного розыска, Василий Иванович Федорищев является начальником Благодарненского отдела милиции.

Василий Павлович Коротков находится на заслуженном отдыхе, но он часто бывает в районном отделе милиции, помогает молодым оперативным сотрудникам советом и делом. Продолжительное время работал помощником прокурора Андрей Иванович Водолажский, сейчас он народный судья краевого центра, а Генрих Арсентьевич Густов трудится в Прокуратуре СССР, имеет ученую степень.

* * *

Холодные клубы воздуха врываются в открытую форточку. Расстегнув китель, утомленно зажмурив глаза, подполковник милиции Турушев задумчиво ерошил волосы. Только что закончилось партийное собрание управления. Вопрос стоял не новый, но насущный: авангардная роль коммунистов в борьбе с уголовной преступностью. Всякие были выступления — розовые картины полного благополучия, жалобы и оправдания, попытки серьезно и беспристрастно проанализировать неудачи... Но особенно затронуло Турушева выступление лейтенанта Тарасова. Что он о нем знает? Высокий, сухощавый, очень подвижный парень. В ряде дел проявил смекалку и был поощрен руководством управления. На собраниях и совещаниях выступает редко, но запальчиво. Вот и сегодня, раскрасневшийся, сверкая черными глазами, Тарасов убежденно и резко говорил:

— Почему не дают дорогу молодым работникам? Почему люди, прослужившие три-четыре года в милиции, все еще считаются не готовыми к серьезной работе и их опекают «старички», не давая шагу ступить самостоятельно, думая, что сложные дела по плечу только старым кадрам?..

За запальчивостью молодости и желанием немедленно свернуть горы, подполковник углядел в молодом офицере нечто большее.

— А ведь он толковый парень. Надо к нему приглядеться... — скрип двери вывел Турушева из задумчивости.

— Разрешите доложить, товарищ подполковник, — лицо дежурного по управлению было озабочено. — Только что получено сообщение из Благодарного: ездовой Сотниковского почтового отделения связи Кушев, выехавший пятого января в 12 часов на параконной повозке с грузом посылок, писем и денег, к месту назначения не прибыл. Обратно вернулась одна лишь из двух его лошадей, без повозки и сбруи.

— Оставьте мне эту телефонограмму. Сейчас решим, что делать.

Подполковник вызвал лейтенанта Тарасова и показал телефонограмму. Потом сказал:

— Вот так-то, Виктор Васильевич, сегодня же выезжайте. По любому вопросу, если будет нужна помощь, советуйтесь. Ясно все?

— Ясно, — ответил Тарасов.

Он позвонил домой жене и сообщил, что выезжает в командировку. Та тяжело вздохнула. Но что поделаешь, если личную жизнь работников уголовного розыска определяют законы фронтовой необходимости. Кто может знать, когда и на каком участке произойдет вражеская вылазка и обнаружится преступление? Какие формы примет борьба с преступником?

* * *

На предельной скорости милицейский «газик» мчался по улице краевого центра. Кроме шофера и оперативного сотрудника Тарасова, в нем сидел старший лейтенант милиции Александров — начальник научно-технического отдела управления.

За разговорами не заметили, как проскочили Грачевку, Петровское (ныне Светлоград). Погода стала портиться. Ветер с силой ударял то каплями дождя, то мокрым снегом по ветровому стеклу машины. Шофер почти лег на баранку, высматривая дорогу.

— Ну и погода, — заметил Александров, глубже натягивая на уши цигейковую шапку.

— Очень некстати, — ответил Тарасов. — Очень! Следы забьет, тогда ищи ветра в поле.

Наконец замелькали разрозненные гирлянды огней.

— Приехали, — сказал шофер, обернувшись к Тарасову и Александрову, которые сидели сзади.

Машина, разбрызгивая липкую грязь, резко затор-

мозила под черепичной крышей. На потемневшей от времени доске, выхваченной из тьмы лучами фар, можно было без труда прочесть: «Сотниковский сельский совет».

Первым из машины легко выскочил Тарасов, за ним — Александров. Они направились прямо в сельсовет. Увидя приехавших, заместитель начальника районного отдела милиции по оперативной части Коротков вскочил, поприветствовал вошедших:

— Здравия желаю, товарищи! Хорошо, что вы приехали.

— Хорошего, видимо, мало, — ответил Тарасов. — Придется нам, наверное, поработать, и крепко, если ничего не изменится в лучшую сторону.

После обмена приветствиями с работниками райпрокуратуры Густовым и Водолажским, сотрудником местной милиции Чернявским Тарасов и Александров попросили ввести их в курс дела, подробнее рассказать о случившемся.

— Кроме того, что вы уже знаете, — начал капитан Коротков, — можно добавить следующее: вечером нашла вторая лошадь из той упряжки. Ко двору конторы связи она пришла сама и без уздечки. Вся мокрая, в грязи. Мы звонили в Бурлацкое, оттуда нам ответили, что ездового у них не было. Чтобы выяснить, что же произошло и где находится повозка, мы направили двух сотрудников милиции по маршруту следования почты. К выполнению задания они приступили вечером.

— Решение правильное, — одобрил Тарасов. — Теперь будем ждать сообщений.

На второй день рано утром работники милиции доложили по команде, что повозка с почтой находится в степи, далеко от села, денег в ней не обнаружено. На месте происшествия оставлена охрана. Деньги в сумме четырнадцать тысяч рублей (в старом исчислении), которые вез ездовой, похищены.

* * *

Две машины, в которых находились работники милиции, прокуратуры и понятые, мчались к месту происшествия. Проехали от Сотниковского в сторону Бурлацкого по грейдеру примерно шесть километров.

Дальше от дороги до повозки пришлось двигаться около двух километров пешком.

Насколько спешили они к месту события, настолько неспешно продельывали последующую работу. Теперь нужна была не быстрота, а качество. Оперативные сотрудники осматривали детально каждую пядь земли.

Осмотр места преступления — в какой-то мере ключ к разгадке происшедшей трагедии.

Что же случилось в тот день в степи? Кто был участником или свидетелем разыгравшейся трагедии?

Пока живых свидетелей нет. Но есть свидетели неодушевленные — вещи, предметы, следы преступника.

Первым, как и всегда в таких случаях, приступил к делу криминалист Александров. Место происшествия было многократно сфотографировано — и общим планом, и во всех деталях, так, чтобы впоследствии можно было восстановить полную картину не только для тех, кто побывал здесь, но и для того, кто будет рассматривать уголовное дело.

Повозка находилась за нежилым помещением полевого стана и со стороны дороги была совершенно не видна. Возле нее валялись два хомута, постромки и вожжи, а внутри повозки лежали посылки и мешки с письмами, некоторые из них были вскрыты.

На брезенте, накрывающем повозку, обнаружены сгустки крови. Большая лужа крови осталась и на земле.

Напрашивается вопрос: каким путем повозка прибыла на полевой стан и в каком направлении двигалась от нее распряженные лошади? Разрешить его мешал падающий снег. Он засыпал все следы. Но люди упорно, неторопливо, придирчиво продолжали осмотр.

Вдруг раздался взволнованный возглас оперативного сотрудника Чернявского:

— Товарищи, смотрите, какая находка! — Он стоял в бричке и показывал на металлический портсигар, обнаруженный среди посылок и мешков с письмами.

— А в нем что? — спросил кто-то.

— Пустой. Ага, вот что-то на крышке нацарапано... Буквы «А» и «С». Видимо, это инициалы.

— При составлении протокола осмотра места происшествия в список вещественных доказательств надо

обязательно включить и портсигар, — сказал Тарасов.

По еле заметным и вскоре затерявшимся в степи следам копыт лошадей работникам милиции все же удалось установить то, что лошади ушли в сторону села Сотниковского, откуда утром пятого января выехал ездовой.

Успешным оказался осмотр и следов повозки, которые в конце-концов удалось разглядеть. Следы оказались глубокими. Это позволило оперативной группе проследить движение повозки на большом расстоянии.

В трехстах метрах отсюда нашли прорезиненный плащ со следами крови. Судя по характеру следов, лошади в этом месте бежали быстро. Плащ, видимо, был выброшен или упал с повозки во время езды.

Пройдя около километра, работники милиции наткнулись на место, где повозка, вероятно, останавливалась. Видны были следы человека. По ним определили, что неизвестный прошел короткое расстояние в сторону молодой лесополосы и возвратился к повозке.

— С какой целью понадобилось останавливать повозку? — задумчиво произнес сотрудник угрозыска Чернявский.

— Вот именно, — это место надо тщательно осмотреть, — заключил Тарасов.

Их внимание привлек едва заметный холмик земли, запорошенный снегом. Поскольку дорожка следов заканчивалась около этого холмика, было решено раскопать его. И подтвердились самые худшие опасения.

Вначале из-под земли показалась почтовая сумка, а затем в яме на глубине семидесяти сантиметров увидели труп ездового Кущева. На его голове виднелись две раны.

— Теперь слово за вами, Евгения Васильевна, — сказал прокурор Густов, обращаясь к судебному медицинскому эксперту Василенко.

Выполнением своих обязанностей занимался и следователь прокуратуры Водолажский. Роли были распределены таким образом: эксперт исследовала труп, а следователь в присутствии понятых составлял протокол осмотра места происшествия. Вместе с криминалистом Александровым осматривал каждый сантиметр почвы, повозки, стремясь ничего не упустить, все зафиксировать, внести в протокол.

После фотографирования Александров попытался освободить из-под снега следы, оставленные преступником на грунте. С помощью паяльной лампы он решил растопить снег в углублениях. Но сильный ветер и метель помешали ему осуществить свое намерение. Было решено отложить это дело до завтра. Следы для защиты от падающего снега прикрыли соломой.

Судебно-медицинский эксперт, наконец, закончила осмотр убитого тела и приступила к выводам:

— Удары опытного бандита — по голове. Одна рана с проломом черепа на лбу, другая — у правого уха. Удары тупым или тупоугловатым орудием круглой формы, нанесенные с большой силой. Можно предположить, что первый удар был справа сзади в то время, когда потерпевший сидел на бричке, второй — после.

Остановившись на мгновение, словно проверив себя, она убежденно заключила:

— Смерть наступила между тринадцатую и четырнадцатую часами пятого января. Следов борьбы на трупе не обнаружено..

Пока продолжался осмотр места происшествия, прокурор и работники милиции, расположившись в стороне, горячо обсуждали различные версии убийства. Густов, вдумчивый, с неторопливыми движениями человек, поправив шапку-ушанку, сказал, обращаясь к собравшимся.

— Надо решить, с чего начать розыск. На какой версии остановиться, за какое звено взяться, по какому следу идти. У кого какие соображения? Планы? Докладывайте.

За какое звено взяться, по какому следу пойти?.. Версий, соображений и предположений и у Тарасова, и у Александрова, и у Короткова, и у Чернявского, и у других членов группы возникло порядком. А надо было отобрать самые близкие к истине, чтобы не потерять времени зря, чтобы не уйти ложными тропами в сторону, не дать преступнику возможности скрыться, замести следы.

В конце концов оформились такие версии об убийстве и ограблении ездового. Первая — Кушев убит и ограблен кем-либо из уголовников, встретивших его на дороге. Вторая — убит кем-то из пассажиров, которых ездовой согласился подвезти.

В обсуждении версий принимали участие председатель сельского Совета Чалый и начальник отделения связи Кравченко, присутствовавшие в качестве понятых. Кравченко возражал против второй версии, доказывая, что по правилам перевозки почты ездовой не имел права сажать к себе никого из посторонних. Кущев, будучи дисциплинированным работником, допустить нарушение не мог.

Все это было так. Но ведь удар ездовому был нанесен по голове, перпендикулярно виску. На основании этого можно предположить, что удар в висок был нанесен сзади. Если убийца находился сбоку или впереди потерпевшего, он не мог бы нанести удар правой рукой в правый висок под прямым углом. Удар в обоих случаях пришелся бы под острым углом к виску, и четкого, имеющего ровные края отпечатка орудия не получилось бы.

Следы крови говорили о том, что ездовой был убит в кузове повозки. Вот почему более подходила вторая версия.

А портсигар, обнаруженный в бричке? Кому он принадлежит? Кущеву или тому, кто ехал с ним?

Начальник отделения связи Кравченко сразу же заявил, что портсигара у Кущева быть не могло, так как он некурящий. К тому же и инициалы не его.

— Не исключена возможность, — сказал капитан Коротков, — что портсигар обронил именно тот, кто ехал с Кущевым?

— Верно, так что, товарищи, надо работать и в этом направлении, — поддержал капитана Тарасов.

Начальник отделения связи и председатель сельсовета дали Кущеву самую хорошую характеристику. Это же подтвердили потом и на производстве. Активный общественник, комсомолец. С работой справляется успешно. Ни с кем не ссорился, спиртным не увлекался, вел себя очень скромно и доброжелательно, всегда готов был поделиться с другими тем, что имеет.

Нет. Причиной нарушения служебного долга, стоившего ему жизни, было что-то другое. Может быть, родственные или товарищеские связи с человеком, которого он согласился подвезти? Это суживало пределы поисков.

Осмотр места происшествия подходил к концу.

— Ну что ж, товарищи, гадать не будем, надо действовать, искать преступника. — Тарасов начал звонить в управление.

Поиски убийцы начались. После предположений о возможном круге лиц, знающих преступника, работники милиции получили конкретные задания и сразу же приступили к их выполнению.

Два сотрудника милиции — участковые инспектора Федорищев и Самойленко — были направлены в села Спасское и Бурлацкое с той целью, чтобы установить, кто из жителей этих сел в день убийства ходил или ездил в Сотниковское или возвращался домой через это село, и не довелось ли им видеть почтовую повозку.

Офицеры управления внутренних дел Александров и Тарасов, райотдела милиции — Коротков, Чернявский и Уваров работали в селе Сотниковском. В их задачу входило выяснить обстоятельства, при которых отправлялась почта, выявить людей, видевших Кущева, ехавшего по селу. Шире собрать данные о его образе жизни, знакомых.

Работники милиции вместе с активистами начали обход дома за домом, квартиры за квартирой. Только так можно собрать хоть сколько-нибудь полезную информацию, которая может стать важной для следствия.

Дело очень усложняло то обстоятельство, что личность и жилище советского гражданина неприкосновенны. Нужно было проявить немало такта, умения, деликатности, чтобы никого не обидеть, не набросить тени на честного человека.

Но большинство наших людей нетерпимо относится к тем, кто творит зло, попирает нормы общества. А уж к вырождакам, вроде того, что убил Кущева, и подавно! Каждый считает своим долгом помочь найти его. В жизни нашей известно немало случаев, когда именно простые мирные люди помогали работникам милиции раскрывать самые сложные, самые запутанные преступления.

Вот почему оперативники и участковые инспектора смело шли в квартиры, вступали в разговоры с жителями, просили их о помощи.

Следователь прокуратуры Водолажский достал из

стола новую картонную папку, крупными жирными буквами написал на обложке: «Дело №...». Подшил первые документы следствия.

— Ну, Василий Павлович,— обратился Водолажский к заместителю начальника милиции Короткову.— Что нам уже известно?

— Ничего... Вернее, не больше чем в самом начале.

— А свидетели?

— В том-то и дело, что свидетелей почти нет. А те, которых мы опросили, даже ниточки нам не дали.

— Да, ты прав. Давайте-ка, еще раз взглянем на их показания,— он открыл папку и принялся просматривать страницы, словно пытаясь найти в них ответ на долго мучившие его вопросы. Вот они, скупые строчки показаний:

Р. Штефан, колхозница: 5 января вместе с другими колхозниками я возила на мельницу зерно. Домой возвращалась пешком. Примерно в третьем часу видела граждан, идущих по грейдеру в Сотниковское. Сколько было их и кто эти люди, я не знаю...

А. Халяев, плотник: В порядке очередности 5 января я пас индивидуальных овец. В начале 16 часов, пересекая грейдер, обратил внимание на бричку, идущую в Сотниковское. В ней было несколько человек.

Андрей Иванович Водолажский захлопнул папку.

— Да-а... Ни одного намека, но ясно одно, что надо больше работать с людьми, они должны нам помочь.

Вечером участники оперативной группы сидели в помещении сельсовета, который по существу стал штабом расследования убийства.

— Который час, Генрих Арсентьевич?— спросил Коротков.

Густов, возглавляющий оперативную группу, мельком взглянул на часы:

— Половина одиннадцатого, а что?

— Да ничего. Просто по всем законам не мешало бы поужинать.

— Исключено,— возразил Густов.— Ни один из нас не выйдет из этой комнаты, пока не составим план расследования.

Они склонились над бумагами. Виктор Васильевич Тарасов писал план оперативных мероприятий. Он получился невелик по объему — всего две с половиной

страницы. Но страницы эти вместили в себя огромную работу, которую предстояло сделать.

Каждый пункт требовал продолжения встреч с людьми, проверки многих обстоятельств, деталей, скрупулезного сопоставления фактов, слухов, предположений.

— Бесспорно, — проговорил Густов, стряхивая пепел с папиросы после крепкой затяжки, — кто-нибудь обязательно видел, как ехал Кущев по улице Красной. Надо продолжать эту работу. Далее, судя по размерам ямы и особенностям ее краев, она была вырыта металлической лопатой.

— И, значит, надо искать тех, кто давал лопату, — вставил Тарасов.

— Верно, — подтвердил Густов. — С этого и начнем.

Но начать пришлось с другого. Не успели участники оперативной группы утром переступить порог Совета, как навстречу им выбежал участковый инспектор Федорищев.

— Что случилось? — встревожился Тарасов.

— Пойдемте быстрее в комнату.

Когда все уселись, участковый доложил:

— Этой ночью совершен налет на магазин Сотниковского сельпо. Сторожа избили и обезоружили, магазин ограбили.

Густов тяжело поднялся из-за стола, кашлянул и распорядился:

— Виктор Васильевич, вы с участковым и следователем Гринштейном отправляйтесь сейчас туда. Надо выяснить, возможно, убийство почтальона и ограбление магазина — дело рук одной шайки. Остальным работать по намеченному плану.

Через несколько минут были на месте происшествия. Начали с вопроса к сторожу:

— Расскажите-ка, как было дело?

Тот уже пришел в себя. Начал рассказывать. Получалось, что грабителей было трое. Все — не местные жители. Напали на старика, когда тот вышел из сторожки. От побоев он потерял сознание, а тем временем незванные гости через крышу проникли в магазин...

Слушал Тарасов со вниманием, но каким-то внутренним чутьем улавливал неправду. Чего-то сторож недоговаривал, что-то путал.

Сомнение усилилось после осмотра места происшествия. В крыше магазина — огромная дыра. Таковую скоро не пробыешь. Либо сторож отлучался с поста, либо спал. И еще. Он говорит, кричал. Но ведь его крик должны бы услышать люди?

«Ладно. Правду ли сказал сторож, выяснится позже. Пока его надо отправить в больницу. Подвода вон наготове. Сейчас важнее ответить на вопрос: откуда преступники? Издалека вряд ли, — рассуждал Тарасов. — Не та погода». С его мнением согласились следователь и участковый.

— Надо поискать их здесь, поговорить с людьми, особенно с активистами-бригадильцами. Давайте так, — обратился Тарасов к участковому, — вы начнете с одного края села, а я — с другого. Следователь будет заканчивать осмотр места происшествия. Пошли...

Путь на другой конец села оказался длинным. Меряя шагами улицу, Тарасов о многом успел передумать. Вспомнил почему-то вот такое же неуютное утро и секретаря Труновского райкома комсомола: «Райком рекомендует вас в органы милиции. Как вы на это смотрите?»

Секретарь райкома, конечно, и не подозревал, что сделанное им предложение отвечает давнишней мечте юноши. Еще в школе Виктор как-то раздобыл «Записки следователя» Льва Шейнина, увлеченно прочитал их и подумал: «Вот мне бы так!..» Он многое мог бы тогда сказать секретарю, но произнес всего одно слово:

— Согласен.

Его приняли на работу в уголовный розыск краевого управления внутренних дел и послали в Ленинградскую школу милиции. Окончив учебу, он снова вернулся в угрозыск управления.

С первых дней службы молодой сотрудник убедился, что противник, с которым ему приходится иметь дело, это чаще всего не отчаянный головорез, идущий на тебя в открытую с ножом или с пистолетом. С таким, слов нет, встретиться опасно. Но с ним проще — борьба тут в открытую. Куда сложнее с врагом замаскированным, прячущим свои следы. Вспомнил Тарасов один случай. Рано утром в Апанасенковский отдел милиции пришел человек. Его постигло страшное горе: придя домой с работы, он нашел свою жену мертвой.

Тарасов, находившийся здесь в служебной командировке, вместе с участковым инспектором и заявителем отправился на место происшествия. Осмотрев квартиру и тело, лежавшее в луже крови, он стал анализировать обстановку. Казалось, ничто не ускользнуло от его внимания, но ответа на вопрос, кем могла быть убита женщина, он долго не мог найти. Немало версий перебрал, лишь до одной не додумался. И разве могла прийти в голову мысль, что убийца стоит рядом, льет слезы, ломает в отчаянии руки!

Помогли люди. Одна из соседок сказала:

— Не любил он свою жену, издевался над ней пьяный. Только все делал тихо. Его и прозвали Тихим. Однажды он так и заявил: «Все равно я тебя с дороги уберу, а другую, красивую, приведу».

Тарасов решил это проверить. И вот через какое-то время заявитель на допросе сознался в содеянном.

Тогда народ помог расследовать нелегкий случай. И сейчас Тарасов шел за советом к людям. Первым делом он решил зайти к бригадиру-бригадмилцу Витохину, участковый инспектор дал его домашний адрес.

Витохин рассказал, что вчера поздно вечером видел, как трое каких-то подвыпивших парней затевали драку. Правда, они вскоре уgomонились и куда-то исчезли.

Это сообщение заслуживало внимания.

Сигнал проверили. Нашли и задержали по подозрению в краже трех парней. Произвели обыск, у одного из них в сарае была обнаружена часть похищенного. Остальное, в том числе и ружье сторожа, нашли в скирде соломы.

На допросе преступники признали свою вину. Дело было так. В январскую полночь все трое подошли к магазину. Сторож спокойно спал в каморке. Прodelав дыру в крыше, они проникли внутрь помещения. Набрали в мешки разного товара и вдруг услышали скрип дверей. Это проснувшийся сторож вышел из сторожки. Увидев следы на снегу, он забеспокоился и побежал к магазину. Двое из преступников набросились на него. Старик начал было кричать, но грабители заткнули ему рот кляпом...

В штабе розыска — очередное совещание. Идет ко-

роткий деловой профессиональный разговор. Сообщение о первых открытиях на трудном пути к истине. Уточнение обстоятельств. Критическая оценка наблюдений.

Руководитель оперативной группы прокурор Густов сидел за столом — чисто выбритый, свежий, с хорошо повязанным галстуком и если б не покрасневшие веки, можно было бы подумать, что он хорошо отдохнул, выспался и теперь находится в самом благодушном настроении. Полному выражению благодушия и довольства мешали только его глаза, устало и, кажется, безучастно поглядывающие вокруг. Однако это впечатление было обманчивым: кажущаяся безучастность взгляда означала у прокурора высшую степень внимательности, ни одной посторонней мысли, кроме главной.

Слева от Густова за узким ветхим столиком разместился лейтенант Чернявский. Его лицо, обычно безмятежное, было сегодня напряженным и расстроенным. Незадолго до совещания он побывал в коллективе, где работал Кушев, потом на квартире убитого. Маленький домик на улице Пролетарской, 137, захлестнуло горе. Приходили и уходили соседи со скорбными лицами.

Сейчас эта картина снова и снова вставала перед глазами, мешая сосредоточиться. В ушах бился надтреснутый голос матери убитого:

— Коленька в этот день встал рано. Часов в шесть убрал в коровнике, я тоже поднялась, разогрела ему завтрак. Сказала: «Приехал бы пораньше сегодня. В баню сходишь». «Ладно, мам, постараюсь». И вот — не приехал...

Докладывал старший лейтенант милиции Ковязин. Он говорил быстро, немного волнуясь, то и дело покашливал:

— Мною через общественность установлено, что плотник колхоза Анатолий Соловьев, в прошлом судимый за грабеж, в день убийства ехал с Кушевым. Но его сейчас ни дома, ни на работе нет.

— Не сбежал ли? — сказал кто-то.

— Смотрите, и инициалы на портсигаре подходят: «А» и «С» — Анатолий Соловьев, — вставил участковый инспектор, лейтенант милиции Самойленко.

— Вообще-то, есть над чем поразмыслить,— сказал Чернявский.— Какое совпадение: в прошлом судимый, ехал на бричке с Кушевым и что характерно — сходные инициалы на портсигаре, обнаруженном на месте убийства.

— Да-а,— многозначительно протянул Густов.— Надо все это уточнить и тщательно проверить.

— Позвольте, вы что же, Генрих Арсентьевич, при наличии таких улик сомневаетесь в его виновности? — горячился Ковязин.

— Заманчиво, весьма заманчиво, но...

— Да, да,— с жаром воскликнул старший лейтенант,— только он! Располагая такими вескими доказательствами, мы можем приниматься за Соловьева. Все против него — судим за грабёж, портсигар с инициалами и... ехал с Кушевым. Вы спросите, на какой почве совершено убийство? Надо полагать, по причине грабежа. На этот счет нами выдвинута и версия. Так что тут все ясно. И раздумывать нечего. Надо задерживать.

— Что же, в спорах рождается истина,— задержание Соловьева поручается вам, товарищ Ковязин.

— А как у вас дела, Александр Сергеевич? — обращаясь к криминалисту, спросил Густов.

— Сейчас доложу, Генрих Арсентьевич. Вновь была сделана попытка освободить следы от покрывшего их снега. Но долго не удавалось получить хорошие результаты. От тепла паяльной лампы не только таял снег, но и деформировались следы. Наконец, удалось получить желаемый результат. Судя по форме следов, убийца был обут в резиновые сапоги.

— Хорошо. И это пригодится...

В который раз Тарасов листал собранные в папке материалы, но многочисленные протоколы опросов не давали существенной зацепки. В деле об убийстве пока сдвигов не было. «Может быть, задержание Соловьева прольет свет?» — размышлял он, сидя в кабинете сельсовета.

Уже половина двенадцатого ночи. За окном буйствует ветер. Вырываясь из балки села, он гонит по улицам поземку, гремит железом крыш, тонко свистит в ветвях. Стекло мелко дребезжит, сквозь щелки, где отвалилась замазка, в кабинет струится холод. Тарасов

зябко повел плечами, встал и начал прохаживаться.

Потом он надел шинель, шапку-ушанку и вышел на улицу. Вокруг было темно. Постояв немного, он собрался уже идти в гостиницу, как вдруг чьи-то хрусткие шаги прозвучали очень громко, хотя человек был еще далеко. Через минуту Тарасов увидел в светлом кругу от фонаря высокую фигуру старшего лейтенанта Ковязина, а рядом с ним — неизвестного человека.

— Это самый Анатолий Соловьев, — доложил старший лейтенант. — К соседу на день рождения был приглашен. Куда его?

— Придется сдать под охрану, а уж завтра будем вести разговор, — сказал Тарасов. — Сейчас время позднее...

Осмотр одежды задержанного производился в присутствии понятых.

На фуфайке и брюках работники милиции обнаружили несколько пятен буроватого цвета, напоминающие засохшие брызги крови. Вещи были изъяты для установления принадлежности крови.

Соловьев в течение всей этой операции не проронил ни слова, только бегавшие потемневшие глаза выдавали его внутреннюю напряженность и беспокойство. Когда Водолажский, начиная допрос, предупредил задержанного об ответственности за дачу ложных показаний и разъяснил статью уголовного кодекса, тот хрипло спросил:

— Хочу знать, в чем дело? Почему меня задержали?

— Вам лучше знать, почему. Расскажите по порядку все о себе, о том, чем занимаетесь, — начал следователь Водолажский.

Выяснив все необходимое, Андрей Иванович Водолажский задал следующий вопрос:

— Расскажите, когда вы видели Кущева и что между вами произошло?

— Ничего между нами не могло быть, так как я находился с ним в нормальных отношениях. Это был хороший, тихий парень. Видел его пятого января. Не помню точно, сколько было времени, но, кажется, начало двенадцатого. Я шел на перерыв немного раньше обычного. Это потому, что моя жена сейчас ходит последние дни беременная. Я... в общем, присматриваю за нею.

По дороге хотел закурить, достал из кармана брюк портсигар, но он был пустой. Мимо проезжал Николай Кущев. Я спросил у него: «Курево есть?» «Давно не курю и тебе не советую», — ответил он.

— И все?

— Да, все.

— Так ли, гражданин Соловьев? Пора бы вам честно рассказать правду. Ведь это вы убили Кущева!

— Вы что? Я — убил?! — Соловьев покачнулся, на лбу выступила испарина: — Вот оно, в чем дело, теперь мне понятно, почему задержали. Вы решили повесить мне убийство? Знаю... был грех. Судили меня за грабеж, так это ж... Но теперь — все, со старым покончено. Я хочу жить, как все — по-порядочному.

— А как понимать, что ваш портсигар оказался на месте убийства?

— Портсигар? — Вопрос не сразу дошел до его сознания. — Он разве у вас? — Как же это?.. А я его все дни искал, думал, что где-то дома затерялся.

— Вот именно, как же он очутился на месте происшествия, на дне брички? Может быть, припомните? Вот этот портсигар. Ваш?

— Да, мой, — Соловьев старался вспомнить все до мельчайшей детали, что было в момент встречи с Кущевым 5 января. — Припоминаю. Кущев ехал медленно. После его ответа: «Давно не курю», мне почему-то вдруг захотелось с ним проехать, и я на ходу сел в бричку. Николай еще меня предупредил: «Смотри не подави посылки».

Проехав немного, я слез и пошел домой. Видно, в то время, когда я ехал, портсигар и выпал из кармана.

Час, другой, третий продолжался этот нелегкий разговор. Следователь, внимательно следивший за выражением лица подозреваемого, тихо задал последний вопрос:

— Откуда кровь на вашей фуфайке и брюках?

— Кровь? Какая кровь? Не знаю. Я ничего не знаю! — Соловьев дико уставился на сверток с вещами, приготовленный на исследование, — это не кровь, это... Ах, да, вспомнил. Вот дурень!.. Это куриная кровь. Жинка попросила курицу зарезать. Захотелось ей супу из домашней лапши, вот я и...

— Ну, на сегодня хватит. Советую вам подумать и

не тянуть волюнку,— следовательно отвернулся к окну и забарабанил пальцами по стеклу.

Как только Соловьева увели, к следователю вошли Густов и Тарасов.

— Ну, как идет допрос?— спросил прокурор.

Водолажский тяжело вздохнул:

— Все отрицает.

— Одежду его отправили в Ставрополь?

— Да, сегодня,— за следователя ответил Тарасов.

— Не дожидаясь исхода экспертизы, Виктор Васильевич, надо, чтобы оперативный состав и участковые продолжали работу по этому делу.

— Мы, Генрих Арсентьевич, собственно, и не прекращали ее. Все работают.

Ничего положительного не дал и второй допрос. Соловьев охотно рассказывал о себе, о своей жизни, но как только речь заходила об убийстве, взгляд его становился сухим и враждебным, и он резко, почти истерично начинал все отрицать.

Водолажский был недоволен. Допрос подозреваемого не оправдал ожиданий легкой победы. «Если кровь не убитого, тогда чья?» — думал Андрей Иванович.

Размышления следователя нарушил вошедший Ковязин:

— Ну, как, Андрей Иванович, наш «крестник»?

Тот сердито бросил:

— Ничего путного.

— Я всем своим нутром, верней интуитивно чувствую, что он к этому делу причастен.

Водолажский подошел к нему ближе:

— Интуиция — это не совсем надежно! Мы с вами, как люди, как работники административных органов, расследуя любое дело, обязаны выяснить все «за» и все «против». Не на интуиции основываясь, а на фактах. А поэтому,— Водолажский перешел на официальный тон,— предлагаю вам, товарищ старший лейтенант, во-первых, познакомиться с протоколами допросов Соловьева. Во-вторых, установить, какой образ жизни он вел, с кем был связан. Необходимо также проверить через жену правдоподобность сказанного им: действительно ли резал он дома курицу...

Пока Ковязин занимался проверкой, следователь

снова вызвал Соловьева на допрос. Отвечал он не спеша, вполголоса.

Водолажский внимательно наблюдал за ним, стараясь разгадать истинные его мысли и чувства. Виноват или не виноват?

Соловьев отвечал односложно:

— Я не виноват! Не убивал его, клянусь, не убивал!..

Вскоре из краевого управления внутренних дел пришел ответ, в котором сообщалось: «Проведенной биологической экспертизой установлено, что кровь, обнаруженная на одежде Соловьева, принадлежит птице...»

А поиски продолжались...

Разгоряченный быстрой ходьбой, участковый инспектор старший лейтенант милиции Петр Иванович Уваров вошел в кабинет Густова. Его красное чистое лицо с нахмуренными черными бровями плохо скрывало бьющее наружу волнение.

Плотно сжатые губы Густова дрогнули в теплой усмешке. Ну, конечно, Уваров узнал что-то новое.

— Докладывайте, — сказал Генрих Арсентьевич.

— Сегодня я разговаривал с девушкой, она работает в конторе «Заготскота», Анастасия Позигунова. И вот что Тася рассказала. Она видела Кущева на повозке 5 января примерно около двенадцати часов. Вместе с ним ехал парень, работающий на почте линейным надсмотрщиком. Фамилия этого парня ей неизвестна, но знает, что зовут его Иваном. Сам он не местный, в селе появился недавно.

— Вы ее допросили? — спросил Густов.

— Допросил, Генрих Арсентьевич, — подавая ему протокол, сказал Уваров.

На секунду в больших голубых глазах прокурора мелькнула веселая улыбка:

— Молодец! — похвально отозвался прокурор.

Интересные сообщения получили в процессе кропотливой работы капитан Коротков и лейтенант Тарасов. Они допросили колхозницу Марию Вихляеву и библиотекаря Александру Шведуненко, которые рассказали, что в день убийства видели повозку Кущева. Вот их показания:

М. Вихляева: В четверг, 5 января, я возвращалась из Сотниковского в Спасское, где была в больнице, на-

вещала больного сына. Домой шла пешком. Все время по грейдеру, думала, что встречу попутную бричку. Пройдя примерно три километра, я увидела, как со стороны Сотниковского показалась подвода. В ней сидели два парня. Я попросила подвезти, один из них, который сидел сзади, ответил: «Видишь, некуда, мы с грузом».

Оба мне не знакомы. Вскоре меня догнала девушка и спросила: «Что, не взяли?» Я ей ответила: «Да». Потом она снова ко мне: «Который час?» Я посмотрела на часы: «Ровно час».

А. Шведуненко: Погостив в Спасском у своих родных, 5 января я возвращалась домой в Сотниковское. Когда прошла свиноферму, встретила пароконную подводу. На ней было два парня, одного из них я видела в отделении связи...

Все три протокола лежали на столе у прокурора. Каждый из них он прочитал по несколько раз, стараясь глубже вникнуть в содержание.

В кабинете сидели Александров, Тарасов, Коротков и Водолажский.

— Сообщения, безусловно, интересные, — вдруг нарушил молчание Густов. — Необходимо, не теряя времени, выяснить, что он за тип, этот Иван.

И вскоре было установлено: вторым в повозке ехал Иван Махинько. Он — единственный Иван среди работников почты и не местный житель.

Махинько задержали по подозрению. Но одно дело — подозрение, догадки... И совсем другое — стройный ряд неопровержимых доказательств, которые ложатся в основу обвинительного заключения. Этот «ряд» предстояло еще выстроить. Ведь смешно было бы предполагать, что задержанный Махинько сразу после ареста заговорит. Надо было проделать большую работу, чтобы картина стала предельно ясной, независимо от того, захочет ли говорить Махинько, признает или не признает он свою вину. Но пока он подозреваемый...

Задержанного ввели в комнату к Тарасову. Брови Махинько были нахмурены, губы плотно сжаты.

Тарасов кивком показал ему на стул, положил перед собой чистый бланк.

Махинько сел, снял шапку, и, ожидая, пока ему

объяснят, для чего его привели сюда, оглядел пустоватую комнату с двумя письменными столами и почти голыми стенами.

— Фамилия?

— Махинько, — хрипловато сказал он. — Я же говорил...

— Имя, отчество?

— Иван... Иван Прокофьевич.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот двадцать пятый.

— Социальное положение?

— Рабочий, линейный надсмотрщик.

Заполнив четким ровным почерком первую страницу, Тарасов протянул бланк:

— Распишитесь.

— Это зачем? — впервые в голосе Махинько прозвучала тревога. Он, казалось, охрип еще больше.

— Давайте договоримся, — сухо предупредил Тарасов, — вопросы здесь задаю я!

Махинько, не читая, старательно расписался, вытер рукой внезапно вспотевший лоб и неуверенно спросил:

— Курить можно?

— Курите, — подтолкнул лейтенант коробку папирос.

— Я уж свои, — успокаиваясь, совсем по-домашнему сказал Махинько. — Привык к своим.

Тарасов продолжал смотреть на Махинько, изучая его невыразительное лицо, тяжелый цепкий взгляд маленьких глаз.

Да, переживаниями себя этот человек, по-видимому, не отягощает.

— Скажите, Махинько, — начал допрос Тарасов, сколько времени вы здесь живете?

На лице Махинько появилось недоумение.

— Как сколько? — ответил он, — не очень много... Четыре месяца.

— Откуда прибыли?

— Из Кировоградской области.

— Вспомните, пожалуйста, что вы делали пятого января и куда ездили?

— Я... я работал.

Тарасов встал из-за стола и подошел вплотную к Махинько. Тот сидел прямо, будто проглотил аршин

— Расскажите все подробно: какую работу выполняли в этот день, с кем и куда ездили?

— Сейчас расскажу все, как было. Значит, пятого января утром я получил от техника Шевцова указание проверить линию радиосети на Советской улице. Исправить повреждения, если они будут. При проверке линии я увидел, что накануне трактором были повалены два столба. В двенадцать часов пошел на Красную улицу, чтобы найти там техника и попросить, что делать дальше. По пути встретил ездового Кущева. Он вез почту. Взяв у девушки лопату, я доехал на почтовой повозке до конца Красной, а там пешком добрался до Советской и поправил поврежденные столбы. После обеда, часа в три я вернулся на почту...

О показаниях Махинько лейтенант Тарасов доложил Густову.

— Подозреваемый выдвинул свое алиби, — проговорил Генрих Арсентьевич, — которое надо немедленно проверить. И это сделаете вы, Андрей Иванович, — обращаясь к Водолажскому, — сказал Густов.

Следователю поручалось выяснить, было ли Махинько дано задание, чтоб он выполнил работу по восстановлению столбов, ремонтировал ли тот столбы 5 января и в котором часу вернулся в контору связи.

Был допрошен техник почтового отделения связи Шевцов. Он рассказал о том, что действительно давал задание Махинько проверить исправность радиосети на Советской улице. Но в тот день все столбы были исправны, и указаний об их ремонте Махинько не получал. Никакой необходимости идти в 12 часов на улицу Красную для получения новых указаний у него не было.

— Всегда, — объяснил Шевцов, — когда бывали случаи повреждения столбов, их восстанавливали несколько работников. — И, подумав, добавил: — После обеденного перерыва Махинько пришел в контору связи около трех часов. Да, вот еще — бледен он был и чем-то расстроен. От него пахло водкой. Когда я его спросил, в чем дело, он ответил, что плохо себя чувствует. Наверное, мол, и на работу завтра не выйдет.

Я ему ответил, что надо взять бюллетень, а сейчас пусть сходит с Носиковым на улицу Красную и исправит два обрыва.

Показания Шевцова подтвердил линейный надсмотрщик Носиков.

— Пятого января, — сказал он, — около пятнадцати часов Махинько пришел в контору. Он был слегка пьян. Получив от техника Шевцова задание, мы вышли на Красную улицу. По дороге Махинько предложил выпить по сто граммов водки. Я согласился...

Проверка показала, что никакого ремонта столбов Махинько утром того дня действительно не производил. Возникал вопрос: если только убийство совершил Махинько, то мог ли он физически в столь короткое время убить Кущева, взять деньги, закопать труп, укрыть повозку и вернуться в село? Ведь автомобильного движения по причине плохого состояния дорог в тот день не было.

Это обстоятельство давало участникам оперативной группы право подумать, что Махинько, убив Кущева, вернулся в село с деньгами верхом на лошади.

Работники милиции получили новое задание: усилить поиски лиц, которые могли в день убийства видеть всадника, ехавшего в Сотниковское из Бурлацкого.

Оставались еще кое-какие невыясненные вопросы. На месте происшествия, например, убийца был в резиновых сапогах, а на ногах Махинько во время его допроса видели кирзовые.

Дело осложнялось еще и тем, что на очной ставке Шведуненко не опознала среди предъявленных ей молодых мужчин Махинько, которого она видела 5 января в повозке Кущева.

Последнее время прошло в долгих напряженных поисках. В помощь милиции были мобилизованы опытные бригадмилыцы, общественные активисты.

Наконец были установлены два свидетеля, которые видели в день убийства неизвестного всадника, ехавшего в Сотниковское.

Один из свидетелей в тот день пас в степи овец и наблюдал, как неподалеку всадник в третьем часу проскакал на серой лошади, а не доезжая Сотниковского, свернул с дороги и поехал в направлении Советской улицы. Чувствовалось, что лошадь была усталой.

Второй свидетель оказался бывшим ездовым почтового отделения связи. Он тоже сообщил, что всадник скакал на серой лошади.

Оба свидетеля не знали, кто был верховым. Но их показания ставили под сомнение алиби Махинько.

О подозрительном поведении Махинько 5 января свидетельствовали и показания его сожительницы Фроловой:

— Иван всегда в двенадцать часов приходил домой на обед. А в этот день не пришел. Вечером явился выпившим, взволнованным, брюки были запачканы грязью...

Работники милиции, наконец, нашли и того, кто давал Махинько кирзовые сапоги — Балканского. Утром 6 января Махинько пришел к нему на работу и стал просить сапоги в обмен на свои резиновые. Когда Балканский спросил: «Зачем?», Маханько ответил, что едет в Благодарное, а сапоги резиновые, как-то неудобно, дескать, появляться в них в райцентре. К тому же они немного давят. Балканский сначала не хотел давать, а потом согласился:

— Бери, только на время.

Одновременно с допросами свидетелей оперативные работники произвели обыск на квартире Махинько. Здесь же присутствовал и прокурор Густов. Под кроватью лежал фибровый чемодан светло-желтого цвета. Кто-то спросил Тарасова:

— Вскрыть?

— Конечно.

При осмотре содержимого чемодана Тарасова очень заинтересовали найденные в нем опасная бритва «Золлинген» и часы «Победа».

— Генрих Арсентьевич, не те ли это вещи, которые указывались в ориентировке Минераловодской милиции? У них там в прошлом году произошло убийство. Этот случай я хорошо помню.

— Надо немедленно связаться с отделом и уточнить о каких вещах шла речь, — распорядился Густов.

Через десять минут капитан Коротков докладывал содержание ориентировки. В ней говорилось: «...похищены вещи, принадлежащие Васюку, убитому 2 ноября 1955 года:

1. Чемодан фибровый размером 60×35×20 светло-желтого цвета, с наборной ручкой из фибры такого же цвета с белыми металлическими угольниками, справа по верхнему краю крышки — из латуни желтого цвета. Внутри чемодан обклеен голубоватой бумагой.

2. Часы наручные марки «Победа» завода имени Кирова второго выпуска, на белом циферблате цифры черные, стрелки вороненые: Стекло часов возле цифры «3» имеет повреждение в виде точки с расходящимися от нее трещинами.

3. Бритва опасная с узким лезвием фирмы «Золинген» с пластмассовой колодочкой темно-вишневого цвета...»

— Точно! — подытожил Густов. — Значит, убийство Васюка — тоже его рук дело. Конечно, это только наше предположение. Все надо еще доказывать. Ибо, как говорят англичане, из ста мышей не сделаешь одной лошади, а из ста подозрений — одного доказательства. После того, как закончим составление протокола обыска, следует допросить Махинько о том, как попали к нему эти вещи.

Очередной допрос Махинько вел молодой следователь Михаил Гринштейн, недавно окончивший Таллинскую школу милиции.

— Скажите, откуда у вас чужие вещи? — спросил он Махинько.

— Какие вещи? Нет у меня никаких чужих вещей. Это наговор. Вы... Вы наговариваете на меня. Я не доверяю вам вести следствие! Я буду жаловаться. Не хочу отвечать на ваши вопросы! Не хочу!

Махинько задохнулся, затрясся всем телом, рванулся со стула, схватился за грудь, охнул, покачнулся и, рухнул на пол.

— Не разбился бы, — досадливо подумал Гринштейн, полагая, что это очередная выходка. Но когда глаза Махинько закатились, на губах запузырилась пена, а щеки побелели, молодой следователь не на шутку всполошился и вызвал врача. Затем разыскал прокурора и попросил его зайти к нему.

Вошедшему врачу — немолодой уже женщине — Гринштейн коротко объяснил, в чем дело. Через несколько минут хлопнула дверь, и в кабинете появился Густов. У порога он сбил снег с шапки и пальто и торопливо устремился к следователю, на ходу протягивая руку:

— Что стряслось? Ты так говорил, что я ничего не разобрал.

— Сам не знаю. С Махинько обморок, что ли.

Только начал спрашивать его насчет вещей и вот... Сейчас врач скажет, что с ним.

Гринштейн подробно пересказал все, что произошло.

Врач, осмотрев Махинько, повернулась к следователю:

— Ничего особенного. Сердце в порядке, пульс в норме. Немного понервничал. И... как вам сказать, похоже на симуляцию.

У Гринштейна отлегло от сердца. Он с усмешкой буркнул:

— Ну и мудрец...

Поняв, что выходка не удалась, Махинько «пришел в себя».

— Какие у вас претензии к лейтенанту Гринштейну, гражданин Махинько? — спросил Густов, садясь за стол.

Махинько не шелохнулся, как будто ничего не слышал.

Вопрос пришлось повторить. В голосе прокурора послышались жесткие нотки.

— Чего вы пристаёте с расспросами! — зло выкрикнул Махинько. — Сам скажу, что надо.

— Это хорошо. Можно считать, что инцидент исчерпан. Продолжайте допрос, товарищ Гринштейн, я присутствую.

— Зря стараетесь, я отвечать не буду, — пробубнил Махинько, не поворачивая головы.

— Почему?

— Устал.

— Ну что ж, причина уважительная. Как, товарищ следователь?

— Пусть отдохнет.

— Имейте в виду, Махинько, — заговорил Генрих Арсентьевич, — поднимаясь из-за стола, — тянуть следствие — вам же хуже.

— А мне спешить некуда...

На следующий день Махинько снова доставили в кабинет Гринштейна. Они сидели друг против друга. За окном был холодный январский день, серый и пасмурный. Махинько сидел на стуле сторбившись, поглядывая на следователя искоса. Он немного похудел, осунулся. Гринштейн принялся снова уточнять, когда,

при каких обстоятельствах вещи Васюка попали в руки Махинько.

Махинько начал рассказывать. Он не стал на этот раз отрицать того, что вещи, обнаруженные у него на квартире во время обыска, действительно принадлежат Васюку. Тот с Махинько дружил и перед отъездом с курсов, якобы, оставил у друга свои вещи, а сам куда-то исчез.

Но все это опровергалось показаниями свидетелей из Пятигорска, которые утверждали, что видели задержанного вечером 2 ноября 1955 года с Алексеем Васюком, и то, как Махинько сдавал вещи в камеру Пятигорской железнодорожной станции.

Судебно-медицинская экспертиза указывала на то, что на кисти правой руки у Махинько имелся рубец от резаной раны. Это подтверждалось записями в журнале медицинского пункта, куда он обращался для перевязки.

В кабинет Водолажского вошел дежурный милиционер.

— Андрей Иванович, к вам на допрос просится Соловьев.

— Ну что ж, как раз кстати. Давайте.

Соловьев вошел, сел на предложенный ему стул.

— Я вас слушаю, Анатолий.

Сначала скороговоркой, путаясь, а потом все тверже Соловьев заговорил:

— Я сидел за грабеж. Тогда ничто меня не связывало, а сейчас... А сейчас у меня жена. Скоро будет ребенок. В общем, вы меня понимаете... Работую честно. Я не совсем конченный. Поверьте, я не убивал!

Следователь, напряженно слушавший Соловьева, тихо сказал:

— Теперь я вам верю, Анатолий. Вы не виноваты в убийстве Кущева. А сейчас идите домой, вас ждет семья. Извините, такая уж наша работа...

Соловьев глянул на следователя повеселевшими глазами:

— Это правда?

— Да!

— Спасибо, что разобрались... Вы — настоящий человек!

Участниками оперативной группы были собраны все

доказательства, изобличающие Махинько в двух убийствах,— и свидетельские, и вещественные, и криминалистические. Но бандит все еще продолжал изворачиваться, юлить, надеясь на что-то.

* * *

В комнату вошел Густов. Склонив голову, он посмотрел на Махинько, прошел к столу, сел рядом со следователем Водолажским. Начался допрос официальный, с предъявлением обвинения.

Водолажский говорил чуть напряженным голосом:

— Гражданин Махинько, вы обвиняетесь в убийстве граждан Васюка и Кущева. Расскажите следствию обстоятельства дела. Начнем с первого вопроса. Признаете ли вы себя виновным в совершенных преступлениях?

— Ясно, что нет!— торопливо вскрикнул Махинько.— У вас нет никаких оснований. Я не согласен! Это все клевета!

— Подождите, Махинько, не спешите,— вмешался прокурор.— Сначала выслушайте. Мы представим вам доказательства в том, что вы совершили два убийства. Вам предлагается подробно и честно рассказать об этом.

Махинько хотел что-то возразить, но замолчал. Лицо его судорожно подергивалось, казалось, он вот-вот заговорит, но что-то мешает ему произнести первую фразу.

— Хватит, Махинько! Не придумывайте, как обмануть следствие. Отвечайте сразу: признаете себя виновным в убийствах?— сказал прокурор.

— В каких убийствах? Я же говорю вам, что не убивал. Сначала ответьте мне, за что я здесь сижу?

— Что ж, пожалуйста, мы ответим, за что вы арестованы: второго ноября тысяча девятьсот пятьдесят пятого года вы убили Васюка, а пятого января тысяча девятьсот пятьдесят шестого года — Кущева. Перейти к доказательствам или будете говорить?

— Я должен собраться с мыслями.

— С мыслями вы соберетесь, время у вас будет. Но сейчас ответьте: признаете себя виновным в убийстве Васюка и Кущева?

Махинько долго молчал, еще ниже опустил голову. Потом, наконец, тяжело выдал:

- Да, признаю.
- Голос прокурора звучит твердо, наступательно:
- Скажите, с какой целью совершили убийства?
- Махинько ответил безучастно:
- Нужны были деньги, вот я и...
- Где четырнадцать тысяч рублей, которые вы забрали у Кущева после его убийства?
- В надежном месте.
- В каком?
- Они зарыты в одном переулке. В инкассаторской сумке. Пятьдесят из них я пропил.
- Сможете показать то место, где спрятаны деньги?
- Да.

После допроса Густов подготовил на имя прокурора Минераловодского района письмо: «Прокуратурой Благодарненского района арестован Махинько за убийство ездового Сотниковского отделения связи Кущева.

При обыске у него на квартире обнаружены вещи, сходные с теми, которые согласно вашей ориентировке были похищены у убитого связиста Алексея Васюка.

На допросе Махинько сознался в убийстве Васюка и хищении у него вещей.

Прошу вас выслать уголовное дело об убийстве Васюка для приобщения к делу Махинько».

Изучая в отделении связи личное дело Махинько, Водолажский и Тарасов обратили внимание на то, что дата рождения Махинько, указанная им в личном листке по учету кадров и автобиографии, и дата в свидетельстве о рождении, обнаруженном у него при обыске, не совпали. В свидетельстве о рождении значилось, что Махинько родился 16 августа 1925 года, в автобиографии же и в личном листке по учету кадров он писал, что родился 30 сентября 1925 года. Эту же дату он называл и при допросах.

У Водолажского и Тарасова возникли сомнения в подлинности принадлежавших Махинько документов. Эти сомнения усилились, когда ознакомились со свидетельством об освобождении Махинько от воинской обязанности.

Тогда обратились к помощи врачей. Те расшифровали значение параграфов и статей, на которые была сделана ссылка в свидетельстве. Оказалось, что Махинько в свое время возвратился досрочно из армии

и был освобожден от воинской обязанности вследствие того, что болел туберкулезом. Но это никак не вязалось с внешним видом Махинько. Он был атлетически сложен и выглядел вполне здоровым человеком.

Не прошла незамеченной и такая деталь. На левой руке Махинько имелась татуировка «Ваня» со следами исправления. При проведении экспертизы установили, что ранее было вытатуировано имя «Вася», а позже буква «с» исправлена на «н».

Участники опергруппы пришли к единому убеждению: арестованный пользуется чужими документами. Решили проверить.

В своих анкетных данных Махинько указывал, что он родился и проживал в Мало-Висковском районе Кировоградской области. Туда немедленно отправили запрос с фотографиями арестованного.

Вскоре пришел ответ, в котором сообщалось, что... Иван Махинько умер в 1954 году в результате болезни. В посланных Благодарненской прокуратурой фотографиях был опознан житель Мало-Висковского района Василий Пахомов, который в 1954 году совершил крупную кражу товаров из местного магазина, скрылся и длительное время разыскивался органами милиции.

Следователь Водолажский вел последний допрос.

— Скажите, как ваша настоящая фамилия? — внезапно спросил он преступника.

Тот оторопел от неожиданности. Лицо его на миг потеряло осмысленное выражение, но потом потрясение прошло. Он собрался с силами и процедил сквозь зубы:

— И это знаете?

— Да, мы все о вас знаем, так что рассказывайте правду и поподробнее.

Упершись взглядом в пол, он стал рассказывать. Говорил глухо, спокойно, словно о чем-то обычном, а не о чудовищных преступлениях...

Материалы, собранные работниками милиции и прокуратуры, воссоздали полную картину убийств Кущева и Васюка. Рассказ Махинько-Пахомова только дополнял и уточнял детали преступления.

Вот что было выяснено окончательно.

Родился Василий Пахомов и проживал в Мало-Висковском районе Кировоградской области. В ночь на

3 августа 1954 года, по сговору с другими преступниками, проломив стену магазина № 1 Лозоватского сельпо, он совершил кражу товаров на крупную сумму. Но был задержан. Во время обыска сбежал и скрылся в Иркутской области.

Живя в Культинском районе и работая монтером, Пахомов занимался махинациями. Приодевшись и имея карманные деньги, он снова появился в Мало-Висковском районе. Из дома умершего Махинько Ивана Прокофьевича Пахомов выкрал документы, подделал справки с места работы и приехал в Благодарненский район. Устроился на работу в Сотниковское отделение связи в качестве линейного надсмотрщика.

В сентябре 1955 года его направили на курсы усовершенствования связистов в Иноземцево. Во время учебы он сблизился с Алексеем Васюком — тоже связистом. По окончании курсов вечером 2 ноября Махинько после выпивки в закускойной увел Васюка в лес и неподалеку от станции Иноземцево Алексея убил. Во время борьбы он поранил себе правую руку.

Труп сбросил в овраг, а вещи Васюка забрал с собой. Часть из них продал на пятигорском рынке; пальто, шарф, часы «Победа», бритву «Золинген» и чемодан привез в Сотниковское.

На почте Пахомов-Махинько узнал, что ездовой возит деньги в соседние отделения связи, не имея при себе оружия и сопровождающих. «Можно пожитьяся».

Для этого преступник вошел в доверие к ездовому Николаю Куцеву, не раз помогал ему ремонтировать повозку, угощал спиртным.

5 января Куцеву было поручено везти в Бурлацкое отделение связи посылки, письма и крупную сумму денег. Об этом знал и Махинько. Утром, получив от техника Шевцова задание проверить линию радиосети по улице Советской, он, выйдя на улицу Красную, стал поджидать ездового.

В 11 часов 35 минут появилась повозка Куцева.

— Колька, подвези! Надо в конце Советской поправить телеграфные столбы.

— Ну так садись, — Куцев показал рукой на повозку.

По дороге встретилась рабочая конторы «Заготскот» Анастасия Позигунова.

— Девушка, нам нужна железная лопата. Не одолжите? — попросил Пахомов-Махинько.

— У нас дома нет, идемте к соседке Марии...

— Пребольшое спасибо, — взяв лопату, сказал он.

Вот и конец улицы Красной, но «пассажир» продолжал ехать. Выбрались на грейдер Сотниковское-Бурлацкое. Впереди была степь, вокруг — ни души. «Пора начинать», — мелькнула мысль, бандит, сидевший позади занес над головой Кущева топорик с круглым обушком. Дважды ударил ездового...

Взяв вожжи, Пахомов-Махинько гикнул на лошадей, и они понеслись галопом...

Оставив повозку за нежилым помещением, преступник начал торопливо рыть яму. Закопав труп, он распряг лошадей, гнедую отпустил, а на серой помчался в Сотниковское, взяв с собой лопату, топорик и деньги.

В трехстах метрах от грейдера выбросил топорик, лошадь отпустил на окраине села, а сам направился по улице Советской, чтобы отдать хозяйке лопату. «А куда теперь деньги? — вдруг вспомнил он. — Домой нести нельзя, слишком большая сумма. Ага — зарюю их вон там у второго телеграфного столба. Это я сделаю вечером...»

Пахомов-Махинько закончил свой рассказ. Минуту другую молча курил. Потом криво усмехнулся:

— Все-таки раскрутили. Не думал, что так получится... Ну, что теперь, в расход?

— Это дело суда, — коротко ответил следователь.

Время перевалило за полдень. Милицейский «газик», набрав скорость, мчался по укатанной дороге в сторону Ставрополя. Ехавшие в нем Александров и Тарасов молчали, но у каждого из них в эти минуты было легко на душе. Легко от успешно выполненного дела. От того, что одним матерым бандитом стало меньше на нашей земле.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Командир отряда милиции	7
И пули свистели...	17
Лицом к лицу	30
Подари людям сердце	43
Солдатский подвиг милиции	53
Ответственный пост	75
Такая у него работа	95
Тревожная служба	106
Зачислен навечно	120
С л е д о в а т е л ь	129
Верность долгу	140
Лихачу навстречу	148
По запутанному следу	156

Петр Никитович Тарасенко
ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ МИЛИЦИИ

Редактор **И. Романов**
Художник **В. Каретко**
Худож. редактор **Г. Говорков**
Техн. редактор **А. Кобыльниченко**
Корректор **З. Кулиш**

Сдано в набор 15.VIII-74 г. Подписано к печати 30.XII-74 г. Формат 64x108/32. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,63. Тираж 50000. Заказ № 4811. Цена 41 коп. ВГ18098.
Ставропольское книжное издательство,
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ВЕРНОСТЬ ЗЕМЛЕ. Ставропольское книжное издательство, 1974, 207 с., цена 63 коп.

Книга тепло повествует о тех, кто идет по стопам отцов, становясь подлинными хозяевами земли ставропольской, о тесной связи поколений, о славных делах молодых тружеников края и о той заботе, которую проявляют Коммунистическая партия и Ленинский комсомол в воспитании наследников революции.

Недумов С. И. ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПЯТИГОРСК. Ставропольское книжное издательство, 1974, 310 с., цена 62 коп.

В книге С. И. Недумова собраны ценные малоизученные материалы, рассказывающие об истории Пятигорска, о его людях, о пребывании М. Ю. Лермонтова в этом городе, о друзьях и врагах, окружавших великого поэта.

Кузнецов И. КАК ВЫРАСТАЛИ КРЫЛЬЯ. Ставропольское книжное издательство, 1974, 224 с., цена 81 коп.

Очерки о коммунистическом воспитании советской молодежи, высоких гражданских чувствах, мужестве, готовности к защите Родины. Книга написана на материалах повседневной жизни летных училищ Советской Армии.

Горлов А. КРИК ПЕВЧЕЙ ПТИЦЫ. Ставропольское книжное издательство, 1974, 224 с., цена 48 коп.

В своей основе повесть «Крик певчей птицы», рассказывающая о расследовании тяжкого преступления, документальна. Значительное место в книге отведено быту, службе солдат и офицеров внутренних войск.

Алферов В., Чекменев С. НЕПОКОРНЫЕ. Ставропольское книжное издательство, 1974, 112 с., цена 26 коп.

В течение почти ста лет вели беспримерную по отваге и стойкости борьбу за свое освобождение от помещичьего гнета крестьяне села Маслов-Кут (ныне село Стародубское Ставропольского края).

Об этой героической борьбе и повествуют авторы «Непокорных».

Зубарев П. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ. Ставропольское книжное издательство, 1974, 160 с., цена 38 коп.

Основываясь на документальных фактах работы уголовного розыска, автор рассказывает о разоблачении органами внутренних дел крупной банды отъявленных преступников, о становлении характера бывшего уголовника Дмитрия Власова, который оказал милиции серьезную помощь.

Тарасенко П. Н.

Т—19   Тревожные будни милиции. Ставро-
поль, кн. изд-во, 1975.
188 с.

В своих очерках политработник краевого управления внутренних дел П. Н. Тарасенко достоверно и живо рассказывает о трудной, опасной, всегда тревожной работе сотрудников милиции Ставрополя, начиная с той поры, когда только зарождалась служба охраны порядка, и до наших дней.

П 0—1—2—4—11—75
М 159(03)—75 11—75

34С33(С163)